

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 14 ПСИХОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 1 • 2013 • ЯНВАРЬ–МАРТ

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические и обзорно-аналитические исследования

- Петренко В. Ф. Базовые метафоры психологических теорий. 4
- Патяева Е. Ю. Системы социокультурного мотивирования: концептуальная модель 24
- Аникина В. Г. К проблеме использования феноменологии Э. Гуссерля для исследования рефлексии в современной психологии. 42
- Миньяр-Белоручева А. П., Покровская М. Е. Этнические стереотипы в англоязычном пространстве: визуальные образы персонификации и вербальные образы-антропонимы 52

Эмпирические исследования

- Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федупина Н. Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях 66
- Фам А. Х., Леонтьев Д. А. Субъективное конструирование выбора в ситуациях разного уровня значимости (Часть 1) 84
- Наумова В. А., Глозман Ж. М. Арт-терапия как эффективный метод целенаправленной фасилитации конструктивного развития личности в пожилом и старческом возрасте 97

Денисова Т. Н. Особенности представлений о времени у школьников и студентов с различной выраженностью мотивации достижения	111
Семянищева П. А. Психологические ресурсы преодоления стресса в ситуации отраслевых организационных изменений (на контингенте военнослужащих)	123
<i>Методика</i>	
Кононова В. Н., Нахаева И. В. Исследование психометрической эквивалентности двух версий проективной психодиагностической методики — традиционной («Цветовое зеркало») и компьютеризированной («Цветомер личности»).	136
<i>Преподавание психологии</i>	
Иванова Е. М. Формирование психологической готовности студентов-психологов к профессиональному становлению	152
<i>На факультете психологии</i>	
Конкурс дипломных работ-2011	160
Конкурс дипломных работ-2012	179
<i>Научная жизнь</i>	
Бордовская Н. В., Даринская Л. А. «Ананьевские чтения-2012»: проблемы психологии образования.	191

CONTENTS

Theoretical and analytical studies

Petrenko V. F. The basic metaphors of psychological theories	4
Patyayeva E. Yu. Social and cultural motivating systems: A theoretical model	24
Anikina V. G. On the use of the Husserl's phenomenology for the study of reflection in modern psychology	42
Minyar-Beloroutcheva A. P., Pokrovskaya M. E. Ethnic stereotypes represented by personifications and anthroponyms have been created through visual and verbal images in English speaking area	52

Empirical studies

Voinskounsky A. E., Evdokimenko A. S., Fedunina N. U. Alternative identity in social networks	66
Fam A. Kh., Leontiev D. A. Subjective construction of choice in situations of different scale of importance (Part 1)	84
Naumova V. A., Glozman J. M. Art therapy as an effective method of purposeful facilitation of constructive personal development in old and senile age	97
Denisova T. N. Features of ideas about time in schoolchildren and students with various expressiveness of motivation of achievement	111
Semyanishcheva P. A. Psychological coping resources of military personnel during branch-wise and organizational innovations in the Armed Forces	123

Methods

Kononova V. N., Nakhaeva I. V. Psychometric research the equivalence of two versions of the projective psychodiagnostic techniques — traditional ("Colour Mirror") and computerized ("Tsvetomer of Personality")	136
--	-----

Teaching of psychology

Ivanova E. M. The formation of the psychological readiness of the students-psychologists to the professional activity	152
---	-----

At the faculty of psychology

Graduate Paper Contest-2011	160
Graduate Paper Contest-2012	179

Scientific events

Bordovskaya N. V., Darinskaya L. A. "Ananyevskie chteniya-2012": The problems of educational psychology	191
---	-----

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОБЗОРНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Ф. Петренко

БАЗОВЫЕ МЕТАФОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Статья посвящена ментальным установкам, имплицитным моделям, базовым метафорам, которые задают специфику парадигмы той или иной психологической теории. Автор описывает социальный климат и духовные ценности, в атмосфере которых создавались психологические теории.

Ключевые слова: имплицитные модели, базовые метафоры, психосемантика, психологические теории.

The article is devoted to the mental attitude, implicit models and basic metaphors, which make specifics of a paradigm in any psychological theory. The author describes the social climate and moral values within that the psychological theories had been created.

Key words: implicit models, basic metaphors, psychosemantics, psychological theories.

За наличием многочисленных школ в психологии стоит гораздо меньшее число базовых метафор, имеющих, как правило, характер визуального образа или образа действия и задающих тот смысловой корень, из которого произрастают психологические теории. Поясним на примере. А.А. Богданов (1989) в фундаментальной монографии «Тектология: Всеобщая организационная наука», которая многими учеными рассматривается как предвестница кибернетики, предвосхитившая ряд положений «Теории систем» Л. Берталанфи (1969), показывает, что «основной метафорой» (в терминах Богданова) в познании мира в первобытном обществе были племенные отношения внутри самого этого общества как материал, наиболее близкий и освоенный людьми.

Петренко Виктор Федорович — член-корр. РАН, докт. психол. наук, профессор, зав. лабораторией психологии общения и психосемантики ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* victor-petrenko@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (гранты № 11-06-12023-офи-м 2011 и № 11-06-00196а).

«Общенародный язык во всей широте сохраняет основную метафору. В нем суждения или “предложения”, относящиеся к человеческим и социальным активностям, организуются совершенно одинаково с теми, которые относятся к активностям стихийным; например, подлежащим может являться предмет живой или неодушевленной, конкретный или отвлеченный, символ тела или процесса, или действия; один и тот же глагол, одно и то же прилагательное может выступать как сказуемое при всех этих разнородных подлежащих, т.е. как их прямая характеристика. Соответственно расчленению семьи, этой до сих пор основной социальной ячейки, все компоненты внешней природы, все абстракции идеального мира в большинстве языков разделяются на мужчин, женщин и сексуально не оформившихся детей, ибо никакого иного смысла не имеет деление существительных на роды: мужской, женский и средний. Этот своеобразный монизм легко проследить по всей линии грамматики» (Богданов, 1989, с. 46).

Русский язык несет в своей грамматике и синтаксисе огромный пласт архаичного мышления и миропонимания. В свое время мы (Ермолаев, Петренко, 1976) ввели понятие «псевдодействие» для обозначения присущего русскому языку феномена описания предметной ситуации по аналогии с человеческим действием. Рассмотрим, например, предложение «книга лежит на столе». Мало того, что в ситуации пространственного взаимоотношения двух объектов меньшему по размеру (книге) приписывается роль подлежащего, т.е. субъекта, который совершает антропоморфное действие (разлеглась, понимаешь!). Этому субъекту (книге) приписывается еще и половая принадлежность (книга — она) при полном отсутствии каких-либо половых признаков. Описание окружающей реальности через ее антропоморфизацию, т.е. наделение природных процессов человекоморфными свойствами и использование в качестве модели собственных действий в мире, и составляет первейшую базовую метафору житейской психологии. Древний человек по аналогии с самим собой одушевлял природу, приписывая природным процессам субъектность. Сравним предложения: «Я иду домой» и «Идет дождь»; «Ветер качает деревья», «Мать качает люльку с ребенком»; «Анастасия выглянула из-за плетня» и «Солнце выглянуло из-за туч». В этих предложениях как человек, так и разного рода природные процессы и стихии выступают в роли подлежащего, обозначающего активный агент действия. Отметим, что для снятия этого архаического, уходящего в седую древность феномена антропоморфизации неживой природы, присущего нашему языку в падежной грамматике Ч. Филмора (1981), вводится глубинный уровень смысловых ролей («семантических падежей»), соответствующий современным представлениям о человеческой деятельности и природных процессах. Так, в падежной грамматике Ч. Филмор ввел семантические роли *агента* — некоего субъекта деятельности, которым может быть

только живое существо. Например, в предложении «Собака укусила прохожего» в роли агента выступает собака, а прохожий — в роли объекта воздействия (а не субъекта), так как он не обладал никаким намерением быть укушенным. В предложении «Музыка взволновала меня» «я» является не активным агентом, а скорее существом страдательным, и «мне» отводится роль пациенса. В предложении «Я влюбился» «я» тоже не является активным субъектом, поскольку нечто произошло со мной, возможно, и помимо моей воли. Хотя на поверхностном грамматическом уровне в первом примере слово «музыка» занимает место подлежащего, на глубинном семантическом уровне она играет роль «инструмента воздействия» или «средства». Аналогично тому, как в предложении «Я иду пешком» (т.е. ногами) ноги выполняют роль «средства-инструмента». Проблему выделения «смыслового подлежащего», отличного от грамматического, ставил еще Л.С. Выготский в книге «Мышление и речь» (Выготский, 1934).

Процесс метафоризации заключается в мышлении по аналогии, когда характеристика одного более или менее известного объекта (события, процесса, состояния) переносится на другой объект, сходный с первым по перцептивному образу, функциональному значению или эмоциональному тону (коннотации), и первый выступает моделью второго, позволяя извлекать из этой аналогии дополнительную информацию. С помощью метафоры человечество осваивает новые, неисследованные области познания, бросая на зыбкую почву незнаемого представления и понятия освоенного мира. Одна из самых продвинутых наук, физика, просто пестрит «стершимися метафорами»: «поле», «напряжение», «сила» — в классической физике; «теория струн», «аромат частиц» — в атомной физике; «черные дыры», «червоточины», «кротовые ходы» и т.п. — в космологии. В психологии также можно встретить слова и выражения, почерпнутые из непсихологических наук. Это могут быть заимствования из математики, физики, геологии: «сфера», «механизм», «слои», «глубины» и др. (Болдырева, Климов, 2008). Психологические теории базируются на широко понимаемой метафоре, будь то разновидность тропа (метафора, метамония, гипербола, оксюморон, литота, олицетворение и т.п. (см.: Петренко, Коротченко, 2008), или притча (как «Эдипов комплекс» — см. Фрейд, 1989), или даже некий феномен, выступающий ярким примером «прототипа» (в терминах Э. Рош. См.: Вежбицкая, 1996) целой содержательной области (например, «фи-феномен» для гештальтпсихологии или «Павловский слюнной рефлекс» для бихевиоризма). Психологические теории можно дифференцировать по тому, какие базовые метафоры использовались при их построении. Причем эти метафоры иногда помогают освоению новых областей науки, а иногда тормозят, ограничивают движение

вперед. Так, например, «теория отражения» (часто с дополнением «ленинская»), выступавшая официальной методологией советской науки, базировалась на метафоре «зеркала», отражающего объективную реальность (на Западе ее философским аналогом выступает теория «когерентной истины» — см.: Касавин, 2001). Сыграв положительную роль в психологической науке при изучении процессов восприятия, отчасти памяти, эта метафора оказалась неадекватной по отношению к процессам творчества, фантазии, мышления. Как можно отражать то, чего еще нет, что находится в процессе творческой эволюции?

«Компьютерная метафора» в когнитивной психологии, базирующаяся на аналогии работы человеческого мозга и компьютерного процессора, конечно, тоже имеет существенные ограничения. Так, например, «искусственный интеллект» ограничен невозможностью создания «искусственных эмоций», в то время как их естественные аналоги играют ведущую роль в процессах мышления, задавая взаимодействие аффекта и интеллекта. С позиции базовой метафоры «компьютер с интернетом» может быть рассмотрена и набирающая силу трансперсональная психология, где метафора, с моей точки зрения, может быть дополнена образом «квантового компьютера с космическим интернетом». Трансперсональная психология интересуется в первую очередь психологическими феноменами, выходящим за рамки индивидуального бытия (психопрактиками, трансовыми состояниями, переживанием пиковых состояний, религиозным опытом и т.п.). Метафора «компьютер с интернетом» как нельзя лучше подходит к человечеству как не слишком продвинутому пользователю, открывающему в семантическом пространстве интегрального космического сознания неведомые области.

Различные базовые метафоры как базовые модели мира включают в себя аксиологические основания, а также этические следствия, вытекающие из той или иной модели мира, других людей, самого себя. О роли ценностей, имплицитно определяющих развитие науки и техники, писали И.Т. Фролов (2008) и В.С. Степин (2000). Ценностно-аксиологический компонент в науке, особенно зримо выступающий в гуманитарном познании, рельефно проявляет себя и в развитии психологической науки, выражаясь, в частности, в тех базовых метафорах, которые лежат в основании того или иного методологического подхода или научной парадигмы (в терминах Куна). Так, В.В. Козлов (2007) выделяет семь волн в психологии, связанных со сменой социального бытия людей, хотя его типология этапов развития психологии явно не является полной и в ней доминирует психотерапевтический акцент. Из нее выпали гештальтпсихология, когнитивная психология (Ж. Пиаже, Дж. Брунер, Дж. Келли, К. Прибрам), культурно-историческая психологии и теория деятельности

(Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин). Да и вряд ли психологические школы можно расположить в линейном порядке следующих друг за другом волн. Некоторые школы существовали параллельно друг другу во времени, да и зоны их интересов, как правило, не совпадали. Но в типологии В.В. Козлова присутствует важная идея взаимосвязи времени появления той или иной психологической школы с социальным запросом, с состоянием общественно-политического климата, в рамках и во взаимодействии с которым и формируется новая психологическая парадигма. Далее рассмотрим базовые метафоры физиологической психологии, психоанализа и ряда других психологических теорий.

Физиологическая психология

Если отвлечься от истории работы с сознанием и его измененными формами, идущей из глубин ведической культуры, йоги, дельфийских оракулов, от практик медитации на Йидам (божественную сущность) в тантрическом буддизме или от православного исихазма, использующего для достижения измененного состояния сознания Иисусову молитву, от суффийских трансовых танцев (типа зикра) и т.п. и считать основателем психологии В. Вундта, то начало «научной» психологии заложено в физиологической психологии, идентифицирующей психику человека с его организмом. «Можно с уверенностью утверждать, что первые эксперименты в психологии были больше психофизическими, чем психологическими... И первым предметом психологии является психофизиология органов чувств, ощущений и восприятий. Первые эксперименты с данным предметом (Г.Т. Фехнер) посвящены измерениям ощущений в зависимости от величин физических раздражителей, порогов восприятия и построения психофизических шкал» (Козлов, 2007, с. 28). Базовой метафорой физиологической психологии, как и последовавшего за ней бихевиоризма, мог бы быть образ человека как музыкального инструмента, на котором играет природа. Эти представления, идущие от эпохи французского Просвещения и немецкой философии рационализма, связаны с дехристианизацией Европы в лице ее просвещенной части. «Бог умер», — провозгласил Ницше, и вновь рождающаяся наука психология отказалась от представлений о человеке как образе Божием, от понятия души и других сопутствующих понятий, таких как «творчество», «долг», «честь», «вина», «спасение», «сострадание». Человека свели к его биологическому механизму — организму. «Именно физиологическая психология стала краеугольным камнем материалистически ориентированной советской психологии, которая, опираясь на концепцию свойств нервной системы, берущую свое начало от работ И.П. Павлова о

типах высшей нервной деятельности, разработала целостную универсальную модель психологической науки (Козлов, 2007, с. 29). И если в физиологической психологии еще сохранились идущие от философии понятие «сознание» и метод интроспекции, то в развившемся на ее основе бихевиоризме и эти атавизмы философии были элиминированы. «Стимул—реакция» — предельно простая формула бихевиоризма, сводящая человека к автомату. Человеком правит внешний стимул. И последующее введение в необихевиоризме «промежуточной переменной» принципиально ничего не меняет в этой парадигме внешнего детерминизма. «Становление бихевиоризма совпало с быстрым развитием промышленности, усложнением управленческих, образовательных систем в США. Практическое приложение этой теории — введение конвейеров, развитие рекламы, программированного обучения и т.п.» (там же, с. 31), т.е. таких социальных практик, которые базируются на жестко механистической активности или имеют манипуляторский характер управления человеком. Сведение человека к механизму — общий грех менталитета и идеологии 1920-х гг., проявившийся и в искусстве (в частности, в поэзии футуризма), воспевающем машинный мир, лишенный человеческого сострадания, и в политике, ориентированной на однородные, утратившие индивидуальность массы: «Бьют барабаны, шагают бараны, кожу на барабаны дают сами бараны» (Б. Брехт). В предвоенные годы грех деперсонализации был присущ ментальному и идеологическому климату как в странах с явно тоталитарной идеологией (Германия, Италия, Япония, СССР), так и в значительном большинстве стран Европы, Северной и Южной Америки. Дехристианизация Европы, России и Америки проявилась и в дегуманизации образа человека, что зафиксировалось и в науке психологии. Во многом кармической расплатой за этот грех дегуманизации стали две мировые войны.

Психоанализ

Психоанализ, развивавшийся параллельно бихевиоризму, значительно усложнил образ человека, присовокупив к его рациональному Эго огромный пласт как индивидуального (З. Фрейд), так и коллективного (К. Юнг) бессознательного. «Психоанализ привнес новые субъект-субъектные диалогические отношения личности в отличие от субъект-объектного медико-биологического отношения в физиологической психологии. В психоанализе мы уже видим “живого другого”, партнера по взаимодействию, который имеет свой голос и свободен в решении, выборе — вплоть до принятия или непринятия психотерапевтической аналитической игры» (Козлов, 2007, с. 30). Базовой метафорой психоанализа может считаться мифологема «Эдипова комплекса», выступающего, по Фрейду, усло-

вием формирования личностной идентичности и запуска процесса социализации, выражающегося в идентификации с образом отца и в стремлении занять его место на ложе с матерью. (Напомним, что в основе мифа о царе Эдипе лежит сексуальное влечение к собственной матери и убийство отца как соперника.) Другой базовой метафорой психоанализа мог бы служить образ парового котла, снабженного золотником как регулятором давления внутри котла. При повышении давления выше нормы клапан золотника приподнимается, позволяя пару выйти наружу. С позиции кибернетики пример парового котла, снабженного клапаном для сброса избыточного давления, являет собой простейшее гомеостатическое устройство с обратной отрицательной связью, позволяющее поддерживать внутри себя динамическое равновесие. Данная метафора пронизывает ранние работы З. Фрейда, в которых мотивом свершения действия выступала потребность в динамическом равновесии организма со средой. Однако в более поздних работах («По ту сторону принципа удовольствия») Фрейд отказывается от гомеостатической модели и на основе феноменологии травматических неврозов, имеющих неадаптивный характер, постулирует «принцип Танатоса» — влечение к саморазрушению и смерти, являющийся антиподом «принципа Эроса» — влечения к удовольствию. Классический психоанализ Фрейда хорошо описывает «человека из подполья», находящегося наедине со своими внутренними конфликтами, сексуально закомплексованного, невротичного, истеричного, но он не затрагивает проблем социального взаимодействия и духовного развития личности, богоискательства и осознания себя в контексте трансцендентального. Эта тематика развивалась уже в неофрейдизме трудами К. Юнга, А. Адлера, Э. Фрома, подготавливая почву для появления гуманистической и трансперсональной психологии (см.: Турецкий, 2006, 2007, 2009).

Гештальтпсихология, когнитивная психология

Базовой метафорой *гештальтпсихологии* (К. фон Эренфельс, М. Вертгеймер, К. Коффка, В. Кёлер, К. Дункер), изучавшей процессы восприятия и мышления, может выступать феномен Ф-движения, демонстрирующий несводимость целостного образа к сумме отдельных ощущений. Суть его в следующем. Если последовательно зажигать отдельные точечные источники света, расположенные в некоторой последовательности в пространстве, то при определенных соотношениях яркости этих источников, расстояний между ними и временном интервале между вспышками возникает иллюзия непрерывно движущейся световой полосы («бегущей волны»), визуально неразложимой на отдельные ощущения. Идея неразложимости целостных психических структур на отдельные элементы была

реализована в разработках когнитивной психологии, возникшей в 1960-х гг.

Базовой метафорой *когнитивной психологии* (Дж. Миллер, Г. Саймон, А. Ньюэлл, Дж. Брунер, К. Прибрам, Р. Солсо, Дж. Сперлинг, Б.М. Величковский) является компьютерная метафора, рассматривающая работу мозга человека по аналогии с работой компьютерного процессора. «Согласно этой модели, люди подобно компьютерам кодируют символьные входные данные (Input), перекодируют их, принимают решения в их отношении, хранят какую-то их часть в памяти и, наконец, декодируют и выдают символьные выходные данные (output). ...В этом диалектическом танце ума и машины компьютер предстает в качестве интригующей метафоры человеческого разума» (Фрейджер, Фейдимен, 2008, с. 324—326).

Одним из интересных направлений когнитивной психологии является разработка голографической модели психических процессов. *Голографическая метафора* памяти (более широко — психики) человека восходит к работам К. Прибрама. Помогая в систематизации результатов исследований известного нейропсихолога К. Лешли по резекции части мозга у животных, К. Прибрам пришел к заключению, что память и сформированные навыки у прооперированных животных сохраняются и при удалении обширных зон мозга, т.е. сформированные навыки не локализованы в каких-то конкретных областях мозга, а распределены по всему его объему. Опираясь на работы физика Бома (см.: Талбот, 2008), Прибрам использовал феномен голограммы как метафору функционирования памяти. Суть физической голограммы заключается в фиксации на материальном носителе (например, на фотопленке) результатов интерференции двух электромагнитных волн, исходящих из когерентных источников. Один из источников является отражением некоего объекта и при интерференции его и второго источника возникает интерференционная картина в виде темных и светлых колец, фиксирующих наложение двух волн. Если освещать голограмму с помощью луча лазера, то возникает объемное изображение «сфотографированного» в голограмме объекта. Интересная особенность голографической матрицы в том, что отрезанный от нее кусок любой величины будет сохранять все целое изображение, только оно будет менее четким. Идею сохранности в памяти всего пережитого человеком выражали и экспериментально подтверждали: на нейропсихологическом материале — А.Р. Лурия, на материале визуальной памяти — Б.М. Величковский, в гипнотических опытах — В.В. Кучеренко. Эта идея целостности и сохранности всего пережитого опыта, как отдельного человека, так и человечества, органично входит в формирующееся мировоззрение современной трансперсональной и интегративной психологии.

Культурно-историческая психология и теория деятельности

Культурно-историческая психология имеет долгую историю (с 1920-х гг. по наст. время) и претерпела определенную трансформацию в своих методических основах. Л.С. Выготский (1983) выдвинул базовые положения культурно-исторической психологии, а именно: 1) Высшие психические процессы (у Выготского функции) возникают при интериоризации общественного опыта (культуры). 2) Процесс интериоризации происходит в ходе социального взаимодействия (ребенок—взрослый, учитель—ученик) и может быть выражен формой «из интер в интра». 3) Высшие психические процессы (сознание, мышление, память, внимание и т.п.) являются знаково опосредованными: знаки выступают психическим орудиями, с помощью которых человек управляет процессами собственной психики, тем самым делая их произвольными и осознанными.

Одно из направлений культурно-исторической психологии заключалось в непосредственном сопоставлении психических процессов у представителей различных культур, находящихся на разном уровне цивилизационного развития. Так, люди, получившие школьное образование, отличаются в своем сознании и мышлении от людей, живущих в традиционном (архаичном) обществе и соответственно не получивших систематического образования.

Эпиграфом культурно-исторической психологии могло бы стать известное выражение А.Р. Лурия «у узбеков нет иллюзий», присланное (по легенде) телеграммой Л.С. Выготскому, по поводу отсутствия визуальных иллюзий у людей, не обучавшихся в школе и соответственно не знакомых с перспективой в живописи. Исследования А.Р. Лурия, проведенные в Узбекистане, выявили у людей с традиционалистским менталитетом интересный феномен неспособности к решению силлогизмов и выведению логических следствий исходя из их содержания. На основе этих экспериментов А.Р. Лурия предположил, что у представителей традиционных культур отсутствует рефлексия. Однако казахский психолог М.М. Муқанов (1980) на материале национального фольклора убедительно показал, что пословицы, поговорки, айтесы (юридические прецеденты традиционного права) выполняют ту же функцию рефлексии мышления, что и европейская (идущая от Аристотеля) логика. Тем не менее налицо различие в культурно-исторических средствах-орудиях опосредствования в процессах сознания и мышления, а также форм и уровней обобщения, на которых осуществляются высшие психические процессы у представителей различных культур, что свидетельствует в пользу подтверждения культурно-исторической теории.

Теория деятельности (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, А.В. Брушлинский,

О.К. Тихомиров, Н.Ф. Талызина, В.П. Зинченко, К.А. Абульханова-Славская, Ю.Б. Гиппенрейтер и др.) не представила базовой метафоры своего подхода, но неким его прототипом подхода (или, как любил выражаться А.Н. Леонтьев, экспериментом «крucис») могло бы выступить его исследование возникновения кожной светочувствительности, в рамках которого высвечиваются все базовые принципы, идущие от культурно-исторического подхода Л.С. Выготского. Напомним содержание этого эксперимента. Леонтьев (1965) проецировал на участок ладони испытуемого поток света, который испытываемый, помещавший кисть руки в экспериментальный аппарат, видеть не мог. Благодаря наличию фильтров он не мог и чувствовать тепло этого светового потока. Непосредственно после светового воздействия испытуемого подвергали удару электрическим током. Удара можно было избежать, вовремя отдернув руку. Согласно теории классического условного рефлекса, при многократном сочетании светового ощущения и удара тока должен был бы сформироваться условный рефлекс отдергивания руки в нужный момент. Но этого не происходило. И требовалась инструкция испытуемому, исходящая от экспериментатора (вспомним принцип «из интер в интра» Л.С. Выготского), что, ощутив нечто (участники опытов описывали ощущение светового потока как прикосновение, например, крыла бабочки и т.п.), он может избежать удара тока, отдернув руку. Пафос исследований А.Н. Леонтьева состоял в том, что для формирования условного рефлекса (а большинство физиологов в 1950-х гг. пытались свести психику к высшей нервной деятельности) необходима представленность субъекту воспринимаемого объекта (в нашем случае потока света). Без этой субъективной представленности, т.е. работы психики, условный рефлекс не возникает. В противовес физиологам А.Н. Леонтьев показал, что психика не эпифеномен, сопровождающий (как тень) физиологические процессы, а необходимый и весьма существенный компонент физиологии активности. Другой принципиальный момент, получивший развитие в теории деятельности, связан с собственной активностью познающего субъекта (испытуемого). Ощущение возникает тогда и только тогда, когда абиотический, т.е. биологически незначимый стимул (поток света), несет сигнальную функцию о биологически значимом (ударе электротоком). В эксперименте Леонтьева поток света выполняет функцию своеобразного знака, несущего информацию о биологически значимом стимуле. Таким образом, мы можем наблюдать эмпирическое подтверждение идеи Л.С. Выготского о знаковом опосредовании произвольных психических процессов. Как видим, эксперимент с кожной чувствительностью вобрал в себя основные положения культурно-исторического подхода и в силу этого может выступать своеобразной метафорой всего деятельностного подхода

в психологии, являющегося логическим продолжением культурно-исторической психологии.

Относительно аксиологических, ценностно-мотивационных аспектов теории деятельности в психологии стоит отметить, что за длительный срок ее существования произошли существенные изменения. Отечественная психология прошла путь от революционных лозунгов о необходимости создания марксистской психологии и формирования «нового человека» (эдакого нового советского Адама, если использовать библейский язык), через годы сталинского террора, когда психология была фактически упразднена, а массы психологов репрессированы (по легенде, Сталину принадлежат слова: «Психология военному не нужна, ему требуется дисциплина»), до интенсивного развития собственной научной парадигмы во второй половине XX в. Кардинальные изменения российской государственности в политике, экономике, идеологии не могли не отразиться на методологии и ценностных основаниях отечественной психологии и ее культурно-исторической, деятельностной парадигмы.

Значительное влияние на современное состояние деятельностного подхода в психологии оказывают философские принципы постнекласического мышления и рационализма (Касавин, 1999; Лекторский, 2001; Микешина, 2005; Степин, 2000). Современное развитие культурно-исторической психологии и психологической теории деятельности характеризуется методологическим плюрализмом и широкой интеграцией с другими гуманитарными и естественнонаучными подходами и парадигмами (см.: Асмолов, 2002; Гусельцева, 2007; Зинченко, 2010; Корнилова, Смирнов, 2007; Леонтьев, 2007; Петренко, 2010; Петровский, 2010; Талызина, 2007; Умрихин, 2007).

Гуманистическая и трансперсональная психология

1950—1960-е гг. — время становления американской, а затем и европейской контркультур, поиск новых смыслов бытия для единичного человека, новых путей развития цивилизации для общества. Обостренная после Второй мировой войны жажда жизни породила сексуальную революцию, раскрепощение в эмоциональной сфере, революцию в музыке как наиболее интимной сфере выражения бессознательного. Лозунгом нового поколения стал слоган «*Make love. Not War.*». «По Америке прокатилась очередная коммуитарная волна, на гребне которой создаются духовные коммун, происходят масштабные эксперименты с новыми стилями жизни и поиски новой общности людей, пытающихся прорваться через ограничивающие стереотипы (Козлов, Майков, 2007, с. 176).

Окончание войны ознаменовалось распадом колониальной системы и открытием молодыми американцами Востока, духовного опыта Индии. На создателей трансперсональной психологии (Гроф,

2004; Кришнер и др., 2011; Маслоу, 1999; Мерфи, 2010; Минделл, 2006; Тарт, 2000; Уилбер, 2002; Уолш, 2004; Фрейджер, Фейдимен, 2008; Хант, 2004) оказало огромное влияние знакомство с философией и религией буддизма, индуизма. Многие из них получали духовный опыт и осваивали психопрактики измененных состояний сознания непосредственно в ашрамах Индии. Взаимопроникновение национальных культур, глобализация человеческого духа, распространение психологических практик и психотерапии, подготовленное успехами гуманистической и экзистенциальной психологии, создало почву для появления трансперсональной психологии — области психологии, выходящей за рамки как индивидуального бытия человека, так и социума в допущении существования некой трансцендентальной реальности, доступной только «пробужденному сознанию».

«Трансперсональная психология изучает сознание в широком спектре его проявлений, таких как необычные состояния сознания, духовный кризис, околосхологические смертные переживания, развитие интуиции, творчества, высшие состояния сознания, личностные ресурсы, парапсихологические феномены и т.д. Она опирается на целостное видение человека в перспективе его духовного роста, классическую и неклассическую философскую антропологию, мировые духовные традиции, разнообразные способы самопознания и психотерапии, такие, как медитация, холотропное дыхание, телесно-ориентированная психотерапия, терапия искусством, работа со сновидениями, активное воображение, самогипноз» (Козлов, Майков, 2007, с. 188).

Трансперсональная психология, таким образом, значительно расширила область изучения психологической реальности, направив внимание на феноменологию, выходящую за рамки личностного или социального бытия. Если для прояснения обсуждаемого состояния дел прибегнуть к притче или анекдоту, то можно сказать, что академическая психология со своим логическим и высоконаучным инструментарием ищет истину «там, где светло», где имеются выверенные методы и определен объект исследования, но в своей академичности игнорирует многие экзистенциальные проблемы бытия человека, не зная, как к ним подступиться, то трансперсональная психология «ищет черную кошку в темной комнате, которой там может и не быть вовсе».

Трансперсональная психология ассоциируется с путешествием в неведомое, но в отличие от времени великих географических открытий путешествие осуществляется внутрь собственного сознания, в глубины бессознательного или же в высокие сферы трансцендентального (при всей многозначности и многоплановости этого понятия). В рамках классической науки принято давать объяснения

исходя из наличного состояния знания, предполагая его полноту и способность выстроить целостную и законченную теорию, которая будет трансформирована или отвергнута только на новом витке познания. В каждый исторический момент классическая наука знает «все» и должна дать объяснение любым проявлениям бытия. Можно вспомнить трагикомичные увещания маститых физиков конца XIX в., обращенные к молодой поросли ученых, о том, что «в физике все уже открыто» и им придется только уточнять энные величины после запятой для мировых констант.

Методология постнеклассической рациональности (Степин, 2000) позволяет существование некоторого люфта «незнаемого», наличия понятий, имеющих не научный, а метафорический или мифологический характер. Так, например, в переживаниях людьми «многообразия религиозного опыта» (Джеймс, 1993), «пиковых состояний» (Маслоу, 1997), «выхода в трансцендентальное» (Козлов, Майков, 2007), воздействия «духов местности» в шаманских камланиях в трансперсональной психологии остается не определенным, *кто* или *что* является источником трансляции человеку (по «интернету», встроенному в его сознание или бессознательное) образов, выходящих за границы мира сего. В практике трансперсональной психологии допускается использование четко не определенных, не операционализированных понятий, взятых из религии, мифологии и являющихся метафорами или житейскими представлениями. За счет метафоричности, образности и эмоциональной насыщенности языка описания, а также за счет утраты четкости и однозначности используемых понятий трансперсональная психология может говорить о реальности, лежащей за порогом научной рациональности, но значимой для экзистенциального бытия человека (проблемы жизни, смерти, творчества, сохранения идентичности, сопереживания, эмпатии, интеграции с миром, трансцендирования и выхода за рамки индивидуального бытия).

Если для когнитивной психологии базовой является «компьютерная» метафора, рассматривающая мозг человека по аналогии с процессором компьютера, то базовой метафорой трансперсональной психологии мог бы стать существующий пока как идея квантовый компьютер с сетевым интернетом. Понятие «квантовый компьютер» являет собой некий принцип, идею, не имеющую на данный момент времени физического воплощения. Он аналогичен, например, «машине Тьюринга» — гипотетической виртуальной модели, сыгравший, тем не менее, важнейшую роль в развитии компьютерной техники. Идея квантового компьютера базируется на феномене «квантового сцепления» Эйнштейна—Подольского—Розена (спутанности, «перепутанности» в разных вариантах перевода термина “*entanglement*”). Феномен квантового сцепления был первоначально

сформулирован в противовес теоретической позиции Нильса Бора как парадокс, как то, «чего не может быть». Суть его в том, что если частица и античастица имеют общий источник в их генезисе, то при определении какого-либо параметра одной частицы (например, ее спина, который, согласно принципу Гейзенберга (1953), не существует до момента самого измерения, но присутствует как потенциальная возможность находиться в том или ином состоянии), то ее связный парный элемент одновременно обретает противоположную первой характеристику, как бы далеко друг от друга эти частицы ни находились. То есть нарушается «принцип локальности» как независимости процессов, происходящих в разных концах Вселенной. Феномен квантового сцепления был экспериментально подтвержден в экспериментах Аспекта (см.: Менский, 2005, 2007), и идея целостности бытия («убери из мира песчинку и рухнет Вселенная»), присущая как древнегреческим, так и буддийским философам, обрела новое звучание в рамках квантовой физики. Буддийская теория кармы и христианское утверждение «по вере же и воздастся», вопрос Эйнштейна «Влияет на космос то, что его в данный момент созерцает мышшь?» или суждение М. Булгакова «рукописи не горят» оказываются объединенными общей базовой метафорой «нелокальности бытия». Все в мире взаимосвязано и имеет отклик: от свершенного действия или поступка до появившейся «в голове человека» мысли или порождения образа фантазии.

Вернемся, тем не менее, к модели квантового компьютера как к метафоре работы сознания в трансперсональной психологии. Принцип гипотетического квантового компьютера основан на «связности» его физических носителей, где математическое гильбертово пространство описывает бесконечное множество возможных состояний этого квантового компьютера, имеющего неисчерпаемую емкость и работающего на параллельных процессах. Так почему же гипотетический квантовый компьютер, подключенный к некоему «космическому интернету», мы рассматриваем как метафору трансперсональной психологии?

Физик А.С. Холево высказывает мнение, что элементы квантового компьютеринга присутствуют в человеческом мышлении. Вот эти феномены:

- Способность целостного восприятия информации в противоположность разложению на составляющие свойства; возможно, глаз как орган мозга способен принимать не только классические состояния входящего света, но и непосредственно квантовые состояния фотонов, чем объясняется особая мощь и пропускная способность визуальных коммуникаций и их органическая связь с распознаванием образов.

- Дополнительность между «действием» и «размышлением», аналогичная квантовой дополнительности между положением и скоростью, на которую обращал внимание еще Н. Бор (1961) в своих физико-философских

эссе. Примечательно, что при разработке концепции квантовой дополнителности Бор исходил из уже существовавшей аналогичной концепции витализма в биологии.

- Черты «сцепленности» (или «нелокальности»), когда информация, содержащаяся в объединении подсистем некоторой сложной системы, превосходит арифметическую сумму количества информации, получаемой из подсистем.

- Феномен сознания-подсознания. Трудно удержаться от такой (конечно, крайне упрощенной) аналогии: некоммутативная алгебра квантомеханических наблюдаемых, в которой в каждый момент времени «сканируется» некоторая доступная наблюдению коммуникативная (классическая) подалгебра.

- Органическое сочетание аналоговых и цифровых методов, эффективный параллелизм обработки информации

Разумеется, пишет автор, эти соображения (и другие, такие, как наличие интуиции и свободы воли) носят косвенный характер и не влекут с неизбежностью вывода о том, что в мозге человека или нервной системе других живых существ присутствуют «квантовые микрочипы» или другие квантово-физические механизмы, ответственные за неклассические вычисления и соответствующее поведение (Холево, 2011, с. 19).

Известный физик и математик Роджер Пенроуз в своей получившей мировое признание книге «Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики» (Пенроуз, 2008) описывает исследования американского ученого Стюарта Хамероффа о возможности вычислений, происходящих в микротрубочках цитоскелета клетки. По мнению Р. Пенроуза, феномен сознания тесно связан с физическими процессами, происходящими на квантовом уровне и реализуемыми этими самими микротрубочками, которые на микроскопическом уровне выступают как «клеточные автоматы». Выдающийся физик Р. Фейнман в свое время доказал, что гамилтоновы «клеточные автоматы», под характеристику которых подпадают микротрубочки С. Хамероффа, могут осуществлять вычисления любой сложности (Малинецкий, 2008). Но важно подчеркнуть, что Пенроуз не сводит сознание к вычислительным процедурам, а объясняет неопределенность и спонтанность, исследовавшуюся в виде феномена инсайта в гештальтпсихологии, через редукцию волновой функции, осуществляемую микротрубочками Хамероффа. Будущее науки покажет верность или ошибочность поиска физических коррелятов сознания в функционировании клеточных цитоскелетов. Вполне возможно, что представлениям Хамероффа и Пенроуза уготована судьба «животных духов» Рене Декарта (бегавших по полым нервам и осуществлявших передачу команд от мозга к эфферентным органам) и они останутся в истории науки о сознании как пример мифотворчества. Но в любом случае, как модель Декарта задала правильную научную парадигму, где современная наука только заменила «животных духов» на электрические импульсы-спайки, так и соображения Пенроуза о квантовой природе физических коррелятов сознания и фено-

мене редукции волновой функции как механизме спонтанности и произвольности, останутся базовой парадигмой представлений о физических основаниях механизма сознания.

Остановимся на втором компоненте нашей метафоры трансперсональной психологии «квантовый компьютер с космическим интернетом». Откуда приходят к нам вещие сны, творческие интуиции, пророчества? Для религиозного человека такой вопрос вряд ли актуален. Но образ ветхозаветного Бога, «нашептывающего» нам креативные откровения, вряд ли устроит мировоззрение ученого. От Большого взрыва — момента образования нашей Вселенной — до дня сегодняшнего, по мнению современных астрофизиков, прошло не менее 14 миллиардов лет. Земля как космический объект существует не менее 5—6 миллиардов лет, а жизнь на земле возникла 3—4 миллиарда лет назад. Если перефразировать слова Шарля де Костера, можно сказать: «Пепел потухших звезд стучит в нашем сердце». Действительно, тяжелые элементы периодической таблицы (например, металлы) возникают только при коллапсе (взрыве) сверхновых звезд, когда, выгорая, они сокращаются до гораздо меньших объемов, тем самым создавая чудовищную температуру и давление. Солнечная система вобрала в себя в себя пепел этих погасших первичных звезд, а в нашем организме содержится, в частности, железо как компонент гемоглобина. Мы дети космоса и наша эволюция — звено в «Глобальной Эволюции» (или Big History. См.: Назаретян, 2004). При этом, согласно вертикали Снукса—Панова (см.: Панов, 2008), показавших экспоненциальный характер динамики земной эволюции (на геофизическом, биологическом и социальном материале), в настоящее время наша цивилизация подошла к моменту исторической сингулярности — к своеобразной точке «бифуркации», когда она либо исчезнет, либо примет иную форму. Величественное молчание Космоса, по-видимому, может объясняться обеими возможностями. Дойдя до определенного уровня развития, цивилизация либо уничтожает себя, например захлебнувшись в отходах собственного производства, либо переходит в какую-то иную, возможно, нематериальную форму. Еще великий космический мыслитель К.Э. Циолковский предположил, что человечество перейдет в будущем в форму лучистой энергии. Интеграция космических цивилизаций, превзошедших материальный уровень, образует «Космическое сознание», или «Интегральный разум». В этом плане контакт с космическими братьями по разуму следует искать не в проявлениях артефактов материальной культуры, а скорее в медитативных практиках нашего сознания, в глубинах нашего собственно бессознательного. Эти мысли я и выразил в метафоре «квантового компьютера с космическим интернетом» как базовой метафоры в развитии психологической науки будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асмолов А.Г. По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002. [Asmolov A.G. (2002). Po tu storonu soznaniya. Metodologicheskie problemy neklassicheskoy psihologii. Moskva: Smysl]

Берталанфи Л. фон. Общая теория систем. Критический обзор. Исследования по общей теории систем: Сб. переводов / Общ. ред. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. [Bertalanfi L. fon. (1969). Obshchaya teoriya sistem. Kriticheskiy obzor. Issledovaniya po obshchey teorii sistem: Sb. perevodov / Ob. red. Sadovskogo V.N., Yudina E.G. Moskva: Progress]

Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука: В 2 кн. М.: Экономика, 1989. [Bogdanov A.A. (1989). Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka: V 2 kn. Moskva: Ekonomika]

Болдырева С.К., Климов Е.А. Мысли о психике в обыденной речи. М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. [Boldyreva S.K., Klimov E.A. (2008). Mysli o psihike v obydennoy rechi. Moskva: Moskovskiy psihologo-socialniy institute]

Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М.: Иностранная литература, 1961. [Bor N. (1961). Atomnaya fizika i chelovechesкое poznanie. Moskva: Inostrannaya literatura]

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. [Vezhbitskaya A. (1996). Yazyk. Kultura. Poznanie. Moskva: Russkiye slovari]

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.; Л., 1934. [Vygotskiy L.S. (1934). Myshlenie i rech. Moskva; Leningrad]

Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. [Vygotskiy L.S. (1983). Sobraniye sochineniy: V 6 t. T. 3. Moskva: Pedagogika]

Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики. М.: Иностранная литература, 1953. [Geizenberg V. (1953). Filosofskie problemy atomnoy fiziki. Moskva: Inostrannaya literatura]

Гроф С. Космическая игра: исследование рубежей человеческого сознания. М.: АСТ, 2004. [Grof S. (2004). Kosmicheskaya igra: issledovanie rubezhey chelovecheskogo soznaniya. Moskva: AST]

Гусельцева М.С. Понятие прогресса и модели развития психологической науки // Методология и история психологии. 2007. № 3. С. 107—119. [Guseltseva M.S. (2007). Ponyatie progressa i modeli razvitiya psihologicheskoy nauki. Metodologiya i istoriya psihologii, 3, 107—119]

Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1993. [James W. (1993). Mnogoobrazie religioznogo opyta. Moskva]

Ермолаев Б.А., Петренко В.Ф. К вопросу о глубинных семантических структурах // Структуры познавательной деятельности. Владимир, 1976. С. 107—129. [Ermolaev B.A., Petrenko V.F. (1976). K voprosu o glubinyh semanticheskikh strukturah. Struktury poznavatelnoy deyatelnosti (ss. 107—129). Vladimir]

Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: «Языки славянских культур», 2010. [Zinchenko V.P. (2010). Soznanie i tvorcheskiy akt. Moskva: "Yazyki slavyanskikh kultur"]

Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб., 1999. [**Kasavin I.T.** (1999). *Migratsiya. Kreativnost. Tekst. Problemy neklassicheskoy teorii poznaniya*. Sankt-Peterburg]

Касавин И.Т. Истина // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. [**Kasavin I.T.** (2001). *Istina. Novaya filosofskaya entsiklopediya*. Moskva: Mysl]

Козлов В.В. Интегративная психология: пути духовного поиска или освящение повседневности. М.: Психотерапия, 2007. [**Kozlov V.V.** (2007). *Integrativnaya psikhologiya: puti duhovnogo poiska ili osvyashchenie povsednevnosti*. Moskva: Psihoterapiya]

Козлов В.В., Майков В.В. Трансперсональный ролект: психология, антропология, духовные традиции. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2007. [**Kozlov V.V., Maikov V.V.** (2007). *Transpersonalniy rolekt: psikhologiya, antropologiya, duhovnye tradicii*. Yaroslavl: Izdatelstvo YarGU]

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2007. [**Kornilova T.V., Smirnov S.D.** (2007). *Metodologicheskie osnovy psikhologii*. Sankt-Peterburg: Piter]

Криппнер С., Богзаран Ф., Карвальо де А.П. Сновидения: иная реальность. М., 2011. [**Krippner S., Bogzaran F., Karvalio de A.P.** (2011). *Snovideniya: inaya realnost*. Moskva]

Лекторский В.А. Эпистемология. Классическая и неклассическая. М.: УРСС, 2011. [**Lektorskiy V.A.** (2011). *Epistemologiya. Klassicheskaya i neklassicheskaya*. Moskva: URSS]

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1965. [**Leontiev A.N.** (1965). *Problemy razvitiya psihiki*. Moskva]

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. [**Leontiev D.A.** (2007). *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy realnosti*. 3-e izd., dop. Moskva: Smysl]

Малинецкий Г.Г. Синергетика, нелинейность и концепция Роджера Пенроуза // Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. М., 2008. [**Malinetskiy G.G.** (2008). *Sinergetika, nelineynost i kontsepciya Rodzhera Penrouza* // Penrouz R. *Noviy um korolya. O kompyuterah, myshlenii i zakonah fiziki*. Moskva]

Маслоу А. Психология бытия / Пер. с англ. О.О. Чистякова. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997. [**Maslow A.** (1997). *Psikhologiya bytiya* / Per. s angl. O.O. Chistyakova. M.: Refl-buk, Vakler]

Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. [**Maslow A.** (1999). *Motivatsiya i lichnost*. Sankt-Peterburg: Evraziya]

Менский М.Б. Концепция сознания в контексте квантовой механики // Успехи физических наук. 2005. Т. 175. № 4. С. 414—434. [**Menskiy M.B.** (2005). *Kontseptsiya soznaniya v kontekste kvantovoy mehaniki*. *Uspehi fizicheskikh nauk*, 175, 4, 414—434]

Менский М.Б. Человек и квантовый мир. Фрязино, 2007. [**Menskiy M.B.** (2007). *Chelovek i kvantoviy mir*. Fryazino]

Мерфи М. Будущее тела. Исследование дальнейшей эволюции человека. М., 2010. [Merfi M. (2010). Budushchee tela. Issledovanie dalneyshey evolyutsii cheloveka. Moskva]

Микешина Л.А. Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М.: Прогресс-Традиция, МПСИ, Флинта, 2005. [Mikeshina L.A. (2005). Sovremennaya epistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kultury. Metodologiya nauchnogo issledovaniya. Moskva: Progress-Traditsiya, MPSI, Flinta]

Минделл А. Тело шамана. М., 2006. [Mindell A. (2006). Telo shamana. Moskva]

Муканов М.М. Психологическое исследование рассудка в историческом аспекте: Дисс. ... докт. психол. наук. М., 1980. [Mukanov M.M. (1980). Psihologicheskoe issledovanie rassudka v istoricheskom aspekte: Diss. ... dokt. psihol. nauk. Moskva]

Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика—психология—прогнозирование. М.: Мир, 2004. [Nazaretyan A.P. (2004). Tsivilizatsionnye krizisy v kontekste Universalnoy istorii. Sinergetika—psihologiya—prognozirovaniye. Moskva: Mir]

Панов А.Д. Единство социально-биологической эволюции и предел ее ускорения // Историческая психология и социология истории. 2008. Т. 1. № 2. С. 25—48. [Panov A.D. (2008). Edinstvo socialno-biologicheskoy evolyutsii i predel ee uskoreniya. *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii*, 1, 2, 25—48]

Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. М., 2008. [Penrouz R. (2008). Noviy um korolya. O komputerah, myshlenii i zakonah. Moskva]

Петренко В.Ф. К проблеме психологии сознания // Вопросы философии. 2010. № 11. С. 47—57. [Petrenko V.F. (2010). K probleme psihologii soznaniya. *Voprosy filosofii*, 11, 47—57]

Петренко В.Ф., Коротченко Е.А. Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналоги литературных тропов // Психология. Журнал ВШЭ. 2008. Т. 5. № 4 С. 19—40. [Petrenko V.F., Korotchenko E.A. (2008). Obraznaya sfera v zhivopisi i literature. Vizualnye analogi literaturnykh tropov. *Psihologiya. Zhurnal Visshey Shkoly Ekonomiki*, 5, 4, 19—40]

Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. [Petrovskiy V.A. (2010). Chelovek nad situatsiyey. Moskva: Smysl]

Степин В.С. Теоретическое знание ДОСХ. М.: Прогресс-Традиция, 2000. [Stepin V.S. (2000). Teoreticheskoe znanie DOSX. Moskva: Progress-Traditsiya]

Талбот М. Голографическая модель Вселенной. Киев, 2008. [Talbot M. (2008). Golograficheskaya model Vselennoy. Kiev]

Талызина Н.Ф. Сущность деятельностного подхода в психологии // Методология и история психологии. 2007. № 4. С. 157—162. [Talyzina N.F. (2007). Sushchnost deyatelnostnogo podhoda v psihologii. *Metodologiya i istoriya psihologii*, 4, 157—162]

Тарт Ч. Измененные состояния сознания. М.: Эксмо, 2000. [Tart Ch. (2000). Izmenennyye sostoyaniya soznaniya. Moskva: Eksmo]

Турецкий М.И. Шломо Зигмунд Фрейд // Методология и история психологии. 2006. № 2. С. 113—137. [**Turetskiy M.I.** (2006). Shlomo Zigmund Freyd. *Metodologiya i istoriya psihologii*, 2, 113—137]

Турецкий М.И. Орел из пригорода (к 70-летию со дня смерти А. Адлера) // Методология и история психологии. 2007. № 2. С. 122—134. [**Turetskiy M.I.** (2007). Orel iz prigoroda (k 70-letiyu so dnya smerti A. Adlera). *Metodologiya i istoriya psihologii*, 2, 122—134]

Турецкий М.И. Строитель Боллингенской башни // Методология и история психологии. 2009. № 2. С. 108—120. [**Turetskiy M.I.** (2009). Stroitel Bollingenskoj bashni. *Metodologiya i istoriya psihologii*, 2, 108—120]

Уилбер К. Око духа. Интегральное видение для слегка свихнувшегося мира. М.: АСТ, 2002. [**Wilber K.** (2002). Oko duha. Integralnoe videnie dlya slegka svihnuvshegosya mira. Moskva: AST]

Умрихин В.В. Историко-методологические проблемы анализа научных школ в психологии // Методология и история психологии. 2007. № 4. С. 5—14. [**Umrihin V.V.** (2007). Istoriko-metodologicheskie problemy analiza nauchnyh shkol v psihologii. *Metodologiya i istoriya psihologii*, 4, 5—14]

Уолш Р. Основания духовности. М.: Изд-во Кравчука, 2004. [**Walsh R.** (2004). Osnovaniya duhovnosti. Moskva: Izdatelstvo Kravchuka]

Филмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. 1981. Вып. 10. [**Filmor Ch.** (1981). Delo o padezhe. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, 10]

Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989. [**Freud Z.** (1989). Vvedenie v psihoanaliz: Lektsii. Moskva]

Фрейджер Р., Фейдимен Д. Личность. Теории, упражнения, эксперименты СПб., 2008. [**Freydzhher R., Feydimen D.** (2008). Lichnost. Teorii, uprazhneniya, eksperimenty. Sankt-Peterburg]

Фролов И.Т. Перспективы человека “URSS”. 3-е изд. М., 2008. [**Frolov I.T.** (2008). Perspektivy cheloveka “URSS”. 3-e izd. Moskva]

Хант Г. О природе сознания. М.: Изд-во Кравчука, 2004. [**Hant G.** (2004). O prirode soznaniya. Moskva: Izdatelstvo Kravchuka]

Холево А.С. Квантовая информатика: прошлое, настоящее, будущее: Сборник научно-популярных статей — победителей конкурса РФФИ 2009 г. М., 2011. С. 10—20. [**Holevo A.S.** (2011). Kvantovaya informatika: proshloe, nastoyashchee, budushchee: Sbornik nauchno-populyarnyh statey — pobediteley konkursa RFFI 2009 g. (ss. 10—20). Moskva]

Поступила в редакцию
01.11.12

Е. Ю. Патяева

СИСТЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО МОТИВИРОВАНИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

В статье продолжено рассмотрение сложных систем социокультурного мотивирования, начатое в предыдущей работе. Проанализированы взгляды социологов, этнометодологов и представителей нарративного подхода на системы социокультурного мотивирования. На основе концепции диспозитива М. Фуко и многочисленных данных, описанных социологами, социальными психологами, культурологами и нарративными терапевтами, предложена трехуровневая концептуальная модель социокультурного мотивирования человеческих действий, в которой различаются: а) базовый уровень диспозитива, б) его осознаваемый уровень и в) актуальное социальное поле, складывающееся из требований социальной ситуации и воздействий других людей. Данная модель позволяет соотнести друг с другом различные формы и механизмы социального побуждения и может быть использована при анализе мотивационного строения индивидуальной и коллективной деятельности.

Ключевые слова: мотивация, социокультурное мотивирование, диспозитив, нарративный подход, смысловые системы, повседневные практики, социальное поле.

The article continues the discussion of complex social and cultural motivating systems, which took start in the author's previous paper. The ideas of social and cultural motivation in sociology, ethnomethodology and narrative approach are analyzed. Relying on M. Foucault's concept of 'dispositif' and on the numerous data, collected in sociology, social psychology, studies of culture and narrative therapy, a three-level model of social and cultural motivating is suggested, which distinguishes between the basic level of a dispositif, it's conscious level and the actual social field. The model makes it possible to coordinate different mechanisms of social motivating.

Key words: motivation, social and cultural motivating, dispositif, narrative, meaning systems, everyday practices, social field.

В предыдущей работе (Патяева, 2012) мы проследили историю идеи социальной и культурной обусловленности человеческой мотивации и детально рассмотрели концепции «этоса» Макса Вебера,

Патяева Екатерина Юрьевна — канд. психол. наук, ст. преп. кафедры психологии личности ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* patyayeva@ya.ru

«социального поля» Курта Левина и «диспозитива» Мишеля Фуко. Многочисленные социологические исследования добавили ряд интересных штрихов к пониманию того, как осуществляется мотивирующее воздействие диспозитива, и именно им будет посвящен первый раздел настоящей статьи. Далее мы обратимся к анализу такой важной части диспозитива, как социальные и культурные нарративы, влияние которых на человеческое поведение детально исследуется представителями нарративного подхода (М. Уайт, Д. Эпстон, Дж. Фридман, Дж. Комбс и др.), хотя обычно и без применения понятия мотивации. И в завершение статьи будет предложена концептуальная модель системы социокультурного мотивирования, которая позволяет соотнести друг с другом различные формы и механизмы социального побуждения и может быть использована при анализе мотивационного строения индивидуальной и коллективной деятельности.

Анализ систем социокультурного мотивирования социологами и этнометодологами

Многочисленные *социологические исследования* показывают мощную побудительную роль «коллективных представлений». Классическим примером здесь может служить анализ Р. Мертоном феномена «самоосуществляющегося пророчества» в связи с биржевым крахом в Нью-Йорке в 1929 г., с которого началась депрессия тридцатых годов: «...Люди определили ненастоящую ситуацию как истинную, в результате же на практике она и оказалась истинной» (Берг, 1992, с. 180). Социолог веберовской ориентации Б. Мур описал влияние коллективных представлений разного типа на выбор людьми поведения послушания или сопротивления в ситуациях явной социальной несправедливости. Он отметил, что, попав в ситуацию репрессий, делающую пассивность условием выживания, люди изобретают разного рода рациональные и мифологические объяснения, узаконивающие их послушание и пассивность и придающие им смысл. И потом, когда объективная ситуация меняется и послушание перестает быть необходимым для выживания, этого оказывается недостаточно для изменения поведения и перехода от социальной пассивности к активности (Тёрнквист, 1992).

В таких направлениях, как *символический интеракционизм* и *этнометодология*, лежащих на стыке социологии и социальной психологии и восходящих к работам Дж. Г. Мида, понятие коллективных представлений детализируется и акцент ставится на роль «смысловых систем» и «народных моделей» в формировании образа мира и побуждении человеческих действий. Общий исходный тезис этих направлений можно выразить следующим положением Герберта Блумера: «...И индивидуальное, и коллективное действие создаются

посредством того, что действующие индивиды *интерпретируют* ситуацию, а не благодаря тому, что какие-то внешние движущие силы вызывают определенное поведение индивидов» (цит. по: Берг, 1992, с. 163).

Родоначальник этнометодологии Гарольд Гарфинкель обозначил сферу своих интересов как исследование «будничных событий» (см.: Бекк-Виклунд, 1992). Методами этнометодологии выступают, во-первых, запись повседневных высказываний и диалогов и реконструирование «принимаемого как должное социального порядка, с которым соотносят себя говорящие», во-вторых, экспериментальные провокации, ломающие этот привычный порядок.

«Особенности метода этнометодологов заключаются в обнажении, а тем самым выведении на плоскость сознания, подразумеваемых мнений, которыми мы, люди, себя окружаем. Они пытаются поставить заслон таким невысказанным мнениям и самоочевидным представлениям и по реакции людей устанавливают, как же выглядят “невидимые правила”. Насколько в самом деле сильна невидимая ткань толкований, можно показать (часто вызывая при этом комический эффект) на примере того, как исследователи провоцируют настоящий взрыв возмущения невинным действием, принципиально отказываясь понимать самоочевидные вещи, например в обыденной манере здороваться. Можно сказать, что так этнометодологи показывают истинность тезиса Мида о том, что человек — это существо, которое более связано толкованиями, которые сам же и создает, чем той материей, которой окружает себя, за исключением того, что он постоянно обнаруживает какой-нибудь смысл в этой материи» (Берг, 1992, с. 184—185).

На ряде ситуаций Г. Гарфинкель демонстрирует, что «вопросы, требующие уточнений и разъяснений, в обычном разговоре воспринимаются как мешающие и оскорбительные. Они ломают привычный порядок и создают неуверенность» (Бекк-Виклунд, 1992, с. 91) Например, двое знакомых встречаются на улице. Один из них, улыбаясь, машет рукой и говорит: «Приветик... как дела?» Другой отвечает: «Какие дела? Мое здоровье? Хватает ли денег? Работа? Мой душевный настрой?» Тогда первый краснеет и взрывается: «Да ты что! Я же просто спросил, как принято у людей!»

В серии исследований разговора и его структуры Гарфинкель показывает, «как создается смысл, какую роль тут играет здравый смысл и как на содержание разговора влияет тот факт, что действие протекает в определенном месте в определенное время» (там же). Нетрудно заметить, что этнометодологическое экспериментирование очень напоминает распространенную школьную практику изведения учителя аналогичными «невинными» вопросами. Здесь наглядно демонстрируется, что поддержание привычного порядка выступает как своего рода фоновая квазипотребность (в смысле К. Левина).

Аналогичные квазипотребности Гарфинкель описал, проанализировав «рабочую рутину» судей и констатировав, что специфика их работы «характеризуется не столько “законностью”, сколько, скорее, тем, что им приходится иметь дело с неуверенностью, возникающей при решении» (там же, с. 91—92).

Другой известный представитель этнометодологии, Аарон Сикурель, специально изучал процедуры интерпретации, применяемые как «простыми людьми», так и «представителями науки». При этом он использовал заимствованное из антропологии понятие «народных моделей» как задаваемых культурой правил и образцов для обычных действий. Одним из ярких проявлений «народных моделей» является «официальная точка зрения официальных лиц, выражаемая в официальной речи». Эта речь, как показал А. Сикурель, выполняет три функции: во-первых, в ней высказывается оценка и идентификация людей и предметов, во-вторых, «содержатся указания, что должно быть сделано», в-третьих, фиксируется, «что реально сделано». При этом предписывается определенная точка зрения, которая «должна быть признана легитимной, по крайней мере всеми членами данного общества» (Бурдые [эл. ресурс]). В целом мотивационное влияние социокультурных диспозитивов тесно связано с отношениями власти (см., напр.: Бурдые, 2007; Фуко, 1996, 2007).

Важно также отметить, что культура может быть «гомогенной», задающей единую систему норм и сценариев поведения, или же «гетерогенной», содержащей конкурирующие между собой «фундаментальные дискурсы» как системы идеалов и символических описаний человека и общества (см.: Розин, 2005, с. 521—529).

Особое звено системы социокультурного мотивирования: социальные и культурные нарративы

В отличие от социологии, в большинстве направлений психологии мотивирующее влияние общества и культуры обычно рассматривается как поверхностный фактор, накладывающийся на свойственные человеческой природе высшие формы мотивации вроде потребности в автономии (Chirkov, 2012; Deci, Ryan, 1985, 2008; Ryan, Deci, 2000, 2006) или врожденных духовных стремлений (Лэнгле, 2004, 2005, 2006; Эммонс, 2004; Langle, 2012). Однако в психологической практике социокультурное мотивирование человеческих действий нередко выступает на первый план, так что в ряде практических подходов оно рассматривается не как надстройка над базовыми потребностями, а как фундамент многих человеческих побуждений и чувств (см., напр.: Мэй, 2001; Уайт, 2010; Фридман, Комбс, 2001; Фромм, 2006, 2011; Хорни, 1997, 2008; и др.). Наибольшее внимание различным способам побудительного влияния общества и культуры на человека уделяется в нарративном подходе (см.: Ку-

тузова [эл. ресурс]; Уайт, 2010; Фридман, Комбс, 2001; Холмгрен [эл. ресурс]), который, как известно, в значительной мере опирается на идеи М. Фуко о таких принципиально важных компонентах социокультурных диспозитивов, как дискурсы и дисциплинарная власть (Фридман, Комбс, 2001; Холмгрен [эл. ресурс] и др.).

Культурные нарративы — это самые разнообразные истории, которые задают ценностно-смысловые координаты для восприятия человеком себя и мира в целом: детские сказки и мультфильмы, рекламные ролики и семейные предания, бытовые рассказы и классическая литература, идеологические, религиозные и научные тексты, сюжеты теленовостей и т.д. Рисуя определенную картину действительности, все эти истории побуждают нас «приписывать определенные значения определенным жизненным событиям и относиться к другим как к относительно незначительным» (Фридман, Комбс, 2001, с. 34). Тем самым нарративы оказывают существенное влияние на «валентности» (в смысле К. Левина) нашего психологического «поля», а через них — и на наши действия и поступки. Иначе говоря, нарративы выступают в качестве особого источника человеческих побуждений, существенно отличающегося от традиционно рассматриваемых в психологии мотивации потребностей, мотивов-диспозиций и ситуативных воздействий. Вырастая в том или ином обществе, люди интернализируют доминирующие нарративы своей культуры и подчиняют им свои действия и восприятия. Эти доминирующие нарративы могут вступать в конфликт с важными аспектами собственного жизненного опыта человека; в частности, они могут обесценивать этот опыт, сужать жизненные возможности и лишать жизнь смысла, что нередко заставляет людей обращаться за психологической помощью. В этой ситуации нарративные терапевты видят свою задачу в помощи человеку в деконструкции подавляющих его социальных нарративов и в выстраивании альтернативных историй, открывающих перед ним новые жизненные возможности (Фридман, Комбс, 2001; Уайт, 2010; Холмгрен [эл. ресурс]). Поясним это на примере.

Молодая женщина по имени Фрэн выросла в ситуации, где считалось само собой разумеющимся, что женщина должна подлаживаться под рабочий распорядок мужчины и всячески его улаживать. Так жили ее родители, так «живут все вокруг». Фрэн следует этому нарративу в своих отношениях с мужчинами и чувствует себя подавленной и депрессивной, что и приводит ее на психотерапию. Обнажение идей, в контексте которых она выросла, помогает Фрэн осознать, что она не считает их справедливыми, а это осознание позволяет по-новому вести себя во взаимоотношениях с мужчинами и начать стремиться к отношениям иного типа (Фридман, Комбс, 2001, с. 64—65). Иными словами, нарратив формирует психологическое поле (в смысле К. Левина), в котором некоторые объекты (в данном случае

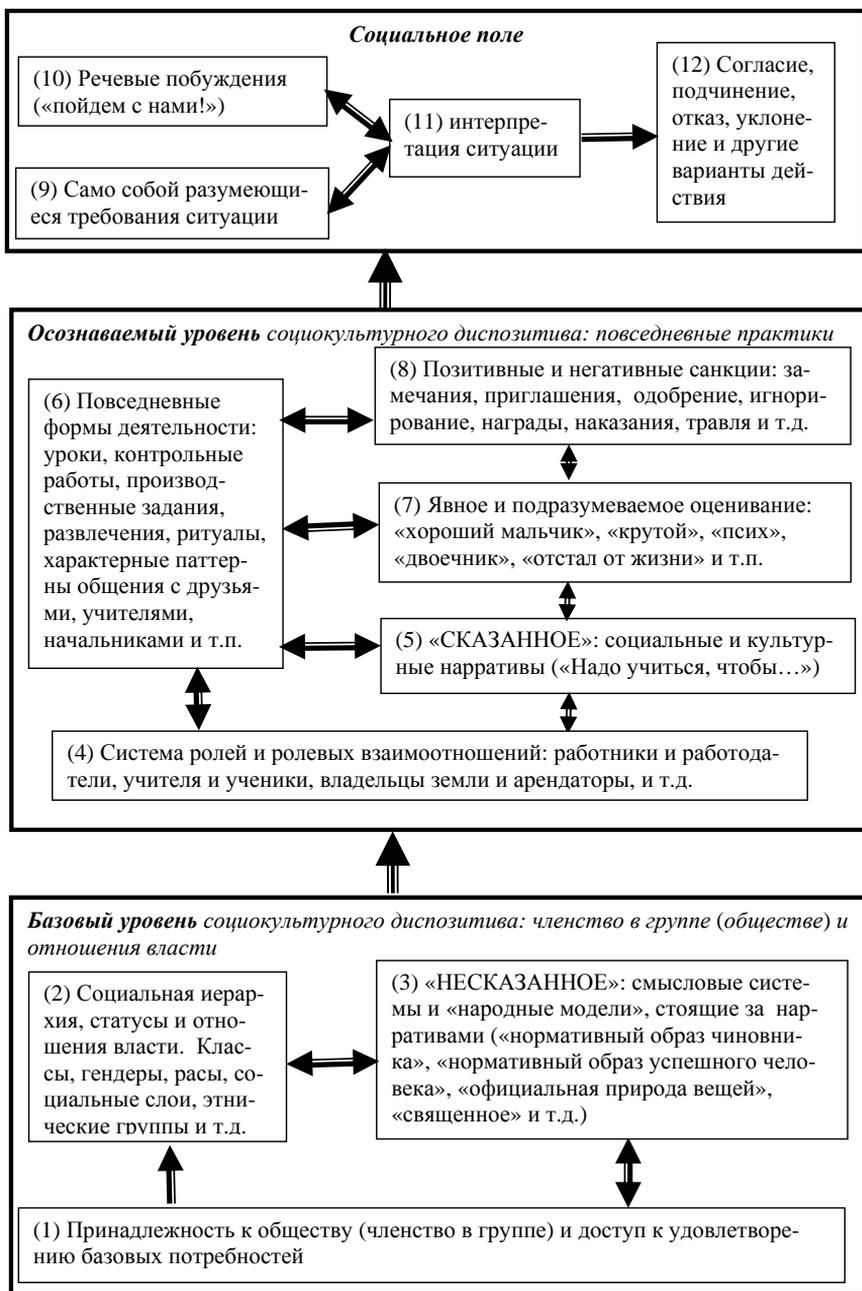
мужчины) приобретают особый «побудительный характер» или особую валентность, побуждающую человека вести себя определенным образом. А деконструкция этого нарратива изменяет валентности психологического поля, что открывает возможность поступать по-другому.

Таким образом, в нарративном подходе, как и в работах социологов и культурологов, постепенно формируется альтернативный по отношению к традиционной психологии мотивации взгляд на движущие силы человеческих действий. Источниками побуждения оказываются не потребности и не ситуативные воздействия, а разнообразные бытующие в обществе и культуре дискурсы¹ — нарративы, системы классификации, типизации и категоризации, оценочные определения, понятия, нормативные суждения и т.п., — которые интериоризируются индивидами и становятся их «второй натурой». Например, патологизирующий дискурс, укоренившийся в системе профессионального медицинского образования, побуждает психотерапевтов рассматривать обращающихся к ним людей как «больных» и вести себя с ними соответственно (Фридман, Комбс, 2001, с. 38—42), а распространенный во многих обществах и социальных слоях патриархальный дискурс мужского превосходства побуждает мужчин относиться к женщинам свысока, а женщин — почитать мужчин и придавать их желаниям больший «мотивационный вес», чем своим собственным (там же, с. 48—52).

Особую роль в системе «дискурсивного» социокультурного мотивирования играет *дисциплинарная власть*². В отличие от традиционной *власти господства*, когда физическое или экономическое принуждение выступает в явном виде и человек подчиняется конкретному лицу либо институту, обладающему властью (господину, властелину, вождю, начальнику, государству), *дисциплинарная власть* безлична и не имеет субъекта власти, против которого можно было бы восстать. Это интериоризованная людьми власть социальных установлений, которая может проявиться в любой момент и через любых членов общества, включая и тех людей, которые этой власти подчиняются. Важно также следующее: «...Если у традиционной власти есть центр и иерархия, что позволяет ее локализовать, то современная власть действует отовсюду и не имеет центра. Современная власть состоит из всех невысказанных ожиданий, в которые мы вовлечены через институты модернистских и постмодернистских обществ. Эти институты — семья, школа, образовательные институты, мода, телевидение, журналы и т.д.» (Холмгрен [эл. ресурс]).

¹ Дискурсы понимаются в духе М. Фуко как «практики, систематически формирующие описываемые ими объекты» (цит. по: Кюре [эл. ресурс]).

² Представители нарративного подхода обычно называют дисциплинарную власть *современной властью* (см.: Фридман, Комбс, 2001; Холмгрен [эл. ресурс]).

Концептуальная модель социокультурного мотивирования

Общие контуры системы социокультурного мотивирования

Попытаемся теперь объединить описанные разными авторами формы социокультурного мотивирования в целостную картину (рисунок). Прежде всего мы должны разделить (а) конкретное, изменчивое и существующее здесь и теперь *поле* социальных побудительных воздействий (К. Левин) и (б) более обобщенные и устойчивые системы социокультурного мотивирования, соотносимые с *этосами* М. Вебера (2002), *диспозитивами* М. Фуко (Табачникова, 1996) и *побудительными паттернами культуры* К. Левина (2000). Эти системы существуют на протяжении целых эпох и выступают в качестве той основы, которая предопределяет возникновение тех или иных социальных ситуаций и «полей». Вслед за М. Фуко будем называть эти относительно устойчивые системы *диспозитивами*, однако представляется уместным несколько расширить и структурировать содержание понятия диспозитива, воспользовавшись результатами исследований М. Вебера, К. Левина, нарративных терапевтов и других авторов. В частности, очень важно различать два уровня диспозитива: **базовый**, который обычно не осознается и должен быть специально реконструирован и отрефлексирован, и **осознаваемый**, доступный непосредственному наблюдению людей, находящихся «внутри» данного диспозитива.

Базовый уровень диспозитива соотносится с первой группой описанных М. Вебером факторов, иницирующих и опосредующих мотивационные процессы людей (см.: Вебер, 2002; Патяева, 2012). Это прежде всего ощущаемая как абсолютная ценность принадлежность к определенному сообществу людей (общине, церкви, «избранным», народу, «нормальным людям», «приличному обществу» и т.д.) (блок 1). Иными словами, каждый диспозитив предполагает разделение людей на тех, кто является «добропорядочными гражданами» и «членами нашего общества» (или «единоверцами», «земляками», «полноценными людьми» и т.п.), и тех, кто является «чужим», «неверным» или даже «врагом народа», «низшим существом» и «недочеловеком». Эта принадлежность к «правильному» сообществу ощущается как одна из высших ценностей, так что угроза отвержения и исключения из сообщества оказывается очень мощным мотивирующим фактором. При этом размер группы или сообщества может варьироваться от человечества в целом до отдельного племени, религиозной общины, молодежной группировки или даже школьного класса. Соответственно необходимо различать диспозитивы разного масштаба. Так, в рамках современного образовательного диспозитива (его анализ см.: Розин, 2003, 2007) можно вычленить диспозитивы национальных систем образования, отдельной школы и даже конкретного школьного класса. В частности, последний побуждает школьников вести себя «как все», чтобы не оказаться изгоем и жертвой травли: многие на-

чинают курить или сбегают с интересных для них уроков только для того, чтобы «не отрываться от коллектива».

Будучи членом общества или группы, индивид получает «само собой разумеющуюся» (или, в терминологии этнометодологии, «подразумеваемую») возможность удовлетворять свои базовые потребности³, причем в разных обществах и социальных группах и набор этих потребностей, и мера их удовлетворения могут быть неодинаковыми. Так, в экономически процветающих западных странах каждому члену общества гарантирован достаточно высокий уровень материального потребления, комфорта и правовой защищенности, при этом потребности в принадлежности к группе (в аффилиации), в общении и в осмысленности существования часто оказываются фрустрированными, что приводит к многочисленным «болезням цивилизации» (Фромм, 2006, 2011; *Psyche...*, 1981 и др.). Напротив, во многих менее процветающих обществах индивид с рождения включен в очень плотную сеть родственных, клановых и соседских отношений и в определенную культурную традицию. Его потребности в принадлежности к группе, в общении и в осмысленности жизни оказываются удовлетворенными, но это может сочетаться с необходимостью постоянных изнурительных усилий по добыванию средств существования. Если взять диспозитивы меньшего масштаба, то они в большинстве случаев обеспечивают удовлетворение потребностей в групповой принадлежности, в общении и в осмысленности жизни, при этом некоторые из них дают возможность удовлетворять еще и потребности в безопасности и материальные потребности.

К базовому уровню диспозитива относятся и «само собой разумеющиеся» социальная иерархия данного общества или группы, и отношения власти (блок 2). Применительно к современному обществу здесь можно говорить о привилегированных и непривилегированных классах, гендерах, расах, социальных слоях, этнических группах и т.д. Деление общества на группы, находящиеся в иерархических и властных отношениях, осуществляется с помощью разного рода систем классификации и народных моделей, стоящих за нарративами (блок 3). В терминологии М. Фуко это «несказанное», т.е. то, что не говорится прямо, но подразумевается, а в терминологии раннего К. Маркса (1955а, б, в) — «официальная природа вещей», «нормативные образы» чиновников и представителей прочих социальных слоев. Характерным примером может служить представление о «священном», детально проанализированное Эмилем Дюркгеймом и его школой: «священные» предметы, места, персоны и идеи внушают людям почтение и побуждают вести себя совершенно особым образом — преклоняться, проявлять повышенное уважение, держаться в отдалении, мгновенно повиноваться и т.п. Дюркгейм детально показал, как в различных обществах (начиная от племен австралийских аборигенов и кончая европейскими государствами его времени)

³ Вопрос о том, какие потребности являются базовыми, нуждается в отдельном рассмотрении, однако можно считать доказанным, что в их число входят потребности в общении и принадлежности к группе (Боулби, 1991; Харлоу и др., 2002; Хекхаузен, 1986, 2003; и др.), в «укорененности» и осмысленности существования (Лэнгле, 2004, 2005, 2006; Франкл, 1990; Фромм, 2006; Langle, 2012; и др.).

создаются разного рода «священные» персоны, предметы и идеи. Одним из наиболее ярких примеров выступает священность государства как такового. В частности, французский социолог всесторонне проанализировал процесс обожествления государства в период Французской революции 1789—1793 гг. и во время Первой мировой войны в Германии (подробнее см.: Патяева, 2009; Durkheim, 1912, 1915)⁴. Через несколько десятилетий после Дюркгейма исследование культа государства, как и разного рода сектантских культов, приобрело популярность. В частности, в работах Р.Дж. Лифтона (Lifton, 1961) было показано, что мотивационная сила связанных с культом идей может существенно превосходить силу обычных человеческих потребностей и побуждений. Еще одним характерным примером выступают разного рода «священные» идеи, воспринимаемые как абсолютная ценность и не подлежащие никакому обсуждению: например, идеи Свободы, Равенства, Частной собственности и т.д.

Осознаваемый уровень диспозитива создается системой повседневных жизненных практик данного общества или группы, которые могут быть охарактеризованы с помощью 5 групп мотивирующих социокультурных факторов, описанных М. Вебером. Прежде всего, это иерархически организованная система социальных ролей данного общества или сообщества: например, есть епископы, священники и миряне, владельцы предприятия, топ-менеджеры и рабочие, члены правительства, чиновники и простые граждане и т.п. (блок 4). Каждая ролевая позиция связана с предписаниями, определяющими, что человек должен делать, и чего ему делать нельзя, а иерархия ролей неразрывно связана с отношениями власти и «властными констелляциями» (в смысле К. Левина) данного общества.

Важную часть осознаваемого уровня диспозитива составляют «коллективные представления» (в смысле Э. Дюркгейма и его школы) о том, «что такое хорошо и что такое плохо», и о тех высших целях, к которым должен стремиться каждый член данного общества. Коллективные представления задаются доминирующими социальными и культурными нарративами данного общества или «сказанным», в терминологии М. Фуко (блок 5). Так, для всех христианских диспозитивов высшая цель состояла в спасении души, для классического капиталистического диспозитива — в делании денег и увеличении прибыли, для социалистического — в построении самого справедливого общества, для диспозитива общества потребления — в приобретении «самых лучших», престижных предметов. Эти высшие цели задаются всевозможными циркулирующими в данном обществе (или группе) историями и повествованиями, начиная от детских сказок, бытовых рассказов, новостных сюжетов и рекламных роликов и кончая религиозными проповедями, художественными произведениями, научными трудами, идеологическими программами и философскими трактатами. Как убедительно продемонстрировал М. Вебер (2002), эти цели увлекают людей и могут становиться весьма реальными и ярко эмоционально окра-

⁴ Поскольку Дюркгейм умер в 1917 г., ему не довелось стать свидетелем наиболее вопиющих случаев сакрализации государства в XX в. — в Советском Союзе, нацистской Германии и маоистском Китае.

шенными мотивами повседневного поведения. Характерным примером может служить нацистский биомедицинский дискурс, ставивший перед немецкими врачами задачу «исpravления нордической расы, зараженной деструктивной еврейской расой». Приняв этот дискурс, врачи становились добросовестными и педантичными работниками лагерей смерти (Lifton, 1986)⁵. Кроме того, коллективные представления включают в себя идеальные и нормативные образы подходящего каждому сословию или социальному слою способа жизни и стиля поведения, а также систему социально задаваемых оценок всевозможных явлений, людей, вещей, поступков и событий. Важным компонентом коллективных представлений выступают также различные «клише, останавливающие мысль» (*“thought-terminating cliché”*), т.е. краткие и звучные фразы и выражения, которые легко запоминаются и используются в качестве универсального объяснения, прекращающего любую дискуссию (Lifton, 1961): например, «враг народа», «империя зла», «рынок сам все отрегулирует» и т.п.

Следующую группу элементов осознаваемого уровня диспозитива составляют собственно повседневные жизненные практики, т.е. деятельности, ритуалы и процедуры, в совокупности составляющие обычный для данного общества образ жизни (блок 6). Они могут выстраиваться традиционно или рационально, но обязательно должны соответствовать высшим целям общества (или группы) и социальным представлениям о добре и зле. В каждом диспозитиве складывается своя система предписаний и принципов поведения, способствующих достижению высших целей. Например, церковная, школьная или армейская дисциплина или выполнение предписанных «рутинных процедур» врачами, юристами и другими профессионалами. Осуществление повседневных практик всегда связано с определенными психологическими наградами и наказаниями, вроде чувства удовлетворения успешно завершенным делом или угрызений совести.

Особым мотивирующим фактором в рамках осознаваемого уровня диспозитива выступает система явного и подразумеваемого оценивания индивидами друг друга, самих себя и своих и чужих действий (блок 7). Это всевозможные «ярлычки» («дурак», «чокнутая», «лох», «хороший ученик», «двоечник» и т.д.), подразумеваемые оценки («думать надо головой», «почему вы этого не сделали?!» и т.п.), а также официальные системы приписывания символического статуса вроде школьных отметок, государственных наград, присуждения научных степеней и т.д. Системы оценивания являются видимым выражением смысловых систем данного общества или группы, они тесно связаны с доминирующими в обществе нарративами и как бы пронизывают собой все повседневные формы деятельности. Еще одну очень важную часть повседневных практик составляет система внешнего и внутреннего контроля и специальных санкций (наград и наказаний) за «правильное» и «неправильное», т.е. соответствующее и несоответствующее коллективным представлениям, поведение (блок 8). Санкциями могут быть

⁵ Особого внимания заслуживает введенная Р. Дж. Лифтоном в этой связи концепция «социализации к злу», поскольку такого рода социализация вполне может иметь место и в современных обществах.

не только явные награды и наказания, но также и всевозможные замечания, приглашения, ободрительные и неодобрительные взгляды, намеки, насмешки, утонченная травля и т.д. Принципиально важно, что санкции могут быть как внешними, так и внутренними, интериоризованными.

Социальное поле. Если *диспозитив* (оба его уровня) представляет собой относительно стабильную систему, часто остающуюся практически неизменной на протяжении многих десятилетий, то **социальное поле** (третий, внешне наблюдаемый компонент модели социокультурного мотивирования) оказывается своего рода проекцией диспозитива на складывающуюся здесь и теперь ситуацию и поэтому характеризуется постоянной изменчивостью. Социальное поле включает в себя диктуемые диспозитивом «само собой разумеющиеся» требования ситуации (блок 9) и побудительные воздействия (всевозможные приказы, команды, приглашения, просьбы и проч.), исходящие от других индивидов (блок 10). Реальная эффективность этих воздействий в значительной мере определяется тем, как человек интерпретирует ситуацию (блок 11), а эта интерпретация напрямую зависит от интериоризованных им смысловых систем, народных моделей и социокультурных нарративов. В зависимости от того, каким образом человек проинтерпретировал ситуацию, он может подчиниться наличным побудительным воздействиям, уклониться от них или открыто отказаться действовать навязываемым ему образом (блок 12).

Принципиально важно, что любой диспозитив связан с определенным сообществом людей. Это могут быть религиозная община или церковь (как в описании М. Вебера), граждане определенной страны (как в анализе К. Левина) или люди, живущие в ту или иную историческую эпоху (как в анализе М. Фуко). Если индивид перестает быть членом данного сообщества (например, переехав в другую страну, как К. Левин), мотивационное влияние диспозитива сильно уменьшается. Иными словами, диспозитив в полной мере властвует над теми индивидами, которые не могут выйти из ситуации физически (эмигрировав в другую страну) или психологически (перейдя в другую религию или проведя «деконструкцию» диспозитива, как это делал М. Фуко и продолжают делать нарративные терапевты).

В целом мы приходим к тому, что диспозитив можно представить не только как неструктурированную *сеть*, сплетенную из таких разнородных элементов, как дискурсы, институции, архитектурные планировки, регламентирующие решения, законы, административные меры, научные высказывания, философские, но также и моральные, и филантропические положения (М. Фуко), но и как двухуровневую *систему* социокультурного мотивирования. Базовый уровень этой системы составляет реальное существование той или иной общности людей, отношения власти и доминирования и соответствующие им смысловые системы и «народные модели». Ее осознаваемый уровень складывается из повседневных *жизненных практик*, предполагающих определенную систему социальных ролей и связанный с ними набор

повседневных деятельности, с которыми соотносятся «архитектурные планировки, законы, регламентирующие решения и административные меры» (цит. по: Табачникова, 1996, с. 368), а также доминирующие в обществе нарративы и коллективные представления⁶, системы явного и подразумеваемого оценивания и всевозможные внешние и внутренние санкции. Побудительное влияние базового уровня диспозитива проявляется прежде всего в пристрастности восприятия нами самих себя и всего, что нас окружает: в благоговении перед священными персонами царей и церковных иерархов, в презрении к представителям «низших» или «недоразвитых» наций или социальных слоев, в почтении к нобелевским лауреатам и высокопоставленным чиновникам, в гордости за свою страну или в национальном «комплексе неполноценности» и т.п. Причем все это ощущается как качества, присущие самой природе воспринимаемых объектов. На языке левиновской теории поля эта пристрастность выражается в «побудительности», или «валентности», окружающих нас объектов. Что же касается осознаваемого уровня диспозитива, то его мотивационное влияние выражается во всевозможных предписаниях, идеальных образцах и примерах для подражания, интериоризованных системах оценивания, внешних и внутренних санкциях, причем все эти формы мотивирования основываются на смысловых системах базового уровня диспозитива.

Поясним это на примере поведения детей в эксперименте Левина, Липпита и Уайта (Левин, 2000, с. 198—214), который мы детально обсуждали в предыдущей статье (Патяева, 2012). Создававшиеся исследователями «школьные кружки» с демократической, авторитарной или попустительской групповой атмосферой могут быть рассмотрены как своего рода экспериментальные диспозитивы. Их базовый уровень составляют принадлежность к группе, отношения власти между руководителем кружка и его членами и задаваемая реальными действиями руководителя «само собой разумеющаяся» смысловая система. В случае демократической атмосферы подразумевается, что члены кружка способны совместно принимать решение и действовать самостоятельно, заслуживают уважительного отношения, заинтересованы в своей деятельности и не нуждаются в мелочном контроле, а в случае авторитарной атмосферы подразумеваемая «народная модель» состоит в том, что члены кружка некомпетентны, не заинтересованы в своей деятельности и не могут работать без постоянного контроля, критики и оценивания. На осознаваемом уровне эти смысловые системы реализовывались через систему задававшихся руководителем кружка повседневных практик: в частности, практики выбора или навязывания заданий, доброжелательного или критичного комментирования результатов работы, явного или подразумеваемого оценивания как самих участников, так и результатов их

⁶ В том числе «научные высказывания, философские, но также и моральные, и филантропические положения» (цит. по: Табачникова, 1996, с. 368).

действий. Эти повседневные практики и создают то непосредственное поле социальных побудительных воздействий, в котором оказывается ребенок. Оно складывается из приказаний, инструкций, просьб о помощи, предложений о сотрудничестве, уважительных или уничижительных оценочных высказываний и т.п.

Заключение

Введение категории социокультурного мотивирования предполагает переход от рассмотрения **двух** принципиальных компонентов процесса мотивации — *внутриличностных мотивационных образований* (потребностей, установок, типов каузальной атрибуции и других характерных особенностей) и *ситуативных влияний*, — которые традиционно изучаются психологией мотивации (см.: Хекхаузен, 1986, 2003), к анализу **трех** принципиальных компонентов — *социокультурных диспозитивов, внутриличностных мотивационных образований* (включая разного рода мотивационные умения) и *ситуативных влияний*. И само социокультурное мотивирование человеческих действий следует рассматривать как складывающееся по меньшей мере из трех больших и относительно самостоятельных слоев. Его основой выступает *базовый уровень диспозитива*, связанный с принадлежностью к тому или иному обществу и группе, «само собой разумеющимися» возможностями удовлетворения базовых потребностей, отношениями социальной иерархии и власти в данном обществе или группе и свойственными этому обществу нерелексированными смысловыми системами и народными моделями. Далее идет *осознаваемый уровень диспозитива*, т.е. побуждения, задаваемые системой повседневных практик, коллективных представлений и доминирующих в данном обществе (или группе) нарративов. Эти практики, коллективные представления и нарративы отчасти интериоризированы индивидами, отчасти постоянно навязываются им самой структурой всевозможных социальных ситуаций (в частности, ролевыми предписаниями, архитектурными планировками и социальными дискурсами) и другими людьми, которые осуществляют свойственные данному обществу социальные роли. Требования социальной ситуации и воздействия (просьбы, предложения, приказы и т.п.) других людей образуют третий слой системы социокультурного мотивирования — *социальное поле*, складывающееся из мотивационных воздействий, непосредственно побуждающих индивида к тому или иному поведению. Таким образом, социальное поле оказывается принципиально важным аспектом целостного психологического поля как совокупности всех ситуативных побудительных факторов, воздействующих на субъекта.

Следует подчеркнуть, что человек может как подчиняться социокультурным побудительным воздействиям (автоматически или

осознанно), так и противостоять им, что во многом определяется усвоенной или выработанной им системой ценностей и освоенными им мотивационными умениями, однако обсуждение этого вопроса выходит за пределы темы настоящей статьи (см.: Патяева, 2002, 2008; Patyayeva, 2012).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бекк-Виклунд М. Феноменология: мир жизни и обыденного знания. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы / Под ред. П. Монсона. (пер. со шв.). СПб., 1992. С. 71—106. [**Bekk-Viklund M.** (1992). Fenomenologiya: mir zhizni i obidennogo znaniya. Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya: teorii, traditsii, perspektivi / Pod red. P. Monsona. (per. so shv.) Sankt-Peterburg, 71—106]

Берг Л.-Э. Человек социальный: символический интеракционизм. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы / Под ред. П. Монсона. (пер. со шв.). СПб., 1992. С. 157—191. [**Berg L.-E.** (1992). Chelovek sotsialnyi: simvolicheskiy interaktsionizm. Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya: teorii, traditsii, perspektivi / Pod red. P. Monsona. (per. so shv.) Sankt-Peterburg, 157—191]

Булби Дж. Как оценивать нанесенный ущерб? Лишенные родительского попечительства: Хрестоматия / Ред.-сост. В.С. Мухина. М.: Просвещение, 1991. С. 144—154. [**Bowlby J.** (1991). Kak otsenivat' nanesyonniy ushcherb? Lishonniye roditelskogo popechitelstva: Hrestomatiya / Red.-sost. V.S. Muhina. Moskva: Proshcheniye, 144—154]

Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/883> [**Bourdieu P.** Sotsialnoye prostranstvo i symbolicheskaya vlast'. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/883>]

Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. [**Bourdieu P.** (2007). Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva. Moskva: Institut eksperimentalnoy sotsiologii; St. Petersburg: Aleteya]

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Ивано-Франковск: Ист-Вью, 2002. [**Weber M.** (2002). Protestantskaya etika i duh kapitalisma. Ivano-Frankovsk: Ist-V'yu]

Кутузова Д. Что такое «нарративный подход в терапии и работе с сообществами»? URL: <http://narribrus.wordpress.com/2009/03/11/what-is-narrative/> [**Kutuzova D.** Chto takoye "narrativniy podhod v terapiyi i rabote s soobshchestvami"? URL: <http://narribrus.wordpress.com/2009/03/11/what-is-narrative/>]

Кюре Н. Нарративная медиация и дискурсивное позиционирование в ситуации конфликта в организации. URL: <http://narribrus.wordpress.com/2011/02/23/nku/> [**Kure N.** Narrativnaya mediatsiya i diskursivnoye pozitsionirovaniye v situatsii konflikta v organizatsii. URL: <http://narribrus.wordpress.com/2011/02/23/nku/>]

Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000. [**Lewin K.** (2000). Razresheniye sotsialnih konfliktov. Sankt-Peterburg: Rech]

Лэнгле А. Жизнь, наполненная смыслом. Прикладная логотерапия. М.: Генезис, 2004. [**Langle A.** (2004). Zhizn', napolnennaya smislom. Prikladnaya logoterapiya. Moskva: Genezis]

Лэнгле А. Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности. М.: Генезис, 2005. [**Langle A.** (2005). Person: Ekzistentsialno-analiticheskaya teoriya lichnosti. Moskva: Genezis]

Лэнгле А. Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций. М.: Генезис, 2006. [**Langle A.** (2006). Chto dvizhet chelovekom? Ekzistentsialno-analiticheskaya teoriya emotsiy. Moskva: Genezis]

Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Главное издательство политической литературы, 1955а. Т. 1. С. 3—27. [**Marx K.** (1955). Zametki o noveyshey prusskoy tsenzurnoy instruksii. Marx K., Engels F. Sochineniya. Moskva: Glavnoye izdatelstvo politicheskoy literaturi, 1, 3—27]

Маркс К. Дебаты шестого Рейнского ландтага (статья первая) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Главное издательство политической литературы, 1955б. Т. 1. С. 30—84. [**Marx K.** (1955). Debati shestogo Reinskogo landtaga (statya pervaya). Marx K., Engels F. Sochineniya. Moskva: Glavnoye izdatelstvo politicheskoy literaturi, 1, 30—84]

Маркс К. Оправдание Мозельского корреспондента // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Главное издательство политической литературы, 1955в. Т. 1. С. 191—217. [**Marx K.** (1955). Opravdaniye Mozelskogo korrespondenta. Marx K., Engels F. Sochineniya. Moskva: Glavnoye izdatelstvo politicheskoy literaturi, 1, 191—217]

Мэй Р. Сила и невинность. Москва: Смысл, 2001. [**May R.** (2001). Sila i nevinnost'. Moskva: Smysl]

Патяева Е.Ю. Мотивация учения: заданное, стихийное и самоопределяемое учение. Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 289—313. [**Patyayeva E.Yu.** (2002). Motivatsiya ucheniya: zadannoye, stihynoye i samoopredelyayemoye ucheniye. Sovremennaya psihologiya motivatsii / Pod red. D.A. Leontyeva. Moskva: Smysl, 289—313]

Патяева Е.Ю. Обучение самоопределению: проблема, теоретическая модель и методика. Психология индивидуальности: Мат-лы II Всеросс. конф. (Москва, 12—14 ноября 2008 г.). М., 2008. С. 274—276. [**Patyayeva E.Yu.** (2008). Obucheniye samoopredeleniyu: problema, teoreticheskaya model i metodika. Psihologiya individualnosti: Mat-li II Vseross. konf. (Moskva, 12—14 noyabrya 2008 g.). Moskva, 274—276]

Патяева Е.Ю. К истокам культурно-исторического понимания человеческой мотивации: французская социологическая школа // Культурно-историческая психология. 2009. № 4. С. 15—27. [**Patyayeva E.Yu.** (2009). K istokam kulturno-istoricheskogo ponimaniya chelovecheskoy motivatsii: frantsuzskaya sotsiologicheskaya shkola. *Kulturno-istoricheskaya psihologiya*, 4, 15—27]

Патяева Е.Ю. Системы социокультурного мотивирования: «этос», «социальное поле», «диспозитив» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2012. № 3. С. 81—94. [**Patyayeva E.Yu.** (2012). Sistemy sotsiokulturnogo motivirovaniya: "etos", "sotsialnoye pole", "dispositif". *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psihologiya*, 3, 81—94]

Розин В.М. Культурология. 2-е изд. М.: Гардарики, 2003. [**Rozin V.M.** (2003). Kulturologiya. 2-e izd. Moskva: Gardariki]

Розин В.М. Психология: наука и практика. М.: Омега-Л, 2005. [**Rozin V.M.** (2005). Psihologiya: nauka i praktika. Moskva: Omega-L]

Розин В.М. Философия образования: этюды-исследования. Воронеж: НПО «МОДЭК», 2007. [**Rozin V.M.** (2007). *Filosofiya obrazovaniya: etudi-issledovaniya*. Voronezh: NPO „MODEK“]

Табачникова С.В. Мишель Фуко: историк настоящего. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 327—443. [**Tabachnikova S.V.** (1996). *Mishel Foucault: istorik nastoyashchego. Foucault M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti. Raboti raznih let*. Moskva: Kastal, 327—443]

Тёрнквист Р. Историко-эмпирическая социология // Современная западная социология: теории, традиции, перспективы / Под ред. П. Монсона. (пер. со шв.). СПб., 1992. С. 260—303. [**Tyornkvist R.** (1992). *Istoriko-empiricheskaya sotsiologiya. Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya: teorii, traditsii, perspektivi* / Pod. red. P. Monsona. (per. so shv.) Sankt-Peterburg, 260—303]

Уайт М. Карты нарративной практики. М.: Генезис, 2010. [**White M.** (2010). *Karti narrativnoy praktiki*. Moskva: Genezis]

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. [**Frankl V.** (1990). *Chelovek v poiskah smisla*. Moskva: Progress]

Фридман Дж., Комбс Дж. Конструирование иных реальностей. Истории и рассказы как терапия. М.: Независимая фирма «Класс», 2001. [**Fridman J., Kombs J.** (2001). *Konstruirovaniye inih realnostey. Istorii i rasskazi kak terapiya*. Moskva: Nezavisimaya firma “Klass”]

Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ, 2006. [**Fromm E.** (2006). *Zdorovoye obshchestvo*. Moskva: AST]

Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2011. [**Fromm E.** (2011). *Begstvo ot svobody*. Moskva: AST]

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. [**Foucault M.** (1996). *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti. Raboti raznih let*. Moskva: Kastal]

Фуко М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973—1974 учебном году. СПб.: Наука, 2007. [**Foucault M.** (2007). *Psihiatricheskaya vlast': kurs lektsiy, pročitannyh v Kollege de France v 1973—1974 uchebnom godu*. Sankt-Peterburg: Nauka]

Харлоу Г., Харлоу М., Суоми С. Заменители матерей // Психология аномального развития ребенка: Хрестоматия / Под ред. В.В. Лебединского, М.К. Бардышевской. М.: ЧеРо, Высшая школа, Изд-во МГУ, 2002. Т. 2. С. 39—54. [**Harlow G., Harlow M., Suomi S.** (2002). *Zamenitely materey. Psihologiya anomalnogo razvitiya rebyonka: Hrestomatiya* / Pod red. V.V. Lebedinskogo, M.K. Bardishevskoy. T. II Moskva: CheRo, Visshaya Shkola, Izdatelstvo MGU, 2, 39—54]

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. М.: Педагогика, 1986. [**Heckhausen H.** (1986). *Motivatsiya i deyatelnost': V 2 t*. Moskva: Pedagogika]

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. [**Heckhausen H.** (2003). *Motivatsiya i deyatelnost'*. Sankt-Peterburg: Piter; Moskva: Smysl]

Холмгрен А. Философия и формирование понятий в нарративной терапии. Ницше, Фуко и Делез: Введение для нарративных терапевтов. URL: <http://narrlibrus.wordpress.com/2010/05/07/holmgren/> [**Holmgren A.** *Filosofiya i formirovaniye*

ponyatiy v narrativnoy terapii. Nitsche, Foucault i Deleuze: Vvedeniye dlya narrativnih terapevtov. URL: <http://narlibrus.wordpress.com/2010/05/07/holmgren/>

Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самоосуществление. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1997. [**Horney K.** (1997). *Nevroz i lichnostniy rost. Borba za samoosushchestvleniye*. Sankt-Peterburg: Vostochno-Evropeyskiy Institut Psichoanaliza]

Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М.: Академический проект, 2008. [**Horney K.** (2008). *Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni*. Moskva: Akademicheskiiy projekt]

Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. М.: Смысл, 2004. [**Emmons R.** (2004). *Psihologiya visshih ustremleniy: motivatsiya i duhovnost' lichnosti*. Moskva: Smysl]

Chirkov, V. (2012). The motivational nature of good living: Human autonomy and why it is good for people and societies. In D.A. Leontiev (Ed.) *Motivation, consciousness and self-regulation*. N.Y., 105—126

Deci, E.L., Ryan, R.M. (1985). Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. N.Y.

Deci, E.L., Ryan, R.M. (2008). Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development, and health. *Canadian Psychology*, 49, 3, 182—185

Durkheim, É. (1912). *Les formes elementaires de la vie religieuse. Le systeme totemique en Australie*. Paris

Durkheim, É. (1915). "L'Allemagne au-dessus de tout", la mentalite allemande et la guerre. Paris

Langle A. (2012). The existential fundamental motivations structuring the motivational process. In D.A. Leontiev (Ed.) *Motivation, consciousness and self-regulation*. N.Y., 27—38

Lifton, R.J. (1961). Thought reform and the psychology of totalitarianism: A study of "Brainwashing" in China. N.Y.

Lifton, R.J. (1986). The Nazi doctors: Medical killing and the psychology of genocide. N.Y.

Patyayeva, C. (2012). Motivational dialogue as the core of the self-determination process. In D.A. Leontiev (Ed.) *Motivation, consciousness and self-regulation*. N.Y., 189—207

Kardorff, E. v., Koenen, E. (1981). *Psyche in schlechter Gesellschaft. Zur Krise klinisch-psychologischer Tätigkeit*. München, Wien, Baltimore.

Ryan, R.M., Deci, E.L. (2000). Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*, 55, 1, 68—78

Ryan, R.M., Deci, E.L. (2006). Self-regulation and the problem of human autonomy: Does psychology need choice, self-determination, and will? *Journal of Personality*, 74, 6, 1557—1586

Поступила в редакцию
12.06.12

В. Г. Аникина

К ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕФЛЕКСИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

В статье ставится вопрос о возможности обращения к феноменологии Э. Гуссерля как к философскому основанию исследований рефлексии в психологии. Представлены ключевые понятия феноменологии Э. Гуссерля. Очерчена связь между сознанием, осознанием и рефлексией. Систематизированы представления Э. Гуссерля о видах рефлексии, результатах простой (естественной) и трансцендентальной (феноменологической) рефлексии, а также об условиях проявления последней. Выявлены проблемы, неразрешенность которых накладывает ограничения на психологическое изучение рефлексии с позиции феноменологии.

Ключевые слова: феноменология Э. Гуссерля, сознание, интенциональность, простая рефлексия, феноменологическая рефлексия.

The article raises a question about the possibility of appealing to the Husserl's phenomenology as to the philosophical base of the research of reflection in psychology. The key concepts of the Husserl's phenomenology are presented. The connection between consciousness, awareness and reflection is outline. Systematized presentation of Husserl on the types of reflection, the results of a simple (natural) and transcendent (phenomenological) reflection, as well as the conditions of its manifestations. Undecided problems, imposes restrictions on the psychological study of reflection from a position of phenomenology, are identified.

Key words: Husserl's phenomenology, awareness, intentionality, simple reflection, phenomenological reflection.

Актуальным направлением развития современной психологии рефлексии является разработка теорий, которые представляли бы собой конструкт, включающий все уровни методологии — от философского до методического. Первым шагом на этом пути должна стать глубокая проработка философских оснований. **Цель** нашей работы — систематизация представленного Э. Гуссерлем описания рефлексии, необходимая для поиска ответа на вопрос о возможности рассмотрения феноменологии как философского

Аникина Вероника Геннадьевна — канд. психол. наук, доцент кафедры социальной психологии и акмеологии Орловского гос. ун-та. *E-mail:* vegav577@mail.ru

основания исследования рефлексии в современной психологии. Задача такого поиска обусловлена прежде всего фундаментальной ролью рефлексии в феноменологии, где она выступает, с одной стороны, как проявление свойства интенциональности сознания, а с другой — как «метод» его исследования. Именно поэтому феноменология рассматривается современными психологами как возможное основание для изучения рефлексии и выстраивания научных моделей ее исследования.

Ключевые понятия феноменологии Гуссерля

Критикуя психологизм в философии, Э. Гуссерль в то же время стремился к созданию новой психологии, которая должна опираться на феноменологический метод, качественно отличный от существующих и принятых психологией методов. Он отмечал, что философия и психология находятся в особой связи, в особом отношении друг к другу. И эта связь заключается в том, что феноменология как наука о сущностях (Гуссерль, 2009) раскрывается «в примечательной двойственности: с одной стороны, как психологическая феноменология, которая как радикальная основная наука должна служить психологии вообще, с другой стороны, как трансцендентальная феноменология, которая в ряду философских дисциплин выполняет важнейшую функцию первой философии, функцию философской науки о первоначалах» (Гуссерль, 2005а). Феноменологическая идея Э. Гуссерля — полагать мир как нозму — служит источником «проблемных» вопросов к самой феноменологии. Об этом писали В.Ф. Асмус, М.К. Мамардашвили, А.П. Огурцов, Т.И. Ойзерман, Э.Ю. Соловьев и др. (см.: Гайденоко, 1992; Молчанов, 1988; Мотрошилова, 1968; Шкуратов, 2004). Эта же идея определила развитие современной философии и отдельных научных школ психологии (гуманистической, экзистенциальной и др.), она внесла большой вклад в современную психотерапию и практическую психологию (Бинсвангер, 1992; Куренной, 1999; Ленгле, 2009; Прехтль, 1999; Улановский, 2007; Шпигельберг, 2002).

Полагая существование двух миров — мира фактических событий со своим течением времени и причинами и мира психологического, — Гуссерль указывает, что эти миры коррелируют, но не детерминируют друг друга: «При переходе к психическому, становясь психологическим, они (вещи, их свойства, время, причины, действия. — В.А.) теряют основную суть, их смыслы, и остается только пустая оболочка формально-логических понятий предмета, качества и т.д.» (Гуссерль, 2005 б, с. 306). В феноменологии Гуссерля человеку онтологически присущи *сознание и рефлексия*. Сознание интенционально. Интенциональность проявляется в рефлексии: «Всякая опытная или иная направленность на психическое осуществляется

рефлексивным способом ... Только рефлексия, поворот взгляда от непосредственно тематического, вводит как тему в поле зрения саму психическую жизнь» (там же, с. 302). Рефлексия осуществляется не над тем, что вовне, а «над тем, что внутри, и что не является прямым отражением этого внешнего» (там же, с. 307).

Необходимо отметить, что в феноменологии помимо *сознания* ключевым является понятие «*осознание*». В работе «Амстердамские доклады. Феноменологическая психология» Э. Гуссерль пишет: «Все, что доступно нам благодаря рефлексии, имеет одно замечательно общее всем свойство — быть сознанием о чем-то, осознанием чего-либо или, коррелятивно, быть осознанным» (там же, с. 303). Философом выделяются два способа «бодрствования жизни в осознании»: первый — естественный и нормальный («прямая устремленность к тем или иным объектам, т.е. выживание»); второй — жизнь с изменением «тематического сознания о мире». Естественная жизнь — это жизнь в универсальном (не тематическом) горизонте, мир, «преданный нам как сущее». «Естественная жизнь — поток новых опытов, суждений, оценок и решений. “Я” направлено на предметы своего окружающего мира, так или иначе занятого им. Именно они сознаются в самих актах» (Гуссерль, 2004, с. 202). Жизнь с изменением тематического сознания о мире — это «сознательная жизнь субъективности, производящей мировую значимость, которая в своих непрекращающихся приобретениях уже обладает миром и активно придает ему новые обличья» (там же, с. 205). Эти два вида проявления жизни различаются установкой сознания и рефлексии. Именно поэтому философ говорит о двух типах опыта человека — *экземплярном* (действительном) и *феноменологическом*.

Представления Э. Гуссерля о видах рефлексии, результатах и условиях ее проявления

В феноменологии Гуссерля сознание имеет сущностную двусторонность. Оно может быть представлено, во-первых, как *природное*, реально-естественное, безостановочно протекающее в своих самоощущениях, и, во-вторых, как *трансцендентальное*, ноэматическое (т.е. осуществляющее ноэматическую работу) движение к чистому трансцендентальному опыту и содержащее в себе чистые идеальные феномены. Соответственно Гуссерль выделяет **два вида рефлексии** — *простую (естественную)* и *трансцендентальную (феноменологическую)*. *Простая рефлексия* — поверхностное осматривание сознания — делает видимым сознание в своем анонимном функционировании. «Простая рефлексия на сознание еще не дает нам психического в его собственной сущности и чистоте» (Гуссерль, 2005б, с. 308). *Феноменологическая рефлексия* осуществляет постижение психического в его сущности, достижение чистых феноменов.

Результаты простой рефлексии:

1. *Выделение себя как сущего*: «если мы в рефлексии принимаем установку на эту универсальную внешнюю апперцепцию (мы присутствуем телесно-душевно для нас же самих благодаря объективным внешним апперцепциям, а иногда и благодаря тематическим актам внешнего восприятия), а затем и вообще на всю фундированную в ней жизнь сознания, то она становится явной как то единое в себе сущее субъективное бытие и жизнь, в которой, так сказать, свершается для-нас-бытие, для-меня-присутствие-мира и всех присутствующих для меня реальностей» (Гуссерль, 2005б, с. 331).

2. *Выделение субъективного бытия человека*. Рефлексия в разных установках «разделяет» человеческую субъективность на реальную и душевную (трансцендентальную); «душевная субъективность <...> есть компонент этого конкретного бытия-в-качестве-человека <...>, который в пределах универсальной апперцепции выступает как коррелят определенной внешней апперцепции (там же, с. 330). Трансцендентальная субъективность — это «самостоятельное поле действительного и возможного опыта» (там же, с. 331);

Условия проявления феноменологической рефлексии:

1. Чтобы иметь доступ к чистым феноменам сознания, необходима смена установки с естественной на феноменологическую. Первый шаг к этому — оставление за скобками фактического мира. Затем осуществление феноменологического постижения переживаний сознания с помощью феноменологической редукции. Это следует делать, придерживаясь «только того, что здесь происходит для нас в качестве действительно очевидной самоданности <...> и не интересуясь установлением фактически происходящих событий» (там же, с. 306).

2. Осуществление рефлексии только в чистом опыте, включающее:

— свободу от всего психофизиологического: «...то, что дает психическому положение и связь в реальной природе, мы должны оставить без рассмотрения» (там же, с. 308);

— свободу от предрассудков («Что же касается тех постоянных предрассудков, которые делали нас невосприимчивыми к его (метода чистого анализа. — В.А.) требованиям, то они происходят из представления образцовости естественных наук», «...модные ссылки на <гештальт-качества> и формы целостности лишь указывают на новый модус натурализма» (там же, с. 305));

— уход от основной ошибки — уравнивания имманентной и объективно существующей временности;

— ориентировку на внешние качества, причины и действия;

— удержание от бытийной веры, необходимость стать незаинтересованными наблюдателями.

Результаты феноменологической рефлексии:

1. *Открытие сознания и осознания.* Рефлексия позволяет осознать, и «каждое сознание ... имеет свою, являющуюся определенным образом, осознанную предметность». Философ понимал «осознанное (в соответствующем сознании) как нечто, принадлежащее к самому составу этого сознания» (там же, с. 308).

2. *Феноменологический (или трансцендентальный) опыт.* «<Феноменологический опыт> — это, естественно, не что иное, как та рефлексия, в которой нам становится доступным психическое в его собственной сущности...» (там же, с. 304). В трансцендентальном опыте ничто из реального бытия не утверждается напрямую: «Если Я, живущее в трансцендентальной установке и, таким образом, в ситуации постоянного радикального эпохе, все снова и снова будет осуществлять акты рефлексии над сознанием, то для него раскроется чистое трансцендентальное и только оно, причем в новом “внутреннем” ... в трансцендентальном опыте» (там же, с. 333).

3. *Осознание Я-центра.* «...Я-центр... т.е. Я, феноменологически тождественное в многообразных Я-актах, ухватываемое как центр излучения, из которого как из тождественного Я-полюса исходят многообразные Я-действия, специфические акты» (там же, с. 310).

4. *Априорные знания (Apriori).* Apriori — это «чистые всеобщности» (без всякого полагания фактов), соотнесенные с бесконечным объемом свободно мыслимых возможностей и определяющие норму мыслимости в качестве возможных фактов. Достижение априорного, т.е. чистого и необходимого «вообще» осуществляется через феноменологическую и эйдетическую редукцию. Гуссерль Э. описывает «процесс» достижения «чистой всеобщности» следующим образом: «... саму фактичность ... оставляем вне игры, на соответствующем экземпляре мы осуществляем свободную вариацию в фантазии и образуем сознание свободной произвольности и горизонт произвольно образуемых таким образом вариантов... При этом в постоянном самосовпадении вариантов проступает всеобщая, всем сущностная форма, необходимо сохраняющая во всех вариантах инвариант» вплоть до «любой будущей вариации <вообще>» (там же, с. 317).

5. *Построение смыслов.* По Гуссерлю, смысл есть «осознание одного и того же, положенного для разного». Смысл показывает нам на бесконечность моментов ноэмы: «... где бы мы ни говорили о смысле, речь идет о чем-то идеальном..., которое может быть тем, что подразумевается... в открытой бесконечности действительных и возможных смыслопридающих... переживаний» (там же, с. 312). Как образуется смысл в сознании? Этот процесс описан Э. Гуссерлем достаточно подробно, и важнейшую роль в нем играет рефлексия. Сознание в феноменологической (трансцендентной) установке

осуществляет осознание (отрефлексирование) частных восприятий (переживаний) одного и того же внешнего предмета, выделение их тождественности в этом множестве и синтезе. Синтез многих восприятий создает синтетический универсум. Возникает ноэматическое единство — предметный полюс. «Таким образом, в основной сущности сознания заключено то, что этот предметный полюс, каждое ноэматическое единство есть нечто идеально тождественное во всем синтетическом многообразии переживаний и содержится, таким образом, в них не реально (reell), но идеально (ideell)» (там же, с. 310). И это идеально имманентно смыслу. Переживания могут быть смыслопридающими. Ноэме принадлежит горизонт сознания. Момент горизонтного сознания совершенно не созерцателен в себе и для себя пуст. Следовательно, смысл ноэмы указывает на бесконечность ее возможных восприятий и проявлений. Поэтому мы можем включиться в многообразие новых восприятий и поиск новых смыслов. Новое рефлексивное «как» дает новую перспективу, что тотчас указывает на возможно новые перспективы. Отметим, что любое разделение на части вновь дает смысл, а любая связь дает синтетическое обоснование смысла. «Жизнь сознания всегда протекает как жизнь, конституирующая в себе смысл, и как жизнь, конституирующая смысл смысла» (там же, с. 314). Нахождение новых смыслов меняет бытие человека. Философ писал, что, даже фантазируя о неких вариациях фактического мира, человек неизбежно варьировывает самого себя.

6. *Тематизация самой рефлексии.* «В рефлексивном восприятии и вообще опытном постижении она (рефлексия. — В.А.) схватывается и сама становится темой разнообразных занятий. Это новое опытное постижение и вообще тематизация рефлексии, конечно же, сами латентны, но в дальнейшем опять-таки могут быть раскрыты благодаря рефлексии более высокого уровня» (там же, с. 303). С позиций феноменологии возможен подъем рефлексии на новые уровни, достижение ее *A priori*.

Итак, находясь в трансцендентальной позиции, сознание конституирует мир, создает новые смыслы и значения мира. Гуссерль писал: «Мы научимся понимать, что мир, постоянно существующий для нас в текущем измерении способов данности, есть универсальное духовное приобретение, ставшее таковым и одновременно продолжающее свое становление как единство духовной формы, как некоторое смысловое формообразование — формообразование универсальной первично функционирующей субъективности. К этой мироконститутивной работе относится с сущностной необходимостью и то, что субъективность сама себя объективизирует в качестве человеческой субъективности, в качестве того, что принадлежит составу мира...» (Гуссерль, 2004, с. 156).

Ограничения, накладываемые психологией на изучение рефлексии с позиции феноменологии

Систематизировав представления о рефлексии в феноменологии Э. Гуссерля, можно сказать, что философ создал красивую систему бытийных отношений, которая характеризуется, с одной стороны, открытостью за счет потенциальной бесконечности горизонта сознания, а с другой стороны — самодетерминацией, т.е. не требует внешнего источника для своего существования. При этом мы увидели дуалистичность этой системы, возникающую из стремления философа решить трансцендентальную проблему, т.е. найти ответ на вопрос: как существует бытийный смысл? Дуализм проявляется в том, что, с одной стороны, существует мир как «сущее всякого рода», а с другой стороны, переход человека в трансцендентальную позицию предполагает объективизацию его субъективного мира трансцендентальным сознанием.

Казалось бы, на основе проведенной систематизации можно построить модель рефлексии и использовать ее как философско-методологическое основание для изучения рефлексии. Но мы поставили перед собой вопрос: существуют ли в самой феноменологии ограничения на возможность применения ее представлений о рефлексии в психологии? На наш взгляд, можно выделить проблемы, неразрешенность которых накладывает ограничения на психологическое изучение рефлексии с позиции феноменологии.

Во-первых, это невозможность объяснить активность человека в конституировании мира, которая начинается со смены установки с простой рефлексии на трансцендентальную. Складывается впечатление, что сознание и есть субъективность, активный субъект, что оно активно само по себе — онтологически и определяет преобразующую активность человека. Я-центр, который сам является нэмой в феноменологической редукции, т.е. обладает горизонтностью (бесконечностью возможных восприятий, избытком существования), есть результат работы и активности сознания и рефлексии. «Я» может включаться по своей воле в живой горизонт значимостей, «немых», скрытых, но тоже функционирующих, окружающих активное сознание. Активен ли Я-центр? И в чем проявляется эта активность? Эти вопросы остаются открытыми. Возникает понимание того, что трансцендентальное сознание и рефлексия онтологически предшествуют субъектной, личностной активности.

Во-вторых, где, в каком «месте» осуществляется рефлексия? Это «место» (топос) должно быть определено в трансцендентальной позиции. Обладая свойством интенциональности, сознание рефлексивно, но где в субъективном бытии топос рефлексирования. Казалось бы, что это субъект, но когда и как он возникает?

Открытость этих вопросов, с нашей точки зрения, создает те ограничения, которые делают проблематичной возможность исследований рефлексии с позиции феноменологии. Ведь для большинства направлений в современной психологии важно выполнение ряда принципов — развития, детерминизма, активности и т.д., — игнорирование которых разрушает предметное поле науки.

Феноменология Э. Гуссерля содержит множество идей, к ним можно отнести и представление о горизонтной бесконечности каждого субъективного, ноэматического центра «Я», и идея конституирования мира — создания новых смыслов, значений или новых миров. Важно отметить, что эти и другие идеи феноменологии нашли свое отражение в работах и практике многих выдающихся психологов и психотерапевтов, таких, как Л. Бинсвангер, К. Ясперс, Е. Минковски, Г. Элленбергер, Р. Мэй, Ф. Перлз, К. Роджерс, Дж. Бьюдженталь и др. Если говорить о современном этапе феноменологического движения, то можно отметить работы А. Джорджи, А. Лэнгле, Э. Спинелли и др. (см.: Бинсвангер, 1992; Ленгле, 2009; Улановский, 2007). Соотнесение современных исследований в психологии рефлексии и феноменологических идей показывает, что рефлексия является прежде всего механизмом самопознания и саморазвития, проявлением интенциональности сознания. Развитие этих представлений — одно из конструктивных направлений исследований в рамках современной психологии рефлексии (Карпов, 2004; Лефевр, 2003; Петровский, 2008; Россохин, 2010; Семенов, 2008).

Для наших исследований (Аникина, 2010) значимо понимание того, что Я никогда окончательно не определено, не оформлено в какой-то смысл, оно потенциально (имеется в виду горизонтность сознания) бесконечно. Такое бытие возможно только в том случае, если Я станет для человека ноэмой, т.е. будет находиться в трансцендентальной позиции по отношению к себе. Именно поэтому рефлексия в психологическом исследовании личности может рассматриваться как источник развития, как объяснительный принцип этого процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникина В.Г. Психотехническая модель рефлексии: теоретические основания и описание // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 6. С. 56—63. [Anikina V.G. (2010). Psihotehnicheskaya model' refleksii: Teoreticheskie osnovaniya i opisaniye. *Psihologicheskij Zhurnal*, 31, 6, 56—63]

Бинсвангер Л. Феноменология и психопатология // Логос. 1992. № 3. С. 12—136. [Binsvanger L. (1992). Fenomenologiya i psykhopatologiya. *Logos*, 3, 12—136]

Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум в интерпретации Эдмунда Гуссерля // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 116—135. [Gaydenko P.P. (1992). Nauchnaya ratsional'nost' i filosofskiy razum v interpretatsii Edmunda Gusserlya. *Voprosi Filosofii*, 7, 116—135]

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004. [Gusserl' E. (2004). *Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya*. St. Petersburg: Vladimir Dal']

Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В.В. Анашвили и др. М.: Территория будущего, 2005. [Gusserl' E. (2005). *Izbranniye raboti* / Sost. Anashvili V.V. i dr. Moskva: Territoriya budushchego]

Гуссерль Э. Амстердамские доклады. Феноменологическая психология. Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В.В. Анашвили и др. М.: Территория будущего, 2005. С. 97—340. [Gusserl' E. (2005). *Amsterdamskiye dokladi. Fenomenologicheskaya psikhologiya* // Gusserl' E. *Izbranniye raboti* / Sost. Anashvili V.V. i dr. Moskva: Territoriya budushchego. S. 297—340]

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академический проспект, 2009. [Gusserl' E. (2009). *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* / Per. s nem. Mihaylova A.V. Kniga 1. Moskva: Akademicheskiy prospekt]

Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: ИП РАН, 2004. [Karpov A.V. (2004). *Psikhologiya refleksivnih mehanizmov deyatel'nosti*. Moskva: IP RAN]

Куренной В. К вопросу о возникновении феноменологического движения // Логос. № 11—12. С. 156—182. [Kurennoy V. (1999). *K voprosu o vzniknovenii fenomenologicheskogo dvizheniya*. *Logos*, 11—12, 156—182]

Ленгле А. Феноменологический подход в экзистенциально-аналитической психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 110—129. [Lengle A. (2009). *Fenomenologicheskii podhod v ekzistentsial'no-analicheskoy psihoterapii*. *Moskovskiy Psihoterapevticheskiy Zhurnal*, 2, 110—129]

Лефевр В.А. Рефлексия. М.: Когито-центр, 2003. [Lefevr V.A. (2003). *Refleksiya*. Moskva: Kogito-tsentr]

Молчанов В.И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. М.: Высшая школа, 1988. [Molchanov V.I. (1988). *Vremya i soznaniye. Kritika fenomenologicheskoy filosofii*. Moskva: Visshaya shkola]

Мотрошилова Н.В. Принципы и противоречия феноменологической философии. М.: Высшая школа, 1968. [Motroshilova N.V. (1968). *Printsipi i protivorechiya fenomenologicheskoy filosofii*. M.: Visshaya shkola]

Петровский В.А. Состоятельность и рефлексия: модель четырех ресурсов // Психология. Журнал ВШЭ. 2008. Т. 5. № 1. С. 77—100. [Petrovskiy V.A. (2008). *Sostoyatel'nost' i refleksiya: model' chetireh resursov*. *Psikhologiya. Zhurnal Visshey Shkoly Ekonomiki*, 5, 1, 77—100]

Прехтль П. Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля. Томск: Водолей, 1999. [Prehtl' P. (1999). *Vvedeniye v fenomenologiyu Edmunda Gusserlya*. Tomsk: Vodoley]

Россохин А.В. Рефлексия измененных состояний сознания в психоанализе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2010. № 3. С. 88—104. [Rossohin A.V.

(2010). Refleksiya izmenennih sostoyaniy soznaniya v psikhoanalize. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 3, 88—104]

Семенов И.Н. Психология рефлексии: классика и современность // Психология. Журнал ВШЭ. 2008. Т. 5. № 1. С. 64—76. [**Semenov I.N.** (2008). *Psikhologiya refleksii: klassika i sovremennost'*. *Psikhologiya. Zhurnal Visshey Shkoli Ekonomiki*, 5, 1, 64—76]

Улановский А.М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 1. С. 130—150. [**Ulanovskiy A.M.** (2007). *Fenomenologicheskiy metod v psikhologii, psikhiatrii i psikhoterapii. Metodologiya i istoriya psikhologii*, 2, 1, 130—150]

Шкуратов И.Н. Феноменологическая психология Э. Гуссерля: опыт имманентной критики. М.: Современные тетради, 2004. [**Shkuratov I.N.** (2004). *Fenomenologicheskaya psikhologiya Edmunda Gusserlya: opit immanentnoy kritiki*. Moskva: *Sovremenniye tetradi*]

Шпигельберг Г. Феноменологическое движение: историческое введение. М.: Логос, 2002. [**Shpigel'berg G.** (2002). *Fenomenologicheskoye dvizheniye: istoricheskoye vvedeniye*. Moskva: Logos]

Поступила в редакцию
18.06.12

А. П. Миньяр-Белоручева, М. Е. Покровская

**ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ: ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ-
ПЕРСОНИФИКАЦИИ И ВЕРБАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ-
АНТРОПОНИМЫ**

Статья посвящена рассмотрению межнациональных отношений в поликультурной среде через призму восприятия тем или иным народом себя и других и отражение этих отношений в языке в виде стереотипов, персонификаций и этнонимов. Внимание уделяется истории изучения проблемы взаимосвязи языковой и психологической реальности в культуре. На примере некоторых этнических стереотипов англоязычного мира показано восприятие англичанами и американцами самих себя и своих заокеанских соседей. Рассматривается национально-культурная специфика стереотипов англоязычного мира. Приводятся примеры современных поисков возможных этнопсихолингвистических путей разрешения этнических конфликтов.

Ключевые слова: национально-культурная специфика стереотипов, этнопсихолингвистика, межнациональные отношения, персонификация, этноним, восприятие других, взаимосвязь языковой и психологической реальности.

The article is devoted to the interethnic relations in a multicultural environment through self-identification and perception of other ethnic groups, and the reflection of these relations in language in the form of stereotypes, personifications and nationality words. The authors focus their attention on the history of the issue of linguistic and psychological reality interaction within culture; observe some stereotypes of the English-speaking world exemplify the perception of the British and Americans by themselves and each other; introduce national and cultural peculiarities of ethnic stereotypes in the English-speaking world; give examples of modern search for possible ethno-psycholinguistic ways of settling ethnic conflicts.

Key words: national and cultural peculiarities of ethnic stereotypes, ethno-psycholinguistics, interethnic relations, personifications, nationality words, perception of the other, interaction of linguistic and psychological reality.

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — докт. филол. наук, профессор кафедры иностранных языков исторического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* ostvera@mail.ru

Покровская Марина Евгеньевна — канд. филол. наук, ст. преп. кафедры иностранных языков исторического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* astraM1@yandex.ru

Межнациональные отношения всегда были в центре внимания государства и общественности, но особенно значимым исследование проблем, касающихся межнациональных отношений вообще и этнической идентичности в частности, становится в эпоху глобализации. Изучение вопросов, связанных с межэтническими взаимоотношениями, имеет значение не только для поликультурных, но и для монокультурных государств, которые также заняты поиском новых путей создания благоприятных условий проживания и совместной деятельности разных народов и этнических групп на одной территории. Поиск решений данной проблемы подразумевает изучение этнических стереотипов, в частности рассмотрение межнациональных отношений через призму восприятия тем или иным народом себя и других и отражение этих отношений в языке (Миньяр-Белоручева, Покровская, 2012).

Благодаря глобализации сложные, шедшие автономно и замкнуто в течение веков исторические процессы завершились, и было создано новое единое пространство. Ни одно событие, совершающееся на планете, не остается незамеченным, и его последствия можно ощутить в разных уголках земного шара. Впервые в истории человечество находится в условиях единого исторического процесса, при этом общение становится все разнообразнее и интенсивнее, экономика и политика приобретают общемировой характер. Дальнейшее гармоничное историческое, политическое и культурное развитие человечества в значительной мере зависит от степени изученности стереотипных представлений одних народов о других, путей их распространения и формирования.

Изучение проблемы взаимосвязи языковой и психологической реальности в культуре

Проблема взаимосвязи языковой и психологической реальности в культуре начала привлекать внимание исследователей различных гуманитарных дисциплин в середине XIX в. Это нашло отражение в появлении теоретических идей и концепций такого комплексного явления, как этнос в связи с его местом в системе взаимодействия с другими этносами, культурами, цивилизациями на макроуровне и самоидентификацией индивида в рамках своей или чужой культуры на микроуровне. Центральное место в исследованиях отведено этнической принадлежности, которая служит одним из идентификационных признаков человека (Moscovici, 1984) и осознается через дихотомию «свой—чужой» (Lippmann, 1922), поскольку, согласно Ф. Соссюру (1990, с. 101), «... один член никогда сам по себе ничего не значит, ...*a* не в состоянии что-либо обозначить без помощи *b*..., а *b* ничего не может обозначить без помощи *a*». Этническая идентичность — результат когнитивно-эмоционального процесса осознания

себя представителем этноса, в определенной степени отождествление себя с ним и отделение от других этносов (Стефаненко, 1999). Оп-позиция «свой—чужой» относится к одному из «главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» (Степанов, 1997, с. 472). Национальное мироощущение как некий устойчивый фрагмент картины мира, хранящийся в коллективном сознании того или иного народа, получило название стереотипа.

Стереотипы обусловлены картиной мира каждого народа, который, взаимодействуя со средой обитания, стремится постичь окружающий его мир, осознав свое место в нем. Картина мира народа складывается из законов природы, исторического процесса, опыта поколений. Она проявляется в традициях, религиозных учениях, искусстве, этических нормах, политических амбициях, стремлениях людей, языковой культуре. Ее изучение возможно посредством исследования языка.

Различные способы познания одних и тех же объектов и явлений, определивших образование разных понятий, отражающихся в языковой картине мира, В. Гумбольдт назвал «различными способами видения предметов». Будучи пионером в данной области знания, он писал о носителях определенного языка как о представителях мировидения, сводящегося к формированию отдельно взятой общности людей, объединенных языком, историей и культурой, и свойственного только ей языкового сознания, складывающегося в глубинных процессах, связанных с уникальной языковой картиной мира.

Эти идеи получили дальнейшее развитие в работах М. Лацаруса и Г. Штейнтала, проводивших параллель между развитием мышления и социальной средой, одной из составляющих которой является язык, формирующий человеческое мышление и в конечном итоге языковую картину мира. Несмотря на то что отдельный человек по-своему трактует и реагирует на окружающий мир, в своих мироощущениях он руководствуется опытом своего народа. Г. Штейнталь (1960) придерживался психологического направления в языкознании и ставил задачу исследования духовной природы человека и человечества. Так были заложены основы развития междисциплинарной области знания, получившей название «психология народов» и изучающей национальный характер, этнические особенности психики, закономерности формирования национального самосознания и этнических стереотипов.

Первой попыткой психологически интерпретировать мифологию и язык, религию и искусство были работы В. Вундта. По мере своего развития новое направление исследований получило название этнопсихологии, или психологической антропологии. Будучи

междисциплинарной областью, этнопсихология широко использует психологические и лингвистические методы исследования.

В США идеи этнопсихологии как междисциплинарной области знаний получили развитие в работах по культурной антропологии, и дисциплина стала включать в себя элементы таких наук, как психология, психиатрия, социология, антропология, лингвистика, археология и этнография. В 1930-х гг. Б. Уорф, исходя из гипотезы Э. Сепира и подчеркивая примат языка в мировосприятии человека, писал: «Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» (Уорф, 1960, с. 174). Он вывел новый принцип, согласно которому картина мира народа определяется языковой картиной мира. Это привело к стремлению понять и объяснить этническое разнообразие населения Земли.

Положения В. Гумбольдта о познании человеком мира через язык поддержал и развил, опираясь и на работы Л. Сепира и Б. Уорфа, Й. Вайсгербер (2004). Ученый рассмотрел аспекты, касающиеся формирования народной духовности, которая через языковое бытие становится духовностью человека, его мира внутри себя. И язык как связующее звено между сознанием и бытием образует некую промежуточную субстанцию, позволяющую человеку идентифицировать себя.

В отечественной традиции развивалась идея о том, что язык способствует обогащению коллективной картины мира народа, создавая языковую картину мира, состоящую из многочисленных факторов. Одним из них являются природные условия, которые не только диктуют народу особый стиль жизни, но и предопределяют его видение окружающего мира, приводят в его языковом сознании к тождеству с одной этнической общностью и отделению от других (Шпет, 1996).

Во второй половине XX в. этнопсихология накопила достаточно большой объем данных о специфических чертах национальной психологии этносов, пройдя через теории «базисной личности» и «модальной личности». Первая из этих теорий допускала возможность перенесения данных психологического изучения личности на общество в целом; вторая подразумевала, что главные характеристики психологии того или иного народа могут выражаться лишь в

абстрактно общем виде, применительно же к конкретной личности набор таких характеристик может быть (и будет) неполным.

На современном этапе в качестве предмета исследования в этнолингвистике выступает вся система познавательных, мотивационных, эмоциональных и волевых процессов, а также типов личности, свойственных каждому этносу; проводятся кросс-культурные исследования влияния общеэтнической среды (культуры и природы) на формирование и особенности личности. Интерес к изучению социокультурной специфики вербального и невербального поведения привел к появлению *этнопсихоллингвистики*, которая рассматривает речевую деятельность с точки зрения национально-культурной особенности и с учетом национально-культурной составляющей дискурса, а также исследует этнопсихоллингвистическую детерминированность языкового сознания и коммуникации (Красных, 2002). Постоянный интерес исследователей к обозначенным проблемам можно объяснить попытками осмыслить глубинные процессы формирования у разных народов не только языка, но и стереотипов, которые нередко бывают труднопреодолимыми, осложняющими коммуникацию.

Национально-культурная специфика стереотипов

Этнический стереотип — это форма стереотипа, выраженного в культурной традиции и ориентированного в прошлое. Структура этнических стереотипов чрезвычайно сложна и многопланова. Будучи сформированными, этнические стереотипы активно поддерживаются в массовом сознании и редко претерпевают какие-либо изменения. «Этнические стереотипы возникают в ходе развития этнического самосознания, осознания собственной принадлежности к определенной этнической группе. Присущая всякой группе психическая общность выражается в формировании определенного «мы-чувства». Для этнических групп «мы-чувство» фиксирует осознание особенностей своей собственной группы, отличие ее от других групп, упрощая образы других групп» (Стефаненко, 1999, с. 242).

Этнические стереотипы характеризуются устойчивостью, эмоциональной окрашенностью и передачей обобщенного образа этнической группы. В содержании этнического стереотипа различают относительно устойчивое ядро — комплекс представлений о внешнем облике представителей данного народа, о его историческом прошлом, особенностях образа жизни и трудовых навыках — и ряд изменчивых суждений относительно коммуникативных и моральных качеств данного народа. Изменчивость оценок этих качеств тесно связана с меняющейся ситуацией в межнациональных и межгосударственных отношениях (Кузнецов, 1994).

Этнические стереотипы подразделяются на автостереотипы (т.е. восприятие «своей» этнической группы) и гетеростереотипы (восприятие «чужой» этнической группы). Они нашли свое воплощение в эмоционально маркированных лексических единицах, этнонимах и антропонимах, передающих обобщенный образ народа. Изучение этих единиц осложняется языковым пуризмом, вызванным политической толерантностью. Следует отметить, что авто- и гетеростереотипы могут быть маркированы как положительно, так и отрицательно, несмотря на существующее ошибочное представление о позитивности первых и негативности вторых. В данном случае полутона не только допустимы, но и необходимы, иначе позитивное восприятие «своих» и негативное восприятие «чужих» исключит любую коммуникацию или взаимодействие.

Установлено, что позитивные автостереотипы и негативные гетеростереотипы необходимы для повышения самооценки, поскольку этнической группе вне зависимости от ее численности всегда требуется собственный положительный образ и подтверждение ее исключительности. Превышение количества позитивных автостереотипов над позитивными гетеростереотипами служит индикатором негативного отношения к представителям другой этнической группы по сравнению со своей. Было установлено, что «индекс этноцентризма» находится в прямо пропорциональной зависимости от степени позитивности автостереотипа и степени позитивности гетеростереотипа: он тем выше, чем больше между ними разница (Завьялова [эл. ресурс]).

Как авто-, так и гетеростереотипы характеризуются преемственностью традиционных представлений о себе и о других народах. Вербализованные знаки, отражающие автостереотипы, устойчивые представления этноса о самобытных национальных качествах, по сути, являются мифом народа о самом себе, в котором прослеживается общая культура и история. Скорее всего, автостереотипы представляют собой ироническое подтрунивание над определенной чертой характера своего народа. Они могут существовать как на протяжении столетий, так и в течение нескольких лет. Выполнив свою политическую и социальную функцию, они уступают место другим, более актуальным, отражающим дух времени.

И авто- и гетеростереотипы могут выделять конкретные черты характера народа (внешний вид, состояние) и давать общее представление о нем, которое, как правило, закрепляется за антропонимом, олицетворяющим народ и государство. Любой вербальный стереотип всегда подкрепляется визуальным образом-персонификацией в виде шаржа, карикатуры или персонажа кинофильма. Попробуем проследить это на примерах некоторых этнических стереотипов англоязычного мира.

Некоторые этнические стереотипы англоязычного мира

Исторически первым вербальным выражением автостереотипа англичан является Джон Буль (*John Bull*), образ-персонификация которого существует с начала XVIII в., но он не потерял своей актуальности до сих пор. Это имя впервые появилось в памфлете Джона Арбетнота «Тяжба без конца, или История Джона Буля», написанном в 1712 г. Отождествляя его с «типичным англичанином», соотечественники относятся к нему с некоторой долей самоиронии. Джон Буль — не статичный символ. В течение веков он эволюционировал, пройдя несколько этапов в своем развитии, превратившись из простоватого фермера в темно-желтом жилете и синем сюртуке в мелкопоместного дворянина — сквайра. На передней части его жилета, подчеркивающего выпирающее брюшко, изображен британский флаг. Образ краснолицего, низкорослого толстяка с бакенбардами, в белых брюках, модных в начале XIX в., в шляпе, больше похожей на котелок, получившей название «цилиндр Джона Буля», и с подозрительной трубой в руках, через которую он рассматривал события, происходящие в Европе, появился в 1803 г. в театральной постановке Джона Колмена младшего «Джон Буль, или Семейная жизнь англичанина». Несмотря на то что Джон Буль является автостереотипом англичан, самый лучший его психологический портрет был дан классиком американской литературы Вашингтоном Ирвингом в произведении «*The Sketch Book of Geoffrey Crayon*» — «Книга эскизов». В главе «Джон Буль» писатель-романтик, «отец американской литературы» представил излюбленного героя метрополии следующим образом: «простой, открытый, честный, лишенный фантазии, скорее прозаически, нежели романтически настроенный человек. Ему свойствен юмор, а не остроумие. Его нельзя назвать веселым, но он всегда находится в хорошем расположении духа. Для него не характерна замкнутость, мрачность, угрюмость, правда, иногда он бывает раздражительным. Его легко можно растрогать до слез и довести до смеха. Ему не присущи сентиментальность и галантность. Он может быть прекрасным собутыльником в том случае, если ему позволяли шутить и говорить только о себе. Он всегда заступится за друга в споре и выручит его деньгами, несмотря ни на какие угрозы» (Irving [эл. ресурс]). Визуальный образ Джона Буля был создан карикатуристом сэром Джоном Тенниелем (*Sir John Tenniel*), который изображал его в сопровождении бульдога в британском карикатурном журнале «*Punch*» во второй половине XIX в.

Джон Буль всегда пользовался популярностью у своих соотечественников, но поистине он прославился благодаря комедийной пьесе Бернарда Шоу «Другой остров Джона Буля», созданной в 1912 г.

И вскоре это имя стало олицетворением Великобритании вообще и Англии в частности. Однако другие части страны не признали данное имя и образ в качестве национального. За века своего существования антропоним *“John Bull”* подвергся лексикализации. В результате соединения корневой основы с суффиксами *-ish*, *-ism*, *-ist* появились такие слова как *“John-Bullish”* в значении «типично английский», *“John-Bullism”* — «типичные черты английского характера», *“John-Bullist”* — «сторонник всего английского». Джон Буль с театральных подмостков и книжных страниц вошел в жизнь как здравомыслящий, исполненный благих намерений и действующий из лучших побуждений чистокровный англичанин. Эти черты стали стереотипными при изображении всех жителей Альбиона и персонафицировались с государством. Следует отметить, что имя Джона Буля стало реже упоминаться после середины XX в., но оно остается своеобразным брендом страны, ее визитной карточкой.

Первым автостереотипом американцев был брат Джонатан (*Brother Jonathan*) — вымышленный персонаж, ставший воплощением Соединенных Штатов Америки после окончания Войны за независимость (1776—1783). «Брат Джонатан» было оскорбительным прозвищем, которым лоялисты (тори), будучи колонистами — сторонниками английской короны в тринадцати североамериканских колониях, называли патриотов, участников борьбы колоний за независимость. Несмотря на то что на политических карикатурах и патриотических плакатах его изображали как типичного американского революционера в треуголке и длинной военной форме, имя Джонатан ассоциировалось с жителями глубинки, занимавшимися сельским хозяйством. Это в полной мере соответствовало статусу США того периода, а бывшие колонисты, ставшие гражданами после 1776 г., гордились своей сельскохозяйственной демократией, возведя ее в достоинство. История происхождения этого образа неизвестна, однако его связывают с Джонатаном Трамбаллом (*Jonathan Trumbull*) — губернатором Коннектикута, сторонником независимости, имя которого каждый раз при столкновении с трудностями, согласно легенде, упоминал Джордж Вашингтон (*George Washington*), говоря: *“We must consult Brother Jonathan”* («Мы должны посоветоваться с братом Джонатаном»). Считается, что образ брата Джонатана, который пользовался популярностью у простых американцев с 1783 по 1815 г., был переходным между *“Yankee Doodle”* (Янки-Дудл) и *“Uncle Sam”* (дядей Сэмом), неким звеном, связавшим прошлое и будущее. Название «Янки» применялось к жителям Новой Англии в период с 1689 по 1775 г. Однако в годы Войны за независимость этим словом англичане обозначали солдат Континентальной армии, организованной и возглавленной Джорджем Вашингтоном (Bull-US, 1827).

В 1812 г. во время войны между Великобританией и США в период наполеоновских войн 1812—1815 гг., известной в англоязычном мире как “War of 1812”, в США было создано словосочетание “*Uncle Sam*” — «дядя Сэм», имеющее, согласно традиции, непосредственное отношение к мяснику Сэмюэлю Уилкинсу (*Samuel Wilson*), который поставлял провиант на нью-йоркскую военную базу, маркируя бочки с мясом буквами U.S., имея в виду Соединенные Штаты (*United States*), что позволило солдатам шутить о них как о «поставках от дяди Сэма» (*Uncle Sam*).

В 1813—1815 гг. «дядя Сэм» регулярно появлялся на страницах газет, а в 1816 г. — даже в книге. На смену одному образу «брата Джонатана», персонифицировавшему молодую республику, пришло два: мужской — «дядя Сэм» и женский — Колумбия (*Columbia*), которая пользовалась особой популярностью в политических мультфильмах и комиксах в 1920-х гг. Несмотря на то что еще в 1835 г. функции «брата Джонатана» и «дяди Сэма» были четко разделены — первый олицетворял всю страну, а второй — правительство и власть (*Morgan*, 1988, р. 81), — до 1850-х гг. эти образы были взаимозаменяемы и именем «дядя Сэм» все чаще стали называть образ, известный как «брат Джонатан». Путь к знакомому нам визуальному образу «дяди Сэма» — немолодому человеку с тонкими чертами лица, с тонкой бородкой, в цилиндре, раскрашенном в цвета американского флага, в синем фраке и полосатых панталонах (изобретение художника Томаса Наста), был также сложен. В 1860 г. его изобразили как Бенджамина Франклина (*Benjamin Franklin*).

Дядя Сэм получил особую известность во время Первой мировой войны, когда, обращаясь к каждому со знаменитого плаката, он помогал вербовать добровольцев для вступления в американскую армию, отправлявшуюся в Европу для участия в военных действиях. На раннем этапе формирования англоязычного пространства вербализованные образы-антропонимы и визуальные образы-персонификации создавали впечатление разрастающейся семьи. На одной из политических карикатур 1886 г. изображены родственники: миссис Британия (*Mrs. Britannia*), ее дочь мисс Канада (*Miss Canada*) и брат Джонатан (*Brother Jonathan*), который позже трансформировался в дядю Сэма (*Uncle Sam*). Данные автостереотипы положительны, это — «свои».

Англичане издавна отличались нетерпимостью к своим ближайшим соседям — шотландцам, дав им прозвище *Sandie/y* (Сэнди) или *Sawney* (Сони), означающее *простак*, *простофиля*. Такая метафоризация имени не вызывает сомнений в отрицательности данного стереотипа. Это была реакция англичан на короля Шотландии Якова VI. По воле судьбы, представшей в образе Елизаветы I, он стал королем Англии Яковом I, и из соображений политической конъюн-

ктуры образ *Sandie/y* или *Sawney* трансформировался в *Sawney Bean* (Сони Бин) и *Jock* (Джок). Отрицательный гетеростереотип Сони Бин олицетворял самые низменные человеческие качества, а Джок персонифицировал для англичан бравого шотландского солдата, для американцев — атлета. Оба образа существуют до сих пор.

Рассмотрим изменения гетеростереотипов восприятия темнокожих американцев их белыми соотечественниками в США. В XIX в. сформировались положительные стереотипы темнокожих слуг — Дяди Тома (*Uncle Tom*) — угодливого и преданного слуги, большого ребенка, неспособного жить самостоятельно, без опеки хозяев, и Мэмми (*the Mammy*, искаженный вариант *mother*) — доброй, пышной телой и простодушной няни в белоснежном фартуке. Словарь Merriam—Webster дает следующее определение для *Mammy*: “a black woman serving as a nurse to white children especially formerly in the southern United States” («чернокожая няня белых детей до отмены рабства в Южных штатах США»). Эти стереотипы просуществовали вплоть до Первой мировой войны, когда в США наблюдалась ностальгия по «старым добрым темнокожим» (*good old darkies*). Это ностальгическое чувство было с успехом использовано в области рекламы. В 1875 г. на коробках с мукой появляется Тетушка Салли (*Aunt Sally*) — одно из воплощений образа Мэмми. Чуть позже на банках кофе из Луизианы изображается Тетушка Дина (*Aunt Dinah*). Но самым ярким олицетворением Мэмми в рекламе остается Тетушка Джемайма (*Aunt Jemima*). Ее придумали Ч. Рутт (*Charles Rutt*) и Ч.Дж. Ундервуд (*Charles G. Underwood*) в рекламе особой блинной муки (Jewel, Sue, 1993). Авторы идеи воспользовались именем водевильного персонажа. Торговая марка “*Aunt Jemima*” стала неотъемлемой частью жизни США, что нашло свое отражение в языке в виде выражения: “*As American as apple pie, baseball and Aunt Jemima!*” («Типично американский, как яблочный пирог, бейсбол и тетушка Джемайма!»). Все вышеупомянутые гетеростереотипы носят положительные коннотации, хотя и с некоторым оттенком превосходства со стороны белого истеблишмента.

Но вместе с отменой рабства появляется образ нового темнокожего — Куна, «городского негра» (*Urban Coon*). В карикатурах он начинает изображаться как молодой щеголеватый и дерзкий горожанин, старательно подражающий белым, но при этом всячески презирующий их (*urban, flamboyant, and contemptuous of Whites*). Образ Куна — пример негативного гетеростереотипа. Со временем он станет олицетворять необразованных, ленивых и склонных к криминалу горожан с определенной расовой принадлежностью. В юмористических шоу публику заставляли смеяться над ленивыми и растягивающими слова темнокожими, делая их чаще других персонажами интермедий. Голливуд внес свою лепту в закрепление этого

образа. С вступлением в новую эпоху кинематографа и повышением роли пропаганды навязывать стереотипы стало гораздо легче. Они стали более прямолинейными, не допускающими каких-либо компромиссов. Персонификацией темнокожего стал актер С. Фетчит. Он изображал медлительного при ходьбе и в разговоре простофилю. Уровень его образования наглядно прослеживается во фразе: “*I ain’t askin you is you ain’t. I is askin you is you is*”, которая по-русски может быть передана так: «Мой не спрашивала твой нет, мой спрашивала твой да».

Движение за гражданские права сыграло существенную роль в ломке этих отрицательных гетеростереотипов, однако полностью преодолеть их не удастся. Чтобы сгладить напряженность, работа над изменением образа продолжается. В 1999 г. в фильме “*Star Wars: Episode I — The Phantom Menace*” («Звездные войны: Эпизод I — Скрытая угроза») возникает персонаж по имени *Jar Jar* (Джа-Джа), который является попыткой заменить образ Куна, создав новый, немного ироничный, но положительный стереотип.

Другой персонификацией стереотипа афроамериканца выступает Джим Кроу (*Jim Crow*). Такую кличку дали чернокожим гражданам американские расисты. Позднее значение этого слова метафоризировалось, расширившись до «расовая дискриминация, расизм вообще, но особенно по отношению к чернокожим» и «изоляция негров», а также «расистские мероприятия, направленные против негров». Сочетание “*Jim-Crow policy*” переводится как «политика дискриминации негров в США», а “*Jim-Crow laws*” — как «законы, ущемляющие права негров». Джим Кроу — один из практически полных синонимов ставшего теперь неполиткорректным слова “*Negro*”. В целом данный антропоним ассоциируется с политикой сегрегации. Отрицательные чувства, которые испытывали афроамериканцы при упоминании этого имени, привели к появлению еще одного значения: *ренегат, перебежчик*.

Следует отметить, что стереотипы складывались стихийно. Официально впервые исследованием расовых и этнических стереотипов в США занялись социологи. В 1933 г. Д. Кац (*Daniel Katz*) и К. Брали (*Kenneth Braley*) выявили вышеописанные типы. Приведенные примеры доказывают, что негативные гетеростереотипы вербализуются в этнофолизмах — экспрессивных коннотативно отрицательных этнонимах или этнических кличках (Roback, 1944), которые превращаются в мощное оружие, уничтожающее человека. Наиболее остро это проявилось в конце 1950-х гг. в США — плавильном котле разных рас, наций и народов, где негативные гетеростереотипы, выраженные в этнофолизмах, не позволяли иммигрантам влиться в американское общество. Это приводило к этнической дискриминации, заставляя иммигрантов держаться за свое землячество.

Психолингвистические пути разрешения этнических конфликтов

В современных условиях особое внимание в этнопсихологии уделяется изучению психологических причин этнических конфликтов, путей их разрешения. Содержание этнических стереотипов — один из индикаторов состояния межэтнических отношений. Развитие этнопсихолингвистики привело к осознанию того, что лингвокогнитивный план дискурса связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств и влияет на восприятие текстов участниками коммуникации. Это позволило перейти от сбора материала и теоретических исследований к процессу регулирования и если не снятия, то сглаживания психологических причин этнических конфликтов. Первой попыткой на этом пути в 1980—1990-х гг. было введение «кодексов речи» (*speech codes*), регулирующих речевое поведение студентов в 350 государственных университетах США.

Одним из последних усилий сгладить межэтнические и межконфессиональные противоречия в американском обществе является новый подход, предложенный в 2010 г. Робертом Путманом (*Robert J. Putman*) и Дэвидом Кемпбеллом (*David Campbell*) и выраженный «принципом тетюшки Сьюзен и друга Эла» (*the aunt Susan and my friend Al principle*). Созданный образ подразумевает наличие практически в каждой американской семье родственника или знакомого, исповедующего другую религию, что не мешает испытывать к нему теплые чувства, и призван олицетворять единство американцев как народа, состоящего из представителей разных национальностей, этнических групп и конфессий. Предприняты также шаги для формирования положительного образа «чужого», интерпретируя его как «не совсем чужого», «почти своего»: дальнего родственника, одноклассника или сослуживца, живущего на соседней улице, но являющегося таким же американцем.

Глобализация выносит на первый план необходимость коррекции существующих негативных этнических стереотипов повсеместно, что позволит «виктимизированным» слоям населения избавиться от чувства обиды, которое опасно тем, что в определенных условиях может привести к необратимым последствиям и даже спровоцировать дезинтеграцию страны.

Следует отметить, что степень толерантности одного народа в отношении другого прежде всего отражается в гетеростереотипах. Позитивные гетеростереотипы свидетельствуют о глубоких изменениях в ментальности народов. Исторически сложившиеся отрицательные гетеростереотипы можно и нужно изменить на позитивные, несмотря на то что это весьма сложный, но возможный путь.

Примером таких изменений может служить Россия, которая, занимая почти шестую часть земного шара, всегда «была страной

загадочной, непонятной еще в судьбе своей» (Бердяев, 1990, с. 174). Отброшенная в XII—XIII вв. за пределы европейской цивилизации, Россия породила у своих западных соседей мифы, которые послужили основой для выработанных веками гетеростереотипов, с незначительными модификациями существующих и поныне. Страх перед Россией до сих пор витает на Западе, порождая новые мифы и новые отрицательные гетеростереотипы. Однако в первое десятилетие после «холодной войны» резко отрицательный гетеростереотип, олицетворяющий Советский Союз, постепенно стал меняться на положительный, персонализирующий новую Россию благодаря усилиям политиков и лингвистов.

Поиск коннотативно нейтральных лексических средств номинации в этнонимике в современном языковом пространстве может создать психологически благоприятные условия для жизни и деятельности людей различных национальностей и конфессий и в некотором смысле решить проблемы, касающиеся межнациональных отношений в поликультурном пространстве. В этом процессе этнопсихолингвистика призвана сыграть решающую роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. [Berdyayev N.A. (1990). *Smysl istorii*. Moskva: Mysl]

Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М.: Libroком, 2009. [Weisgerber J.L. (2009). *Rodnoy yazik i formirovanie duha*. Moskva: Librokom]

Завьялова М.В. Этнические автостереотипы русских в странах Балтии. URL: <http://www.lib.tr200.net/v.phpid=88819&sp> [Zavyalova M.V. *Etnicheskiye avtostereotipi russkikh v stranah Baltii*. URL: <http://www.lib.tr200.net/v.phpid=88819&sp>]

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. [Krasnih V.V. (2002). *Etnopsiholingvistika i lingvokulturologiya*. Moskva: Gnozis]

Кузнецов И.М. Исследование символов в контексте национального самосознания (к постановке проблемы) // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. С. 25—36. [Kuznetsov I.M. (1994). *Issledovanie simvolov v kontekste natsionalnogo samosoznaniya (k postanovke problemi)*. Tsennosti i simvoli natsionalnogo samosoznaniya v usloviyah izmenyaushchegosya obshchestva / Отв. ред. Drobizheva L.M. Moskva: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoy Akademii Nauk, 25—36]

Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. Этнические стереотипы в современном языковом пространстве // Национальный психологический журнал. 2012. № 2 (8). С. 90—94. [Minyar-Beloroutcheva A.P., Pokrovskaya M.E. (2012). *Etnicheskiye stereotipi v sovremennom yazikovom prostranstve*. *Natsionalniy psyhologicheskiy zhurnal*, 2(8), 90—94]

Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 1990. [**Saussure F. de** (1990). *Zametki po obshchey lingvistike*. Moskva: Progress]

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. [**Stepanov Yu.S.** (1997). *Konstanti. Slovar' russkoy kulturi. Opit issledovaniya*. Moskva: Shkola "Yaziki russkoy kulturi"]

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: ИП РАН, 1999. [**Stefanenko T.G.** (1999). *Etnopsychologiya*. Moskva: Institut psichologii RAN]

Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. 1960. № 1. С. 169—183. [**Whorf B.L.** (1960). *Otnoshenie norm povedeniya i mishleniya k yaziku. Novoe v lingvistike, 1*, 169—183. Moskva: "Inostrannaya literatura"]

Шпет Г.Г. Психология социального бытия. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. [**Shpet G.G.** (1996). *Psichologiya sotsialnogo bita*. Moskva: Institut prakticheskoy psichologii; Voronezh: MODEK]

Штейнталь Г. Грамматика, логика и психология // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1960. Ч. 1. С. 127—135. [**Steinthal H.** (1960). *Grammatika, logika i psichologiya* // *Zvegintsev V.A. Istoriya yazikoznaniya XIX i XX vv. v ocherkah i izvlecheniyah*. Moskva: Prosveshchenie, 1, 127—135]

Bull-US, H. (1827). *The diverting history of John Bull and Brother Jonatan*. Philadelphia

Irving, W. "John Bull". *The Sketch Book of Geoffrey Crayon, Gent.* (1819—1820). URL: http://www.literatureproject.com/sketchbook/sketchbook_31.htm

Jewel, K. (1993). *Sue, From Mammy to Miss America and Beyond: Cultural images and the shaping of US social policy*. N.Y.

Lippmann, W. (1922). *Public opinion*. N.Y.

Morgan, W. (1988). *An American icon: Brother Jonathan and American identity*. Delaware: Univ. of Delaware Press

Moscovici, S. (1984). *The phenomenon of social representations*. Cambridge, MA

Roback, A.A. (1944). *A dictionary of international slurs, with a supplementary essay on international prejudice*. Cambridge, MA

Поступила в редакцию
28.04.12

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Е. Войскунский, А. С. Евдокименко, Н. Ю. Федунина

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В социальных сетях представлены «виртуальные» идентичности, нередко отличающиеся от «реальных» идентичностей (как они сложились в реальной жизни). Когда пользователь социальных сетей конструирует более одной идентичности, назовем их альтернативными. В эмпирическом исследовании использован кейс, предоставленный *Harvard Good Play Project*. На основании глубинных интервью с 42 испытуемыми (три группы: 15—17, 18—21 и 22—25 лет; в каждой группе поровну мужчин и женщин) изучены особенности конструирования и презентирования альтернативной идентичности в социальных сетях. Материалы интервью обработаны с помощью компьютерного контент-анализа, нарративного и дисперсионного анализа. Выявлены возрастные и половые различия в конструировании альтернативных идентичностей и в отношении к их содержательной стороне.

Ключевые слова: идентичность, альтернативная идентичность, социальная сеть.

Real-life identities may differ from “virtual” identities presented in social networks. Many social networkers construct diverse (more than one) virtual identities, which differ by numerous parameters. Two or more identities constructed by a social networker we call alternative identities. Empirical study is based on a case developed by the Harvard Good Play Project; semi-structured interviews were held with 42 participants (social networkers) in three age groups (15—17, 18—21, 22—25; equal number of females and males in each group). Computer content analysis, narrative analysis of the interview materials and variance analysis were done. Results refer to reasons for and attitudes towards construction of alternative identities; age and gender differences are analyzed.

Key words: identity, alternative identity, social networkers.

Войскунский Александр Евгеньевич — канд. психол. наук, ст. науч. сотр. кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* vae-msu@mail.ru

Евдокименко Александр Сергеевич — канд. психол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории психологии труда ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* evdokimenko_as@psy.msu.ru

Федунина Наталия Юрьевна — канд. психол. наук, доцент ф-та психологического консультирования МГППУ. *E-mail:* nataliafedunina@yahoo.com

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-06-00647).

Идентичность в реальности и в социальной сети

Проблематика проявлений идентичности в Интернете (в первую очередь в блогосфере и в социальных сетях) вызывает значительный интерес как у психологов, так и у культурологов, философов, антропологов, социологов.

Ряд исследователей говорят именно о самопрезентации (Гавриченко, Смолякова, 2008; Манеров и др., 2006; Шевченко, 2001; Шишкова, 2010; Шмелев и др., 2000), или самопредъявлении (Шкуратова, 2009) в рамках Я-концепции. В трудах других авторов наряду с самопрезентацией обсуждается и сетевая (или виртуальная) идентичность (Асмолов, Асмолов, 2010; Белинская, 2002; Войскунский, 2006; Жичкина, Белинская, 2000; Кузнецова, Чудова, 2008; Одинцова, Антонова, 2010). Основательную работу по изучению проявлений идентичности в Интернете выполняют зарубежные психологи (Фриндте, Келер, 2000; Joinson, 2003; Turkle, 1995). В частности, в недавних работах (Back et al., 2010; Gosling et al., 2011; The Oxford Handbook..., 2007) утверждается, что профили пользователей социальных сетей достаточно корректно отражают их реальную личность и «истинное Я», оцениваемые экспертами по отчетам о поведенческой активности пользователей и личностным тестам. После 10-минутного ознакомления с принадлежащей некоему человеку страницей в социальной сети специалисты по управлению персоналом могут представить оценку данного человека по тестам «Большой пятерки». Эта оценка позитивно и значимо ($p < 0.05$) коррелирует (минимальное значение 0.16 — открытость опыту, максимальное 0.28 — экстраверсия) с результатами этого человека по тем же тестам (Kluemper et al., 2012). Схожие с реальностью профили приносят пользователям не менее важное для них ощущение субъективного благополучия (за счет социальной поддержки со стороны «френдов»), чем профили, в которых подобраны лишь безусловно позитивные самохарактеристики (Kim, Lee, 2011).

Среди распространенных применений сервисов Интернета одними из наиболее интересных для психологического изучения могут быть названы разнообразные трансформации собственной идентичности, под которыми подразумевается как частичное изменение (скажем, сокрытие или отрицание фактов) сведений о себе, лежащих в основе самопрезентации, так и конструирование сетевой идентичности, по большинству параметров отличной от реальной — вплоть до выбора другого имени, пола, биографии, профессии и т.п., представления чужих, в том числе случайно выбранных фотографий. Презентация не существующих в реальности (фальшивых) персон, по сути, является ложью, однако пользователи социальных сетей склонны считать такую ложь позволительной. Вот некоторые данные на этот счет.

Результаты опроса 1600 респондентов, проведенного ВЦИОМ 5—6 февраля 2011 г. в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России (см.: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111364>), показали, что половина (51%) из них хотя бы однажды сообщали о себе неправду в социальных сетях и блогах. Чаще всего искажаются имя и возраст (по 29%), семейное положение (23%), внешность и хобби (по 22%); несколько реже — пол, музыкальные и художественные пристрастия (по 18%), сведения об уровне образования и месте обучения, путешествиях (по 17%), месте жительства, месте работы и должности, покупках и услугах (по 15%), профессии, сексуальных отношениях (по 14%), уровне доходов, национальности (по 13%); реже всего — сведения о политических (11%) и религиозных взглядах (10%). Пользоваться вымышленным именем скорее склонны мужчины (33%) и все те, кто моложе 35 лет (32—34%). Мужчины также чаще, чем женщины, говорят неправду о возрасте (33%) и семейном положении (29%). В работе М. Уитти (Whitty, 2002) сообщается, что мужчины чаще, чем женщины, говорят неправду при контактах в Интернете, и в первую очередь это касается их социально-экономического статуса и уровня образования; женщины склонны прибегать к обману в целях обеспечения собственной безопасности, т.е. чтобы их нельзя было «вычислить» в реальности (женщины до 21 года чаще, чем те, кто старше). Там же отмечается, что завсегда конкретные интернет-сервисов лгут заметно реже, чем новички и случайные посетители.

Наш собственный опыт работы в области психологии Интернета показывает, что сетевая (или виртуальная) идентичность, в разной степени корреспондирующая с реальной идентичностью, динамична и изменчива, она флуктуирует — чаще в сторону желательности и идеала (понимаемого иной раз своеобразно), но иногда и в сторону аггравации.

Данная статья посвящена характерному моменту, связанному с наличием у пользователей Интернета множественных (двух и более) сетевых идентичностей, которые мы предлагаем именовать *альтернативными*. Они сознательно конструируются многими пользователями Интернета и применяются как бы взаимодополнительно, с разными целями и часто (но не всегда) в разных ситуациях¹.

¹ Среди наиболее подходящих для этого интернет-сервисов могут быть названы социальные сети и блоги, популярные у молодежи (хотя ими пользуются и старшие группы населения), а также у организаций. Так, социальная сеть *Facebook* объединяет более полумиллиарда людей, на сегодняшний день представляющих собой наиболее массовую добровольную неполитическую и непрофессиональную группировку (еще недавно самая популярная в США сеть *MySpace* отошла на второй план). В нашей стране среди молодежи наиболее популярны сети «ВКонтакте» и «Одноклассники». Массовыми социальными сетями являются «Оркул» в Бразилии, «Байду» в Китае, в Европе и Северной Америке *LinkedIn* — профессиональная сеть поиска работы и связи с коллегами.

Цель, задачи, метод и процедура исследования

В силу немногочисленности имеющихся эмпирических данных о своеобразии феноменов *альтернативной идентичности* (АИ), их генеза, динамики и связей с внесетевой идентичностью мы попытались осуществить качественное исследование. Его **цель** — выявление и описание возрастных (в пределах молодежного возраста — 15—25 лет) и половых особенностей конструирования и презентирования АИ участниками социальных сетей, а также их отношения к этому феномену. **Задачи** исследования: 1) описать специфику контента АИ; 2) выявить реакции (в частности, когнитивные, эмоциональные и действенные) пользователей при столкновении с АИ; 3) проанализировать основные причины конструирования АИ.

Методика

Метод исследования включал проведение интервью и дальнейшую обработку его материалов. Использовался кейс «Дилемма идентичности», разработанный специалистами из Гарвардского университета во главе с Дж. Гарднером и предоставленный для работы по нашему запросу. Данный кейс создан и апробирован в рамках «Проекта Зеро» — составной части комплексного проекта «Хорошая игра» (*Good Play Project* — см.: James et al., 2009), который ведут исследователи Педагогического факультета Гарвардского университета, Исследовательского центра при Кларемонтском университете в Калифорнии и Центра изучения подростков Стэнфордского университета.

«Дилемма идентичности» описывает следующую ситуацию: респонденту предлагается представить себе, что он или она случайно сталкивается с неожиданной информацией в социальной сети: их хороший знакомый (назовем его или ее Сашей) сообщает о себе сведения, которые либо неверны (и респондент знает это наверняка), либо противоречат всему тому, что связывает Сашу и его/ее знакомого. При этом адрес знакомого в социальной сети — иной, нежели известный респонденту адрес; поскольку в социальных сетях многие имеют по несколько записей, то сам факт существования параллельной идентичности не вызывает удивления. Наряду с собственно дилеммой коллегами из Гарварда разработана схема структурированного интервью, которая также была применена в данном исследовании. Перспектива использования методического материала, разработанного в США, служит свидетельством того, что проблемная область изучения сетевой идентичности является по сути международной, а российские участники социальных сетей сталкиваются с ситуациями, знакомыми пользователям Интернета во всем мире.

Авторы благодарны О.В. Смысловой за перевод методики на русский язык.

Респонденты и процедура

В исследовании приняли участие 42 респондента: по 14 активных участников социальных сетей (большинство из них также блогеры) из трех возрастных групп — младшей (Млад-группа, 15—17 лет), средней (Сред-группа, 18—21 год) и старшей (Стар-группа, 22—25 лет). В каждой группе поровну (по 7 человек) представлены женщины и мужчины. Интервьюирование проводилось в индивидуальном порядке, продолжительность не ограничивалась (некоторые интервью занимали более полутора часов). На основе аудиозаписи составлялись печатные протоколы.

Результаты

При обработке данных был осуществлен компьютерный контент-анализ (программа Content Analyzer v0.52), разработан классификатор (около 200 пунктов) и расклассифицированы все содержательные элементы протоколов интервью, проведен качественный нарративный анализ. Результаты контент-анализа протоколов обрабатывались с помощью факторного и дисперсионного анализа (программный статистический пакет SPSS 19). Отрывки из протоколов далее приводятся без литературной редакции.

1. Характер контента в альтернативных идентичностях

Сам по себе факт наличия АИ не вызвал у респондентов удивления: все признали, что прямо или косвенно сталкивались с подобными ситуациями. Качественный анализ протоколов позволил выделить следующие классы параметров контента АИ, которые чаще всего назывались респондентами.

1) Необычное, не свойственное Саше поведение и самопроявление, неожиданные установки:

«Наверное, это какая-то сторона, с которой я не сталкивалась, про которую я ничего не знаю» (С., 20 лет); «Меня бы удивило, если бы у человека, которого я считала аполитичным, вдруг было бы написано НБП в интересах» (Х., 19); «Я долгое время знала одного человека, потом нашла его ВКонтакте, оказывается у него такое на страничке, это просто обалдеть» (М., 16); «Расстроило, если бы это противоречило... ну, допустим, если человек выглядит достаточно приличным или культурным, а выставляет, там, какие-то фотографии или комментарии, допустим, не очень корректного плана — что-то пошлое или что-то в этом духе. Когда человек изначально так общается, это понятно, я его уже таким воспринимаю» (А., 23); «Меня бы расстроило, например, если он принципиально не курит, а там фотографии с сигаретой» (М., 16).

2) Информация о физическом или психическом здоровье Саши:

«Если человек скрывает свое недомогание, значит он более-менее силен в этом плане, не хочет жалости к себе. Если это правда, то... может, чело-

век не хочет жалости, а пишет, что, может, кто-то поможет, дадут какие-то советы» (А., 23); «Суицидальные мысли — в 80—90% это все-таки эпатаж, пафос, который сейчас в принципе моден уже достаточно давно и до сих пор остается в силе, поэтому это серьезно не воспринимается» (Е., 25); «Когда узнаешь о физическом недуге, бесспорно, сложнее тебе с человеком общаться. Потому что ты чувствуешь чувство вины» (В., 20).

3) Разглашение личных сведений о других, негативная информация или клевета Саши в отношении друзей и знакомых:

«А серьезно может повлиять, если что-то личное пишут обо мне или близких. Я тогда просто сообщу человеку, что это очень некрасиво, и я не хочу, чтобы это висело в Интернете» (В., 20); «Возможно, первое, что приходит в голову, это какая-то информация обо мне — либо разглашение какой-то информации, которая была между нами, либо просто какие-то такие нелюбимые вещи обо мне» (Л., 17).

4) Агрессивное поведение Саши (напр., видеоролики с насилием, расистские комментарии, проявления ненависти):

«Если бы это было что-то шокирующее, я бы просто заблокировала, прекратила всякое отношение. Шокирующее — это жестокость, неприятные наклонности (педофилия, агрессия, склонность к насилию)» (Е., 25); «Мои знакомые могут на национальные темы неприятно высказываться — это меня коробит. Слишком черный юмор... не знаю даже. Я не представляю, что там такого может быть написано, чтобы мне с ним совершенно расхотелось общаться. Если что-то совершенно плохое, я вообще с этими людьми не буду общаться, если агрессия зашкаливает» (М., 25).

5) Ложь и фальсификация в отношении личной биографической информации (например, изменение возраста, пола, места жительства, ложная информация о состоянии здоровья, интимно-личностных отношениях, беременности, семье и пр.):

«Был случай, когда человек познакомился с девушкой, он был программистом, но это непопулярная специальность, и он поменял ее на журналистику» (В., 21); «Пол, возраст, образование — можно написать все, что угодно. Я могу написать, что я доктор наук, мне 47 лет и зовут меня Фридрих Незнанский — пожалуйста» (Р., 21).

6) Сексуальный контент:

«В ЖЖ у меня был френд гомосексуалист. И он такого полуэротического плана публиковал фотографии. И я просто перестала читать эти сообщения, читала другие его сообщения» (Е., 25); «Меня раздражает, когда девушки ставят аватарку с большой частью оголенности» (М., 25).

По выборке в целом параметр *неожиданное, несвойственное поведение и самопроявление* оказался наиболее распространенным (26%). Вторым по частоте встречаемости идет параметр *фальсификация личных данных* (21%). Интересно, что оба этих параметра, составившие вместе почти половину от общего массива параметров описания контента, отражают фактор неожиданности представленной информации. Остальные параметры распределились следующим

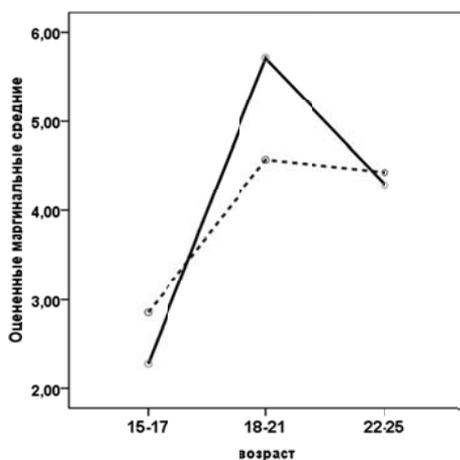

Рис. 1. Оцененные маргинальные средние для параметра «Необычное, несвойственное поведение и самопроявление». Условные обозначения: сплошная линия — женщины, штриховая — мужчины

образом: *сексуальный контент* (18%), *агрессивное поведение* (16%), *здоровье* (11%), *негативные отзывы* (8%).

В результате дисперсионного анализа установлено значимое влияние **возраста** на распределение данных по параметру *необычное, неожиданное поведение и самопроявление* в разных возрастных подгруппах ($F=5.812$, при уровне значимости 0.006). Респонденты Млад-группы упоминали его гораздо реже, чем представители более старших возрастных групп. Как видно на рис. 1 и как показали результаты множественных апостериорных сравнений (тест Шеффе), Млад-группа (вне зависимости от половой принадлежности) значимо отличается по данному параметру от Сред-группы ($p=0.008$) и на уровне тенденции ($p=0.083$) — от Стар-группы.

Именно необычное поведение, т.е. возможность быть другим и проявлять себя самыми разными способами, оказалось в центре представлений большинства респондентов об АИ. Возможность примерить разные идентичности в различающихся социальных контекстах респонденты оценивают и как *залог развития* (М., 20: «Человек в реальности — один человек. А в Интернете он может побыть матерым эгоистом, хамом, всех унижать, уничтожать ... он может быть кем угодно, то есть он может как-то вот развиваться»), и как *помеху в развитии* (С., 25: «Ощутить опыт быть другим. Это вообще фишка интернета. Я здесь такой и вот беру и делаю себя другим... Т.е. я нашел заглушку, которая позволяет мне не искать себя настоящего. Эрзац, который удовлетворяет у меня эту потребность, псевдодовлетворяет. Эта штука снизит потребность изменения себя.

Привычка жить на две, три, четыре жизни это не цельно, это меня разобьет»). Другие респонденты также отмечают особую природу и характеристики интернет-пространства, их влияние на формирование и поддержание АИ.

Респонденты всех возрастных групп вносят в осмысление АИ этическое измерение и отмечают внесоциальный контекст процесса опробования разных форм идентичности в Интернете:

«Сеть — это не социум. Там высокий процент недостоверной информации. Человек может открыто врать или открыто хамить. Там нет контакта, который есть при взаимодействии людей друг с другом. Можно быть кем угодно, и это не является социумом. В Сети ты сам выбираешь, а в жизни тебе выбирают. На нас есть ответственность, обязанности, а в Сети нет» (М., 20); «Социальные сети на самом деле отнюдь не социальные, потому что в обществе если люди общаются, то они встречаются, живут вместе. И если кто-то какую-то гадость сделает, то придется с этим жить. А в Интернете с этой анонимностью можно оп, зарегистрироваться — и я уже другой. А то — это был не я. Вот такие множества виртуальностей каких-то, то есть человек пытается скрываться за какой-то маской, и ничего социального в этом нет» (Н., 23); «У меня есть знакомый, если зайти на его страницу в ВКонтакте, создается впечатление, что это подонок, но у него ясно написано: ребята, это контакт, всем плевать кто вы и что вы, я здесь не я, а мой ник. Это стеб, а в жизни он гораздо более интересный человек. А там он использует свой ум, но в целях не очень праведных. Он кого-то осмеивает, но при этом, он не изменяет себе, поскольку он четко высказывает это в реальной жизни» (М., 17).

2. Реакция на альтернативную идентичность

На основе анализа протоколов интервью выделены *когнитивные, эмоциональные и действенные* реакции на АИ.

2.1. Когнитивные — ориентированные на познавательные функции: память, внимание, мышление и воображение, восприятие:

— *мнестическая установка* («вспомню, встречались ли подобные случаи ранее, сопоставлю с прошлой информацией»);

— *прогностическая установка* («учту на будущее, буду в дальнейшем обращать внимание на аналогичные явления»);

— *субъектно-ориентированная установка* («подумаю, как это связано с жизнью Саши и кто адресат, восприму как сигнал, что в его жизни что-то происходит, переосмыслю и внутренне расширю свое представление о человеке»);

— *оценка реалистичности и проверка информации* («насколько это игра или реальность, серьезность или несерьезность отношения к новой информации»).

В отношении *оценки реалистичности и проверки информации* дисперсионный анализ данных показал значимые результаты, связан-

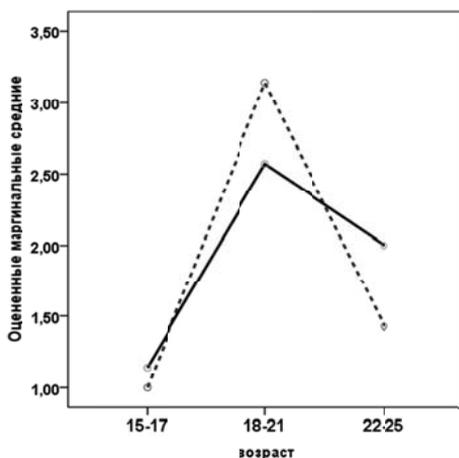

Рис. 2. Оцененные маргинальные средние для параметра «Проверка информации». Условные обозначения: сплошная линия — женщины, штриховая — мужчины

ные с **возрастом** респондентов ($F=3.35$ при уровне значимости 0.046; при этом критерий Ливиня составил 2.25 при значимости 0.07). Как видно на рис. 2, для Млад-группы характерны более высокие, чем для других возрастных групп, показатели по проверке информации, говорящей об АИ.

Интересно сопоставить эти данные с результатами компьютеризированного контент-анализа. Рассмотрим соотношение решительности и сомнения в речи респондентов на примере частотности слов «конечно» и «наверное». Женская выборка: в Млад-группе слово «конечно» занимает 23-ю, а «наверное» — 53-ю строку; в Сред-группе — соответственно 30-ю и 31-ю строки, а женщины Стар-группы наименее решительны в речи: слово «конечно» занимает у них 21-ю строку, а слово «наверное» — более высокоранговое, ибо занимает 10-ю строку. Следовательно, менее всего сомневаются и при этом вполне решительны женщины школьного возраста. Мужская выборка: в Млад-группе «конечно» занимает 15-ю строку; в группах Сред и Стар — 41-ю, а слово «наверное» отстоит довольно далеко: самая близкая его строка в мужской выборке — 78-я. Таким образом, судя по частотности слова «конечно», речь женщин и мужчин можно признать сравнительно мало различающейся по своей решительности, однако частотность слова «наверное» говорит о том, что женщины допускают значительно больше, чем мужчины, сомнений, причем более старшие женщины в большей степени, чем более молодые.

В отношении трех других видов когнитивных реакций наблюдается своеобразный паттерн, представленный на рис. 3, 4, 5.

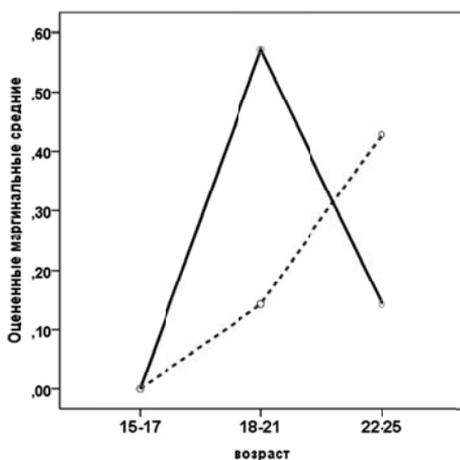

Рис. 3. Оцененные маргинальные средние для параметра «Мнестическая реакция». Условные обозначения: сплошная линия — женщины, штриховая — мужчины

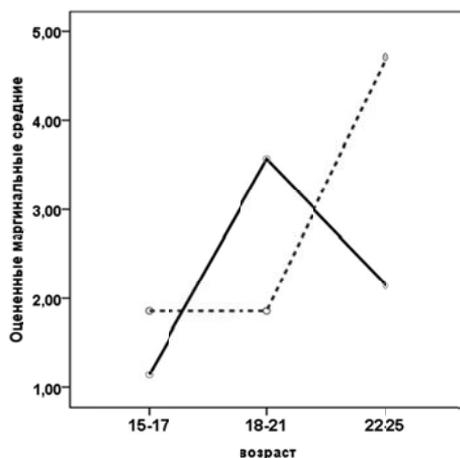

Рис. 4. Оцененные маргинальные средние для параметра «Субъектно-ориентированная реакция». Условные обозначения: сплошная линия — женщины, штриховая — мужчины

Мнестические и субъектно-ориентированные реакции обнаруживают отчасти сходный паттерн изменения в зависимости от возраста и пола: наиболее низкие показатели — в Млад-группе. У женщин Сред-группы наблюдается рост, а у женщин Стар-группы — падение показателей; в мужской выборке зафиксирован рост показателей, особенно резкий — в Стар-группе (см. рис. 3 и 4).

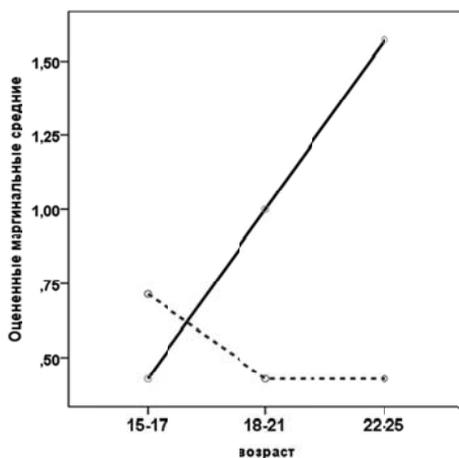

Рис. 5. Оцененные маргинальные средние для параметра «Прогностическая реакция». Условные обозначения: сплошная линия — женщины, штриховая — мужчины

Ориентация на *прогностический* тип реакций значительно возрастает у женщин с увеличением возраста. Именно у женщин Стар-группы чаще всего встречаются комментарии типа «учту на будущее» и «буду осторожнее» (О., 24: «Я не полезу никуда. При встрече, когда я с человеком буду встречаться, может, я буду поаккуратнее. Но это просто из чувства самосохранения»).

2.2. Эмоциональные реакции могут быть разделены на три группы: *позитивные* (радость, уважение, интерес), *нейтральные* (все равно, спокойно, нормально) и *негативные* (возмущение, обида, шок, отвращение).

Значимых различий между группами не выявлено. Тем не менее можно отметить на уровне тенденции большее количество эмоциональных оценок (как позитивных, так и негативных) у женщин всех возрастов, а также резкое снижение количества нейтральных оценок у мужчин Стар-группы (рис. 6).

2.3. Действенные реакции отражают готовность респондента действовать как в реальной жизни, так и в сети, либо обоснованный отказ от действия. Для этого типа реакций получены значимые результаты. Дисперсионный анализ показал, что **пол** респондентов значимо влияет на показатель «действенная реакция» ($F=5.744$ при уровне значимости 0.022; при этом критерий Ливиня составил 0.79 при значимости 0.564). Как видно на рис. 7, женщины на порядок превосходят мужчин по этому показателю, причем если в Млад-группе различия не столь заметны, то с увеличением возраста различия между женщинами и мужчинами в готовности действовать при столкновении с АИ становятся все более наглядными.

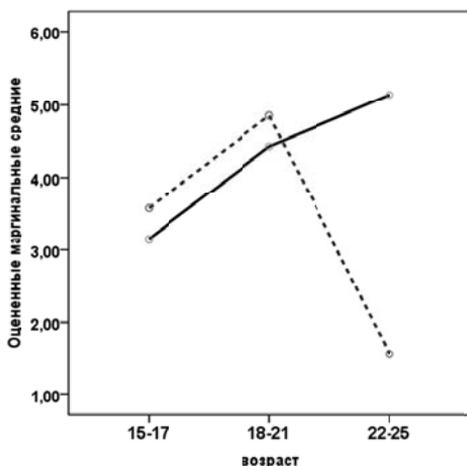

Рис. 6. Оцененные маргинальные средние для параметра «Нейтральная реакция». Условные обозначения: сплошная линия — женщины, штриховая — мужчины

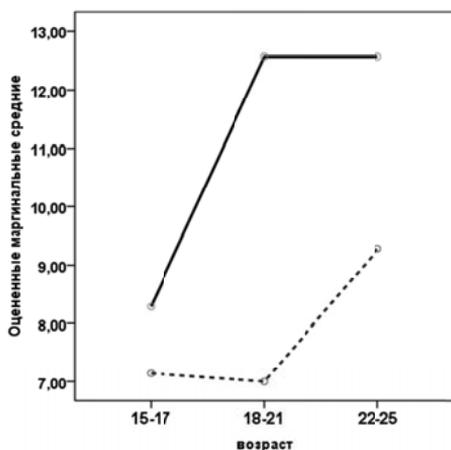

Рис. 7. Оцененные маргинальные средние для параметра «Действенная реакция». Условные обозначения: сплошная линия — женщины, штриховая — мужчины

Большинство респондентов связывают готовность к действию со степенью близости с обладателем АИ. Лишь некоторые говорят, что и в реальной жизни будут немедленно реагировать. Большинство же респондентов (особенно при условии не очень близкого знакомства и при отсутствии субъективно воспринимаемой срочности) предпочитает действовать посредством Интернета. Это может выражаться,

например, в намерении продолжать поиск в социальной сети и в других интернет-источниках и при этом не показывать, что знаешь об АИ (Х., 19: «Мне будет забавней с ней общаться, если я буду знать о ее втором профиле, ее вторую жизнь, а она не будет знать, что я это знаю»).

Объяснение существования альтернативного профиля

На вопрос о том, для чего нужна АИ, респонденты предлагали свои версии. Эти объяснения, или мотивы, соответствуют трем большим группам.

1. Различная аудитория и соответственно разные функции идентичностей:

«Как я сказал, про круг общения. В этом круге общения я не могу говорить об этом. Например, у этой девушки еще в ВКонтакте есть профиль. И там у нее куча друзей — все универские, однокурсники, школьные, более или менее знакомые — все там. А про ЖЖ она мне говорила никому не рассказывать» (Н., 23); «Я думаю, что это нужно зачем-то для общения в конкретной компании» (И., 22).

2. Эксперимент с собственным образом и социальной идентичностью, разные формы самовыражения:

«Взяла персонажа такого ироничного. В чем-то это способ посмеяться над собой. Когда сам над собой смеешься, смех других уже не страшен. Другой профиль — реальный. Отличается от первого тем, что там пишется о вещах, которые действительно происходят, а также реальным отношением. В реальной жизни я сначала отношусь по-своему, а потом вспоминаю, что так серьезно не стоит» (Д., 20); «У многих происходит открытие себя через Интернет. Кто-то пытается бороться именно в реальности, ну, не то чтобы бороться, реализовывать по-разному. Многие это делают с помощью Интернета. Получается поле для эксперимента. Ты можешь себя проявить, реализовать любым способом, можешь просто сыграть какую-то роль — интересно себя проявить так или так» (Е., 18); «Сама идея профиля — это возможность некоторой реализации. Это виртуальность и ты можешь быть кем хочешь, можешь написать что хочешь, и это очень заманчиво. Я бы подумала, что человек предпринимает какие-то действия, но не может в этом реализоваться. Может, человек хочет побольше ухватить как-то. Это что-то близко к идентичности... Я какое-то сформировала себе там лицо, социальную некоторую маску. Мне показалось возможным создать какой-то облик, попробовать увидеть себя со стороны. Это был эксперимент» (С., 20).

3. Шутка, игра, развлечение:

«В ВКонтакте у меня два профиля. Дело в том, что однажды мне нечем было заняться на работе, вокруг меня было 20 компьютеров и все с Интернетом. И там есть функция «семейное положение» (это модно ее менять). И я создала Л., по имени короля. Я написала “все сложно” или “помолвлен” — не помню. Специально выбрала со сложным названием. Это было действительно забавно, потому что одна знакомая моей знакомой

стала писать ему письма. Дело в том, что он был очень красив, и я поместила портрет» (К., 19).

Мотив *игры, развлечения, шутки* оказался наиболее распространенным и составил 37% ответов. Например:

«Наверное, такой тип общения нужен, чтобы не скатиться в депрессию, чтобы играть. В реальности мы постоянно играем не всегда те роли, которые нам хочется. В Интернете мы можем сыграть те роли, которые нам в реальной жизни не даны» (Е., 19); «Здесь не реально играешь, не выдерживаешь все жесты, мимические вещи. Это очень поверхностно. Скорее возможность сказать. У тебя всегда в голове много мыслей — бывает одного содержания, бывает другого. В Интернете есть возможность их выразить — я такой, я такой, а я еще и такой. Человек действительно может быть любим, в принципе. Но есть у него какие-то любимые роли» (Ж., 18).

Ненамного отстает от мотива игры мотив *прибегания к АИ из-за различий аудиторий и функций идентичностей* (36%). Причем этот мотив многие респонденты связывают с мотивом экспериментирования в плане опробования разных социальных идентичностей. Ведь в Интернете многократно расширяется выбор референтных групп и ролевых позиций, соответственно напрашивается, по мнению респондентов, использование самых разных альтернативных идентичностей:

«Когда я был подростком, да в принципе и сейчас, все эти движения — хиппи, панки и пр. — какой-то идет самопоиск, самоопределение, самореализация в чем-то. Везде посмотрел, попробовал, что-то свое взял. В Сети это делать проще и больше поле для всяких таких вот штук. Когда зашел в одно сообщество, там почитал, поизучал, пообщался, что-то для себя почерпнул. Потом перешел в другое сообщество, там себя попробовал. Все упирается в способность поднять и отфильтровать информацию» (М., 20).

Отметим интересное возрастное отличие: если наиболее юные респонденты объясняют существование АИ в первую очередь различиями между референтными группами, в принадлежности к которым они заинтересованы, то наиболее старшие респонденты связывают АИ скорее с их направленностью отдельно на круг друзей и отдельно на работодателей. Последний момент представляется им чрезвычайно существенным, и это справедливо, поскольку, как уже отмечалось, для специалистов по отбору и оценке персонала почерпнутая из социальных сетей информация о кандидате на трудоустройство или на повышение в должности является одним из немаловажных критериев для принятия соответствующих рекомендаций.

Наименее распространенным объяснением необходимости в АИ оказывается *мотив экспериментирования с собственным со-*

циальным образом и с различными формами самовыражения (27%). Сервисы Интернета предлагают достаточно комфортные условия для примерки разных социальных ролей и идентичностей. Такие эксперименты нельзя не признать важными для подросткового и юношеского возраста, когда происходит внутренняя работа, во многом определяющая, «каким я **хочу** быть» (Е., 18: «Ты можешь себя проявить, реализовать любым способом, можешь просто сыграть какую-то роль — интересно себя проявить так или так. По-разному, абсолютно разные черты изобразить — мужчины, женщины, я не знаю кем. Попробовать, какими бывают люди, каким из этих людей мне хочется стать. Какой образ для себя я хотел бы создать»).

В нашей выборке подобный мотив использования АИ оказался характерным для старшего подросткового и юношеского возраста. А именно мотив эксперимента с собственным социальным образом был назван респондентами Сред-группы значимо чаще, чем респондентами из двух других возрастных групп. Поскольку распределение в подгруппах отличалось от нормального, то был применен непараметрический критерий Краскала—Уоллеса (значение 7.33 при уровне значимости 0.026). Другие различия, связанные с объяснениями причин применения пользователями социальных сетей, АИ оказались незначимыми.

Выводы

АИ и соответственно различие вариантов самопрезентации и самопредъявления — одна из существенных для психологического анализа характеристик Интернета и, в частности, социальных сетей.

Наиболее распространенным оказался контент, связанный с необычным поведением и самопредъявлением человека. Вместе с изменениями биографических данных эти параметры составили примерно половину всего обсуждаемого массива возможного контента АИ.

Респонденты не склонны моментально реагировать на представленный в Интернете альтернативный контент. Возраст респондентов значимо влияет на показатель «проверка информации», а пол — на показатель готовности к «действиям в реальной жизни». Так, женщины более склонны к действиям в реальной жизни, чем мужчины, причем такая склонность усиливается с возрастом.

Основным объяснением использования АИ оказался не эксперимент с идентичностью и не различие аудиторий, а игра, развлечение и шутка. Это может говорить как о собственно игровой мотивации, так и об использовании респондентами игровой формы самопонижения и поиска своего образа.

Обращают на себя внимание относительно резкие различия по ряду параметров между членами трех возрастных групп молодежи. Различаются они не только календарным возрастом, но и возрастом доступа к наиболее современным сервисам Интернета, к числу которых принадлежат социальные сети, сетевые дневники, сайты для размещения фотографий и т.п. Так, у респондентов Стар-группы в период их подростковой социализации еще не было под рукой столь удобного инструмента игры с идентичностями, в том числе альтернативными, каким ныне пользуются респонденты Млад-группы. И потому если младшие могут относиться к собственным АИ как к доступной (и даже обязательной во многих подростковых сообществах) игре, то старшие чаще осознанно и прагматично конструируют свои идентичности, в особенности альтернативные, ибо время безудержной игровой стихии для многих из них уже позади; нельзя, впрочем, отрицать, что игровое начало может в отдельные моменты возобладать и у них. Респонденты Сред-группы, как и следовало ожидать, занимают по ряду параметров промежуточное положение. Возрастные аспекты применения сервисов Интернета требуют изучения на массовых выборках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асмолов А.Г., Асмолов Г.А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2010. № 1. С. 3—21. [*Asmolov A.G., Asmolov G.A.* (2010). Ot Mi-media k Ya-media: transformatsii identichnosti v virtualnom mire. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1, 3—21]

Белинская Е.П. Человек в информационном мире. Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 203—220. [*Belinskaya E.P.* (2002). *Tchelovek v informatsionnom mire. Sotsialnaya psikhologiya v sovremennom mire* / Pod red. G.M. Andreevoi, A.I. Dontsova. Moskva: Aspekt Press, 203—220]

Войскунский А.Е. Исследования в области психологии компьютеризации: история и актуальное состояние // Национальный психологический журнал. 2006. Ноябрь. С. 58—62. [*Voiskunsky A.E.* (2006). *Issledovaniya v oblasti psikhologii kompyuterizatsii: istoriya i aktualnoe sostoyanie. Natsionalniy psikhologicheskii zhurnal, Noyabr*, 58—62]

Гавриченко О.В., Смолякова Т.В. Особенности саморепрезентации в Интернет-дневниках подростков и молодежи. Психологические исследования: электронный научный журнал. 2008. № 1(1). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.10.2010). [*Gavrichenko O.V., Smolyakova T.V.* (2008). *Osobennosti samoreprezentatsii v Internet-dnevnikah podrostkov i molodezhi. Psikhologicheskie issledovaniya: elektronny nauchny zhurnal*, 1 (1). URL: <http://psystudy.ru> (data obrascheniya: 14.10.2010)]

Жичкина А.Е., Белинская Е.П. Самопрезентация в виртуальной реальности и особенности идентичности подростка-пользователя Интернета. Образование и информационная культура. Социологические аспекты / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2000. С. 431—460. [Zhichkina A.E., Belinskaya E.P. (2000). Samoprezentatsiya v virtualnoi realnosti I osobennosti identichnosti podrostka-polzovatelya Interneta. Obrazovanie i informatsionnaya kultura. Sotsiologicheskie aspekty / Pod rep. V.S. Sobkina. Moskva: Tsentr sotsiologii obrazovaniya, 431—460]

Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Психология жителей Интернета. М.: УРСС, 2008. [Kuznetsova Yu.M., Tchudova N.V. (2008). Psychologiya zhitelei Interneta. Moskva: URSS]

Манеров В.Х., Королева Н.Н., Богдановская И.М., Проект Ю.Л. Мир-образование и личностные феномены Интернет-коммуникации. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. [Manerov V.H., Korolev N.N., Bogdanovskaya I.M., Proekt Yu.L. (2006) Miroobrazovanie i lichnostnye fenomeny Internet-kommunikatsii. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo RGPU imeni A.I. Gertsena]

Одинцова М.С., Антонова Н.В. Особенности идентичности людей, активно общающихся в сети Интернет // Журнал практического психолога. 2010. № 4. С. 37—58. [Odintsova M.S., Antonova N.V. (2010) Osobennosti identichnosti lyudei, aktivno obchayushihsy v seti Internet. Zhurnal prakticheskogo psykologa, 4, 37—58]

Фриндте В., Келер Т. Публичное конструирование «Я» в опосредствованном компьютером общении. Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 40—54. [Frindte V., Keler T. (2000). Publichnoe konstruirovaniye "Ya" v oposredstvovannom kompyuternom obschenii. Gumanitarnye issledovaniya v Internete / Pod red. A.E. Voiskunskogo. Moskva: Mzhaisk-Terre, 40—54]

Шевченко И.С. Факторы динамичности самопрезентаций участников Интернет-общения. Социальные и психологические последствия применения информационных технологий: Мат-лы международной Интернет-конференции / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 85—93. [Shevchenko I.S. (2001). Faktory dinamichnosti samoprezentatsii uchastnikov Internet-obscheniya. Sotsialnye i psykologicheskie posledstviya primeneniya informatsionnyh tehnologii: Materialy mezhdunarodnoi Internet-konferentsii / Pod red. A.E. Voiskunskogo. Moskva: Moskovskii obschestvenny nauchny fond, 85—93]

Шишкова А.Р. Самопрезентация пользователей социальных сетей WEB 2.0 // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 4 (04). С. 221—225. [Shishkova A.R. (2010). Samoprezentatsiya polzovatelye sotsialnyh setei WEB 2.0. Sovremennye issledovaniya sotsialnyh problem, 4 (04), 221—225]

Шкуратова И.П. Самопроявление личности в общении. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. [Shkuratova I.P. (2009). Samopredjavlenie lichnosti v obschenii. Rostov-na-Donu: Izdatelstvo YuFU]

Шмелев А.Г., Рыхлевская Е.И., Ларионов А.Г. Психологические аспекты самопрезентации пользователей Интернета: Тез. 2-й Росс. конф. по экологической психологии (Москва, 12—14 апреля 2000 г.). М., 2000. С. 270—271. [Shmelev A.G.,

Ryhlevsky E.I., Larionov A.G. (2000). Psychologicheskie aspekty samoprezentatsii polzovatelei Interneta. Tezisy 2-i Ross. konf. po ekologicheskoi psikhologii (Moskva, 12—14 aprelya 2000), 270—271]

Back, M.D., Stopfer, J.M., Vazire, S., Gaddis, S., Schmukle, S.C., Egloff, B. & Gosling, S.D. (2010). Facebook profiles reflect actual personality not self-idealization. *Psychological Science*, 21, 372—374

Gosling, S.D., Augustine, A.A., Vazire, S., Holtzman N., Gaddis S. (2011). Manifestations of personality in online social networks: self-reported Facebook-related behaviors and observable profile information. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 14, 9, 483—488

James, C., Flores, A., Francis, J.M., Pettingill L., Rundle M., Gardner H. (2009). Young people, ethics, and the new digital media. Cambridge, MA: The MIT Press

Joinson, A. (2003) Understanding the psychology of Internet behaviour: Virtual worlds, real lives. Houndmills, UK; N.Y.: Palgrave Macmillan

Kim, J., Lee, J.-E.R. (2011). The Facebook Paths to Happiness: Effects of the Number of Facebook Friends and Self-Presentation on Subjective Well-Being. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 14, 6, 359—364

Kluemper, D.H., Rosen, P.A., Mossholder, K.W. (2012). Social Networking Websites, Personality Ratings, and the Organizational Context: More Than Meets the Eye? *Journal of Applied Social Psychology*, 42, 5, 1143—1172

The Oxford Handbook of Internet Psychology. (2007). Ed. by A. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, U.-D. Reips. Oxford University Press

Turkle, Sh. (1995). Life on the screen: Identity in the age of the Internet. N.Y.: A Touchstone Book

Whitty, M.T. (2002). Liar, liar! An examination of how open, supportive and honest people are in chat rooms. *Computers in Human Behavior*, 18, 343—352

Поступила в редакцию
25.10.12

А. Х. Фам, Д. А. Леонтьев

СУБЪЕКТИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ВЫБОРА В СИТУАЦИЯХ РАЗНОГО УРОВНЯ ЗНАЧИМОСТИ (Часть 1)

В статье представлено исследование процесса выбора и параметров его субъективного конструирования в реальных ситуациях разного уровня значимости. Проводится сравнение качественных и количественных особенностей ситуаций «судьбоносного» (С) и «повседневного» (П) выбора. В каждой из ситуаций выявляется связь качественных параметров деятельности выбора с устойчивыми особенностями личности. Предпринимается попытка выделения различных типов деятельности выбора в данных ситуациях. Результаты, полученные на выборке из 74 студентов (55 женщин и 19 мужчин) в возрасте 17—25 лет (ср. знач.=18.7 года, ст. отклон.=1.09) с использованием 3 основных (авторских) и 8 вспомогательных методик, позволяют сделать вывод о принципиальных качественных и количественных различиях между ситуациями С и П.

Ключевые слова: выбор, конструирование выбора, самоопределение, субъектность, спонтанность, личностные переменные.

The paper presents a study of choice process and parameters of its subjective construction in real life situations of different scale of importance. Qualitative and quantitative features of “fateful” (F) and “everyday” (E) choice situations were compared, in each situation the connection was found between qualitative parameters of choice activity with stable personality variables, an attempt was made to allocate different types of choice activity in these situations. The results obtained on a sample of 74 students (55 females and 18 males) of age 17—25 (median age = 18.7; SD = 1.09) with the use of 3 basic and 8 additional questionnaires allowed to make a conclusion about the essential qualitative and quantitative differences between situations of F and E choice.

Key words: choice, construction of choice, self-orientation, agency, spontaneity, personality variables.

Фам Анна Хунговна — аспирант кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, науч. сотр. лаборатории позитивной психологии и качества жизни НИУ ВШЭ. *E-mail:* anna.fam@gmail.com

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — докт. психол. наук, профессор кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, зав. лабораторией позитивной психологии и качества жизни НИУ ВШЭ. *E-mail:* dleon@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-36-01050).

Данная работа является продолжением серии исследований, посвященных изучению процесса выбора в экологически валидных жизненных ситуациях. В предыдущих публикациях было показано, что выбор представляет собой внутреннюю деятельность, которая может принимать развернутую или свернутую форму и включает в себя специфические операции, а также может быть объектом обучения (Леонтьев, Пилипко, 1995; Леонтьев, Шелобанова, 2001); разработан и описан методический инструмент диагностики субъективного качества выбора — опросник СКВ; выделены инвариантная структура параметров СКВ (Леонтьев и др., 2007) и целостные типы деятельности выбора, различающиеся по своей структуре (Леонтьев, Мандрикова, 2005; Леонтьев, Фам, 2011), обосновано понятие готовности к выбору, связанное с общим уровнем развития его личностных предпосылок (Леонтьев и др., 2011); выявлены статистически значимые различия в личностных особенностях испытуемых, предпочитающих тот или иной тип выбора (Леонтьев, Фам, 2011).

В ходе настоящего исследования мы предприняли попытку дифференцировать жизненные выборы по уровням значимости на так называемые «судьбоносный» (С) и «повседневный» (П), задавая субъективный уровень выбора в качестве независимой переменной. Отталкиваясь от понимания выбора как внутренней деятельности самоопределения, степень сложности и развернутости которой может меняться (Леонтьев, Пилипко, 1995), мы предположили, что выборы, совершенные в ситуациях разного уровня значимости, будут различаться по ряду качественных и количественных показателей. Задавая два крайних уровня значимости, а не тип самой ситуации (конкретное содержание выбора), мы исходили из того, что субъективное восприятие ситуации как более или менее значимой может различаться у разных людей. Оно зависит от индивидуальных особенностей деятельности выбора, личностных переменных и общего жизненного контекста, в который тот или иной выбор включен.

Задачи, методы и организация исследования¹

Цель исследования — изучение процесса выбора в экологически валидных жизненных ситуациях различного уровня значимости. *Объект анализа* — процесс выбора; *предмет* — деятельность выбора и субъективное конструирование выбора в описанных ситуациях. Под субъективным конструированием выбора мы понимаем единство

¹ Авторы выражают большую признательность Ю.А. Абрамовой, Н.Г. Большаковой, А.Ю. Вырве, В.В. Горлову, А.А. Лебедевой, Е.Ю. Мандриковой и М.А. Савиной за помощь в сборе и первичной обработке данных.

когнитивной репрезентации совершаемого выбора, эмоционального отношения к нему и внутренней позиции, проявляющейся в степени осознанности и активности отношения субъекта к совершаемому выбору.

Задачи исследования:

а) сравнить качественные и количественные особенности ситуаций выбора двух уровней значимости;

б) выявить связь качественных параметров деятельности выбора в ситуациях двух уровней значимости с устойчивыми особенностями личности;

в) выделить различные типы деятельности выбора в данных ситуациях;

г) выявить связь типов деятельности выбора с личностными особенностями.

Выборка. Данное исследование было проведено на 74 студентах (55 женщин и 19 мужчин) 2-го курса факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (очная форма обучения) в возрасте 17—25 лет (ср. знач. = 18.7 года, ст. отклон. = 1.09; один человек не указал свой возраст). Количество пропусков при заполнении анкет и опросников оказалось крайне незначительным.

Исследование состояло из двух этапов, проведенных с интервалом в несколько недель. Все респонденты (за исключением двоих) приняли участие в обоих этапах исследования.

Методики

Всю батарею методик, использованных нами в данном исследовании, можно условно разделить на инструменты *основного* и *вспомогательного* ряда. В основной ряд вошел блок авторских методик для изучения процесса выбора (он был предложен испытуемым в начале второго этапа исследования), а во вспомогательный — различные личностные опросники (первый и конец второго этапа).

I. Основные методики

Испытуемым предлагалось последовательно вспомнить и проанализировать две разноуровневые ситуации выбора из своей жизни:

Инструкция к ситуации **П**: «Пожалуйста, вспомните какую-нибудь *малозначимую, заурядную* ситуацию из Вашей жизни, когда Вам было нужно выбрать что-либо, причем этот выбор не имел особенно заметных последствий»;

Инструкция к ситуации **С**: «Теперь постарайтесь, пожалуйста, вспомнить ситуацию, когда Вам предстояло совершить выбор, от которого в Вашей жизни *зависело очень многое*».

Методики для описания ситуаций обоих типов были заполнены большинством испытуемых (71 человек).

1. Мы просили участников вначале назвать, а затем описать выбранную ситуацию. Для проверки влияния типа инструкции на содержание ответов одной части респондентов (39 чел., выбранных случайным образом) предлагалось дать свободное описание («Пожалуйста, опишите эту ситуацию своими словами, не выходя за пределы заданного объема»); другой части респондентов (39 чел.) предлагалось заполнить структурированную анкету (вопросы касались имевшихся у человека альтернатив, сделанного выбора, длительности процесса принятия решения, аргументов в пользу выбранной альтернативы, мыслей во время и после принятия решения, оценки совершенного выбора задним числом).

2. Для анализа характеристик деятельности выбора в обеих ситуациях использовался авторский **опросник «Субъективное качество выбора»** (СКВ) (Леонтьев и др., 2007). Данная методика, построенная по типу семантического дифференциала Ч. Осгуда, состоит из 16 шкал (биполярных дескрипторов) с 7 градациями между полюсами. Задача испытуемого заключается в ретроспективной оценке по предложенным шкалам *процесса* выбора в какой-либо конкретной жизненной ситуации (11 шкал) и его *результата* — принятого решения (5 шкал). Качественный анализ факторной структуры СКВ, проведенный нами в предыдущих исследованиях (там же), позволил выделить 3 инвариантных параметра описания процесса выбора (доля объясняемой фактором дисперсии находится в пределах 45—55%) и 1 параметр описания его результата (объяснение 37—40% дисперсии). Содержательно факторы интерпретируются следующим образом:

— *основательность выбора* (обдуманый, добросовестный, ответственный выбор, выбор как деятельность — спонтанный выбор, выбор как реакция);

— *бесконфликтность выбора* (эмоционально положительное/амбивалентное отношение к выбору). В данном исследовании различий по этому параметру между С и П (*Wilcoxon Signed Ranks Test, WSRT*) выявлено не было, потому мы не будем останавливаться на нем при описании результатов;

— *самостоятельность выбора* (автономный/вынужденный выбор);

— *удовлетворенность выбором* (принятие сделанного выбора/сомнение в выборе).

3. По каждой из ситуаций выбора далее предлагалась **анкета «Паспорт выбора»**, содержащая вопросы о временной удаленности ситуации от момента исследования, ее эмоциональной нагруженности, влиянии на текущую жизнь и др.

II. Вспомогательные методики

1. С целью измерения базовой мотивации использовался **Тест мотивационных ориентаций (ТОМ)** (Борджони и др., 2010) в авторизованной адаптации К. Рахубовской. Этот тест разработан на основе теории потребностей Мак-Клелланда (McClelland, 1985) и теории Берлайна (Berlyne, 1966). 70 утверждений, входящих в ТОМ, оцениваются по 7-балльной шкале. Они сгруппированы в 4 субшкалы: *ориентация на достижение* (т.е. на выполнение трудной и ответственной деятельности, позволяющей максимально проявить свой потенциал), *ориентация на новизну* (на незнакомые ситуации, новые дела и события), *ориентация на лидерство* (на руководство людьми и принятие решений за других) и *ориентация на отношения* (на сотрудничество, работу в группе с коллегами-друзьями). Отдельно выделена шкала *социальной желательности*.

2. Для изучения уровня личностной автономии использовался **Русскоязычный опросник каузальных ориентаций (РОКО-26)**, являющийся адаптированной версией опросника «Шкала общей каузальной ориентации» (*The General Causality Orientation Scale*) Э. Деси и Р. Райана (Deci, Ryan, 1985). Адаптация произведена Д.А. Леонтьевым и О.Е. Дергачевой (Дергачева и др., 2008). Данная версия опросника включает описания 26 ситуаций и трех возможных способов поведения в ней; задача испытуемого — оценить степень вероятности для него каждого из способов реакции с помощью 7-балльной шкалы. Три субшкалы методики соответствуют трем стратегиям принятия решений: *автономной* (осозанный и самостоятельный выбор), *контролируемой* (опора на мнение других) и *безличной* (немотивированность, импульсивность, равнодушие).

3. С целью обобщенной оценки индивидуального уровня развития волевой регуляции использовался **Опросник волевого самоконтроля (ВСК)** А.Г. Зверкова и Е.В. Эйдмана (1990). Методика содержит 30 пунктов, из которых 24 рабочих и 6 маскировочных (дихотомическая шкала ответов). В состав опросника входят две субшкалы: *настойчивость* (доступный сознательной мобилизации энергетический потенциал завершения действия) и *самообладание* (уровень произвольного контроля эмоциональных реакций и состояний).

4. Для диагностики индивидуальных различий рациональности и готовности к риску использовался **Опросник «Личностные факторы решений» (ЛФР-21)** (Корнилова, 2003). Данная версия опросника содержит 21 утверждение, которое предлагается оценить по 3-балльной шкале. Методика состоит из двух субшкал: *готовность к риску* (готовность принимать решения и действовать в условиях неопределенности) и *рациональность* (направленность на сбор информации для возможно более тщательной информационной подготовки решений и действий).

5. Для оценки продуктивных и деструктивных когнитивных стратегий в процессе регуляции аффективных переживаний использовалась русскоязычная версия **Опросника когнитивной регуляции эмоций (ОКРЭ)** (Расказова и др., 2011). Опросник состоит из 36 утверждений — по 4 пункта на

каждую из 9 шкал: *самообвинение* (мысли, в которых человек винит себя за случившееся), *принятие* (мысли о принятии того, что случилось), *руминации* (постоянные размышления о мыслях и чувствах, связанных с пережитой трудной ситуацией), *позитивная перефокусировка* (отвлечение на мысли о других, более приятных событиях и ситуациях вместо размышлений о пережитых затруднениях), *фокусирование на планировании* (размышления о том, какие следующие шаги лучше предпринять по отношению к случившемуся), *позитивная переоценка* (поиск положительного смысла в произошедшем событии), *рассмотрение в перспективе* (снижение исключительной значимости события за счет его сравнения с другими ситуациями), *катастрофизация* (мысли о глобальных размерах произошедшего события и его отрицательных последствиях) и *обвинение других* (перекалывание вины за пережитое человеком событие на окружающих).

6. Для измерения толерантности к неопределенности (т.е. сложности, неразрешимости, новизне) использовалась **Шкала общей толерантности к неопределенности (ШОТН)** — опросник “*Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance-I*” (*MSTAT-I*) Д. Маклейна в адаптации Е.Г. Луковицкой (1998). Опросник содержит 22 утверждения, по каждому из которых респонденту предлагается выразить свое согласие/несогласие, используя 7 градаций ответов (1—7). С помощью кластерного анализа (Осин, 2010) в опроснике были выделены 5 субшкал: отношение к новизне, отношение к сложным задачам, отношение к неопределенным ситуациям, предпочтение неопределенности и толерантность/избегание неопределенности.

7. Для оценки степени удовлетворенности человека собственной жизнью использовалась **Шкала удовлетворенностью жизнью** (*Satisfaction With Life Scale, SWLS*) Э. Динера с соавт. (Diener et al., 1985) в адаптации Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева. Данный одномерный опросник состоит из 5 утверждений, каждое из которых респонденту предлагается оценить с помощью 7-балльной шкалы. Эта методика никак не проявила себя в данном исследовании; удовлетворенность жизнью оказалась, по сути, ортогональна значимым параметрам выбора.

8. Для изучения смысложизненных ориентаций личности и осмысленности отдельных аспектов жизни применялся **Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)** (Леонтьев, 2000). Он представляет собой модификацию теста «Цель в жизни» (*Purpose-in-Life Test, PIL*), предложенную в 1964 г. Дж. Крамбо и Л. Махоликом. Методика содержит 20 симметричных вопросов и кроме общего показателя осмысленности жизни включает 5 субшкал: *цели в жизни* (цели в будущем, придающие жизни осмысленность, направленность и временную перспективу), *процесс жизни* (степень восприятия жизни и происходящих в ней событий как интересных и эмоционально насыщенных), *результативность жизни* (оценка пройденного жизненного отрезка), а также *локус контроля* — Я (степень веры в свои силы, оценки себя как сильной личности, обладающей свободой выбора) и *локус контроля* — жизнь (степень уверенности в подконтрольности, управляемости жизни, возможности человека повлиять на нее).

При обработке результатов исследования проводился качественный и количественный анализ данных. Качественной обработке (см.: Бусыгина, 2009) подвергались ответы на открытые вопросы авторских методик (название и описание ситуации), а количественной — данные опросника СКВ, анкеты «Паспорт выбора», а также всех личностных опросников. Компьютерный анализ данных осуществлялся с помощью статистического пакета SPSS (Наследов, 2007).

Сравнение качественных и количественных особенностей ситуаций выбора двух уровней значимости

В результате сравнительного анализа описаний ситуаций двух уровней были обнаружены значительные качественные и количественные различия по нижеперечисленным параметрам.

Содержание выбора и общий контекст ситуации

1. *Типы ситуаций*: описанные испытуемыми ситуации **С** преимущественно относятся к сферам профессионального самоопределения (62%), собственного здоровья (4%), значимых межличностных отношений (4%), тогда как ситуации **П** касаются потребительского поведения (27%), ситуативно обусловленного выбора еды (15.5%), времяпрепровождения (18%), способа передвижения (8.5%) и др. Более того, в понимании **П** был обнаружен больший индивидуальный разброс: указывались такие разноплановые ситуации, как «в какую дверь вагона метро войти» и «брать или не брать щенка с улицы», «выбор между друзьями» или «выбор кафедры».

2. *Оценки длительности выбора* (вопрос структурированной анкеты и материалы свободного описания): при описании **С** диапазон времени оказался довольно широким (от «несколько» до «2 года»); при описании **П** наблюдалось большее сходство в ответах испытуемых, а время, необходимое для принятия решения, не превысило одной недели. В последнем случае свернутость процессов выбора во времени можно объяснить легкостью, незначительностью и ситуативностью выбора; кажущаяся же парадоксальность ситуации, при которой совершение сложного и ответственного **С** происходит мгновенно, может быть объяснена, на наш взгляд, как абберациями автобиографической памяти (Нуркова, 2000), так и, возможно, «последпроизвольным» характером самого выбора (Леонтьев, в печати). Если **С** отражен как сукцессивный, многоступенчатый процесс (в рассказ включаются как описание всего событийного контекста этого периода времени, так и предыстория выбора и размышления о его последствиях), то **П**, напротив, зачастую представлен как симультантный: альтернативы возникают в рассказе одномоментно, присутствует ориентация на настоящее, долгосрочная временная перспектива отсутствует.

3. *Временная локализация выбора* (вопрос анкеты «Паспорт выбора»): сопоставление результатов ответов в ситуациях С и П (*WSRT*, $p=0.000$, $Z=-6.602$) показало, что в качестве С, как правило, фигурировала ситуация из прошлого (наиболее частые ответы: «в этом году», «больше года назад»), тогда как в качестве П — актуальная ситуация («сегодня», «на этой неделе», «в этом месяце»).

Основательность выбора

1. *Аргументы в пользу выбранной альтернативы* (свободное описание): при описании С аргументы были указаны в 51.3% случаев, и основные дилеммы сводились к следующему: неизменность/неизвестность (37%), собственное желание/желание окружающих (21%), выбор между несколькими разноплановыми интересами (16%). При описании П аргументы были упомянуты в 34% протоколов; выделить общие дилеммы не удалось. Среди частных параметров сравнения альтернатив можно назвать физический и психологический комфорт/пунктуальность, практичность/яркость, качество/стоимость; в качестве аргументов зачастую выступали ситуативные факторы (настроение, усталость).

2. *Размышления в процессе выбора* (свободное описание): при описании С прямые указания на размышления в процессе выбора были отмечены в 22% протоколов (8 чел.); в П подобные указания отсутствовали.

3. *Основательность выбора* (шкала опросника СКВ): сопоставление баллов в ситуациях С и П (*WSRT*) показало, что С является более обдуманным и ответственным, чем П ($p=0.000$, $Z=-4.720$).

Эмоциональное отношение к процессу выбора

1. *Количество эмоций в процессе выбора* (свободное описание и вопрос анкеты ПВ): эмоционально окрашенные характеристики процесса выбора присутствовали в 81% свободных описаний С и в 42% П. Сопоставление баллов по шкале «Эмоциональная нагруженность ситуации выбора» анкеты «Паспорт выбора» (*WSRT*) также показало, что количество эмоций в С значительно выше, чем в П ($p=0.000$, $Z=-6.024$).

2. *Качество эмоций* (свободное описание): выборы обоих уровней сопровождались, пусть и в разных пропорциях, такими эмоциями, как сомнение, ощущение тяжести и мучительности выбора, замешательство, смятение (С — 47%; П — 36%), интерес к одной или нескольким альтернативам (33%; 7%), уверенность (10%; 7%). Кроме того, в С присутствовали тревога и страх (10%), что может быть объяснено большей значимостью и неопределенностью данного выбора, а в П — безразличие, равнодушие (36%), а также удовольствие и наслаждение (14%), вызванные легкостью и «формальностью» самой ситуации выбора этого типа.

Самостоятельность выбора

1. *Стратегии выбора* (свободное описание): указания на стратегии выбора (внешние и внутренние средства, включенные в его операциональную структуру) встретились в 30% описаний С и лишь в 18% описаний П. В последнем случае описания были более лаконичными. Внешние средства, использованные испытуемыми в обоих случаях: подчинение условиям ситуации и обращение за помощью к авторитетным лицам, учет мнения других людей; внутренние средства — риск (хоть и по-разному понимаемый в ситуациях разной степени значимости). Между тем в С среди внутренних средств также присутствовала опора на собственные ценности, а в П — на текущее состояние.

Также в С был выделен ряд индивидуальных стратегий, применение которых иллюстрирует творческий, проективный характер деятельности выбора, ее принципиальную неалгоритмизируемость: редукция альтернатив, сохранение «статуса кво» имеющихся альтернатив с целью отсрочивания момента выбора, продолжение «выбирания» и после формального окончания выбора предпочтение третьей альтернативы при исходном наличии двух и «выбор без выбора» (когда не происходит отказа ни от одной из альтернатив).

2. *Самостоятельность выбора* (шкала опросника СКВ): сопоставление результатов С и П (*WSRT*) позволяет говорить о том, что при С испытуемые проявляют несколько меньше самостоятельности, чем при П ($p=0.004$; $Z=-2.874$). По-видимому, в связи с большой значимостью С человек начинает больше опираться как на внутренние, так и на внешние ресурсы, в то время как П, менее включенный в общий жизненный контекст и не имеющий каких-нибудь ощутимых последствий, чаще всего не предполагает ориентацию на третьих лиц.

Удовлетворенность выбором

1. *Оценка принятого решения задним числом* (вопрос структурированной анкеты, свободное описание и шкала опросника СКВ): в целом испытуемые более высоко оценивали результат С, нежели П. Согласно данным анкеты, положительная оценка С встретилась у 84%, а положительная оценка П — лишь у 39.5% респондентов. Как неоднозначный или «никакой» оценили С 10% и П — 48.5%; как плохой, неудачный — 6% С и 12% П. В свободных описаниях прямые указания на удовлетворенность принятым решением присутствуют в 18% С и в 5.5% П; еще в 42% С и 19% П удовлетворенность легко вычитывается из контекста. Амбивалентным отношением к сделанному выбору оказалось в 3% С и 8% в П. Согласно данным СКВ, удовлетворенность выбором значимо выше в ситуации С (*WSRT*, $p=0.000$, $Z=-3.975$).

2. *Количество эмоций в результате выбора* (свободное описание): и количество эмоционально окрашенных рассказов, и яркость самих описаний С значительно выше, чем П. В 67.5% описаний П не было ни одного упоминания о качестве совершенного выбора и эмоциях в связи с принятым решением — ни прямого, ни косвенного (в случае С это количество равнялось 37%). В случае П часто отсутствовало и описание самого итога выбора.

Сложность выбора

1. *Сложность/трудность/тяжесть/мучительность выбора* (свободное описание): прямые указания на сложность выбора присутствуют в 16% описаний С и в 9% П.

2. *Факторы, усложняющие процесс принятия решения* (свободное описание): недостаточность информации о какой-либо из альтернатив, дефицит времени, равнозначная привлекательность нескольких альтернатив, обилие альтернатив.

Значимость выбора

1. *Уникальность ситуации* (свободное описание): если при описании С, как правило, указываются штучные, уникальные события, не имеющие аналогов в предшествующем жизненном опыте, то к П относятся типичные, многократно повторяющиеся события (что подчеркивается употреблением слов «всегда», «обычно», «как правило», «часто», «каждый раз», «например» и т.п.).

2. *Важность выбора* (свободное описание): прямые указания на исключительную важность выбора и его последствий встречаются в большинстве протоколов С, участники нередко прибегают к превосходной степени. При описании П, напротив, часто происходит обесценивание выбранной альтернативы и выбора в целом.

3. *Влияние выбора на текущую жизнь* (вопрос анкеты «Паспорт выбора»): как и предполагалось, последствия С более значимы для испытуемых, чем последствия П ($WSRT$, $p=0.000$, $Z=-7.154$).

* * *

Таким образом, полученные результаты подтверждают нашу гипотезу о наличии качественных различий между выборами, совершенными в ситуациях разного уровня значимости: в ситуации С деятельность выбора носит более развернутый и осознанный характер, а в ситуации П она приобретает более свернутые, редуцированные формы. Косвенным показателем правомерности этого вывода служит и значимость различия в количестве знаков в свободных описаниях С и П ($WSRT$): ср. знач. в С — 302, в П — 220 ($p=0.001$, $Z=-3.346$).

(Окончание статьи — в следующем номере журнала)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. [Bergson A. (1992). *Opit o neposredstvennih dannih soznaniya* // Bergson A. *Sobranie sochineniy*: V 4 t. T. 1. Moskva: Moskovskiy klub]

Борджони Л., Петита Л., Барбаранелли К. ТОМ: Тест мотивационных ориентаций. Киев: ООО «ОС Украина», 2010. [Bordzhoni L., Petita L., Barbaranelli K. (2010). *ТОМ: Test motivacionnyh orientatsiy*. Kiev: ООО «OS Ukraina»]

Бусыгина Н.П. Феноменологическое описание и интерпретация: примеры анализа данных в качественных психологических исследованиях // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 52—76. [Busygina N.P. (2009). *Fenomenologicheskoe opisanie i interpretaciya: primery analiza dannyh v kachestvennyh psihologicheskikh issledovaniyah*. *Moskovskiy psihoterapevticheskiy zhurnal*, 2, 52—76]

Василюк Ф.Е. Психотехника выбора // Психология с человеческим лицом: Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 1997. [Vasilyuk F.E. (1997). *Psihotehnika vybora*. *Psihologiya s chelovecheskim litsom: Gumanisticheskaya perspektiva v postsovetskoj psihologii* / Pod red. Leontieva D.A. Moskva: Smysl]

Дергачева О.Е., Дорфман Л.Я., Леонтьев Д.А. Русскоязычная адаптация опросника каузальных ориентаций // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2008. № 3. С. 91—106. [Dergacheva O.E., Dorfman L.Ya., Leontiev D.A. (2008). *Russkojazychnaya adaptatsiya oprosnika kauzalnyh orientacij*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 3, 91—106]

Зверков А.Г., Эйдман Е.В. Диагностика волевого самоконтроля (опросник ВСК) // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 116—126. [Zverkov A.G., Eydman E.V. (1990). *Diagnostika volevogo samokontrolya (oprosnik VSK)*. *Praktikum po psihodiagnostike*. *Psihodiagnostika motivatsii i samoregulyatsii* (ss. 116—126). Moskva: Izdatelstvo MGU]

Козелецкий Ю. Человек многомерный (психологические эссе). Киев: Лыбидь, 1991. [Kozeletskiy Yu. (1991). *Chelovek mnogomerniy (psihologicheskie esse)*. Kiev: Lybid]

Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2003. [Kornilova T.V. (2003). *Psihologiya riska i prinyatiya resheniy: Uchebnoye posobie dlya vuzov*. Moskva: Aspekt Press, 2003]

Кравченко Л.С. Жизненный выбор личности (психологический анализ): Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1987. [Kravchenko L.S. (1987). *Zhiznennyiy vybor lichnosti (psihologicheskii analiz)*: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. Moskva]

Керкегор С. Наслаждение и долг. М.: Феникс, 1998. [K'erkegor S. (1998). *Naslazhdenie i dolg*. Moskva: Feniks]

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. [Leontiev A.N. (1977). *Deyatelnost. Soznanie. Lichnost*. Moskva: Politizdat]

Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. [Leontiev D.A. (2000). *Test smyslozhiznennyh orientatsiy (SZhO)*. 2-e izd. Moskva: Smysl]

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007. [Leontiev D.A. (2007). *Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy realnosti*. Moskva: Smysl]

Леонтьев Д.А. Психология выбора: от решения к самоопределению // Психологический журнал (в печати). [Leontiev D.A. (v pechati) *Psihologiya vybora: ot resheniya k samoopredeleniyu*. *Psihologicheskii zhurnal*]

Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю. Моделирование «экзистенциальной дилеммы»: эмпирическое исследование личностного выбора // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2005. № 4. С. 37—42. [Leontiev D.A., Mandrikova E.Yu. (2005). *Modelirovanie «ekzistsentsialnoy dilemmy»: empiricheskoe issledovanie lichnostnogo vybora*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 4, 37—42]

Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю., Рассказова Е.И., Фам А.Х. Личностный потенциал в ситуации неопределенности и выбора // Личностный потенциал: Структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 511—546. [Leontiev D.A., Mandrikova E.Yu., Rasskazova E.I., Fam A.H. (2011). *Lichnostnyi potencial v situatsii neopredelennosti i vybora*. *Lichnostnyy potentsial: Struktura i diagnostika* / Pod red. Leontieva D.A. (ss. 511—546). Moskva: Smysl]

Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю., Фам А.Х. Разработка методики диагностики процессуальной стороны выбора // Психологическая диагностика. 2007. № 6. С. 4—25. [Leontiev D.A., Mandrikova E.Yu., Fam A.H. (2007). *Razrabotka metodiki diagnostiki protsessualnoy storony vybora*. *Psihologicheskaya diagnostika*, 6, 4—25]

Леонтьев Д.А., Пилипко Н.В. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 97—110. [Leontiev D.A., Pilipko N.V. (1995). *Vybor kak deyatelnost: lichnostnyye determinanty i vozmozhnosti formirovaniya*. *Voprosy psihologii*, 1, 97—110]

Леонтьев Д.А., Фам А.Х. Как мы выбираем: структуры переживания собственного выбора и их связь с характеристиками личности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2011. № 1. С. 39—53. [Leontiev D.A., Fam A.H. (2011). *Kak my vybiraem: struktury perezhivaniya sobstvennogo vybora i ih svyaz s karakteristikami lichnosti*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1, 39—53]

Леонтьев Д.А., Шелобанова Е.В. Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 57—66. [Leontiev D.A., Shelobanova E.V. (2001). *Professionalnoe samoopredelenie kak postroenie obrazov vozmozhnogo budushchego*. *Voprosy psihologii*, 1, 57—66]

Лихачева Е.Ю. Преодоление ситуации неопределенности в имитационных играх: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2012. [Lihacheva E.Yu. (2012). *Preodolenie situatsii neopredelennosti v imitatsionnyh igrah*: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. Moskva]

Логинова Н.А. Жизненный выбор личности // Психобиографический метод исследования и коррекции личности: Учеб. пособие. Алматы: Казак Университет, 2001. [Loginova N.A. (2001). *Zhiznenniy vybor lichnosti*. *Psihobiograficheskii metod issledovaniya i korrektsii lichnosti: Ucheb. posobie*. Almaty: Kazak Universitet]

Луковицкая Е.Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 1998. [Lukovit-

skaya E.G. (1998). Sotsialno-psihologicheskoe znachenie tolerantnosti k neopredelennosti: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. Sankt-Peterburg]

Наследов А.Д. Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. 2-е изд. СПб.: Питер, 2007. [**Nasledov A.D.** (2007). Kompyuterniy analiz dannyh v psihologii i socialnyh naukah. 2-e izd. Sankt-Peterburg: Piter]

Нуркова В.В. Сверхненное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во Университета РАО, 2000. [**Nurkova V.V.** (2000). Svershennoe prodolzhaetsya: Psihologiya avtobiograficheskoy pamyati lichnosti. Moskva: Izdatelstvo Universiteta RAO]

Осин Е.Н. Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. Маклейна // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 65—86. [**Osin E.N.** (2010). Faktornaya struktura russkoyazychnoy versii shkaly obshchey tolerantnosti k neopredelennosti D. Makleyna. *Psihologicheskaya diagnostika*, 2, 65—86]

Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. [**Petrovskiy V.A.** (2010). Chelovek nad situatsiyey. Moskva: Smysl]

Рассказова Е.И., Леонова А.Б., Плужников И.В. Разработка русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2011. № 4. С. 161—179. [**Rasskazova E.I., Leonova A.B., Pluzhnikov I.V.** (2010). Razrabotka russkoyazychnoy versii oprosnika kognitivnoy regulyatsii emotsiy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 4, 161—179]

Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101—108. [**Rubinshtein S.L.** (1986). Printsip tvorcheskoy samodeyatelnosti. *Voprosy psihologii*, 4, 101—108]

Шварц Б. Парадокс выбора: Почему «больше» значит «меньше». М.: Добрая книга, 2005. [**Shvarts B.** (2005). Paradoks vybora: Pochemu «bolshe» znachit «menshe». Moskva: Dobraya kniga]

Berlyne, D.E. (1966). Exploration and curiosity. *Science*, 153, 25—33

Deci, E.L., & Ryan, R.M. (1985). The general causality orientations scale: Self-determination in personality. *Journal of Research in Personality*, 19, 109—134

Diener, E., Emmons, R.A., Larsen, R.J., & Griffin, S. (1985). The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 49, 71—75

Maddi, S.R. (1998) Creating Meaning Through Making Decisions // Wong P.T.P. & Fry P.S. (Eds.) *The Human Quest For Meaning. A Handbook of Psychological Research and Clinical Applications* (pp. 1—25). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates

McClelland, D.C. (1985). Human Motivation. N.Y.: Cambridge University Press

Поступила в редакцию
09.11.12

В. А. Наумова, Ж. М. Глозман

АРТ-ТЕРАПИЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЙ ФАСИЛИТАЦИИ КОНСТРУКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ПОЖИЛОМ И СТАРЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

В статье обсуждается вопрос об эффективности использования арт-терапевтических методов фасилитации творческой активности как условия конструктивного развития на этапе поздней зрелости. Учитывая достоинства и особенности арт-терапии в геронтопсихологической практике, авторы разработали арт-терапевтическую программу и предположили, что заложенное в ней постепенное усложнение и обогащение арт-терапевтических занятий должно привести к раскрытию творческого потенциала и прогрессивному развитию личности участников этих занятий. Исследование проводилось с 80 респондентами в возрасте 57—80 лет. Анализ результатов показал, что при использовании арт-терапевтических методов отмечается актуализация новых позитивных личностных смыслов жизни и деятельности, происходит гармонизация психофизического самочувствия, повышается уровень самовосприятия, создаются условия для актуализации жизненного опыта.

Ключевые слова: старение, смысложизненные ориентации, жизнестойкость, рефлексивность, арт-терапия.

This article discusses the effectiveness of using art therapeutic methods for facilitation of creative activity of older people as a condition of constructive development during late adulthood. Taking into consideration advantages and features of art therapy in gerontopsychological practice art therapy program was developed. We hypothesized that inherent in the program, gradual complication and enriching of art therapy sessions should lead to creativity and the progressive development of the individual participants of these studies. 80 respondents aged 57—80 years took part in the study. Analysis of the results showed that the use of art therapy techniques noted actualization of new positive personal sense of life and activity, the harmonization of psychophysical wellbeing, improve self-image, and create conditions for the actualization of life experience.

Key words: aging, purpose orientations, vitality, reflexivity, art therapy.

Наумова Валентина Александровна — ст. преп. психолого-педагогического ф-та Петропавловск-Камчатского ун-та имени В. Беринга. *E-mail:* naumovavalentina2011@mail.ru

Глозман Жанна Марковна — докт. психол. наук, профессор, вед. науч. сотр. лаборатории нейropsихологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* glozman@mail.ru

Творческая активность как условие конструктивного развития на этапе поздней зрелости

В настоящее время во всех развитых странах в связи со значительным ростом среднего возраста жизни человека и, соответственно, постарением населения возрастает интерес к проблемам геронтогенеза и геронтопсихологии (Анцыферова, 2001; Дружинин, 2005; Ермолаева, 2002; Корсакова, Балашова, 1995; Краснова и др., 2011; Лидерс, 2000; Рыбалко, 2001; Филозоф, 2008; Чуева, 2005; Ruff et al., 2004). Возрастные изменения и старение представляют собой чрезвычайно сложный комплекс проблем, касающихся личности, нравственности, кадровой динамики, профессионализма и преемственности поколений, взаимоотношений индивида и общества (Ермолаева, 2002). По мнению ряда исследователей (Анцыферова, 1996, 2001; Лидерс, 2000; Франкл, 1990; Erikson, 1963, 1982; Erikson et al., 1986; и др.), одной из ведущих деятельностей пожилого человека является принятие своего жизненного пути, трактуемое как «особая внутренняя работа» (Краснова и др., 2011, с. 129). Исследования Е.Н. Чуевой (2005) свидетельствуют о том, что на поздних этапах онтогенеза дифференциация типов жизненного пути усиливается. Для пожилых людей характерны не только инволюционные или деструктивные, но и конструктивные процессы, такие, как образование целостной жизненной концепции путем дальнейшей интеграции личностных структур и перехода на новый виток развития; принятие мира и человеческой природы. Осмысление своей жизни, по мнению исследователей (Аникина, 2010; Карпов, 2004; Лидерс, 2000; Россохин, 2010; Рыбалко, 2001), становится возможным при достаточно развитом уровне рефлексии, который характеризуется как духовная активность.

Духовный акт — это всегда творчество, порождение новых смыслов, раскрытие и утверждение новых граней общечеловеческих ценностей и идеалов (Дружинин, 2005). В акте творчества личность как бы заново воссоздает окружающий мир сообразно своему Я, осознает и переживает целостность своего жизнетворчества как реализацию своей заданности, неповторимости, уникальности (Филозоф, 2008). По мнению А.В. Либина (1999), творческое отношение к своей жизни является основным условием конструктивного развития личности. Исследователи приходят к выводу, что личность творческого человека толерантна к старению (Анцыферова, 1996, 2001; Либин, 1999; Поставнев, 2009; Рыбалко, 2001). Конструктивность развития на этом этапе жизни приводит к психологическому благополучию, принятию себя и своего опыта, позитивной оценке своей жизни, стремлению к саморазвитию, автономии, независимости, способности организовать свою жизнь.

В последние годы в геронтопсихологии все более активно применяется такой инновационный здоровьесберегающий подход, как арт-терапия (*arts therapies*)— «лечение, основанное на занятиях художественным творчеством» (Копытин, 2003, 2010, 2011а, б). Арт-терапию в геронтопсихологической практике можно рассматривать как метод мотивирования «жизнетворческой активности» (Колпакова, 2010, с. 83), мобилизации творческого потенциала пожилых людей и как способ сохранения их жизнедеятельности. Арт-терапия давно зарекомендовала себя как эффективный метод работы с людьми с ограниченными возможностями, которые в силу физических или психических особенностей своего состояния зачастую социально дезадаптированы, ограничены в контактах (Берегулина, 2009; Дрюкер, 2001; Эванс, 2012). Достоинством арт-терапии в работе с людьми пожилого и старческого возраста можно считать возможность дифференцированно использовать различные арт-методы с учетом таких факторов, как морфо-функциональные изменения, снижение когнитивных функций и ослабление соматического здоровья, специфичность стратегий адаптации, быстрая утомляемость, нарушения речи, снижение памяти и интеллекта, слабость сенсорных систем и опорно-двигательного аппарата. В ходе арт-терапии приобретается творческий опыт, способствующий осознанию себя в новом психофункциональном статусе. Развитие новых навыков и умений предоставляет стареющему человеку возможность активно и самостоятельно участвовать в жизни общества, расширять диапазон социального выбора (Колпакова, 2010).

В частности, изобразительное творчество позволяет открыть свой собственный язык, который порой эффективнее вербального способа общения. В процессе изобразительной деятельности облегчается словесное описание и возможность осознания смысла прошлых событий в их неразрывной связи с настоящим, активизируется формирование образов, отражающих представления человека о будущем, его актуальные потребности и потенциалы (Arnheim, 1997; Csikszentmihalyi, 1999).

При групповом применении арт-терапии с пожилыми пациентами создаются условия максимального использования процесса группового взаимодействия, результатом которого можно считать состояния переживания универсального опыта, актуализации экзистенциальных вопросов, появления перспектив будущего. Коммуникативные, деятельностные аспекты художественной практики в процессе взаимодействия арт-терапевта и группы обеспечивают развитие новых социальных навыков и более конструктивных моделей поведения (Копытин, 2003, 2011а, б).

Цель настоящего исследования — поиск эффективных форм и методов целенаправленной фасилитации конструктивного развития

личности в пожилом и старческом возрасте. Была поставлена **задача** изучения эффективности использования арт-терапевтических методов как средства стимуляции творческой активности пожилых людей, которая посредством раскрытия резервных способностей, осмысления своей жизни, усиления эмоциональной чувствительности и сенсорной активации трансформирует качество жизни, что в свою очередь создает возможность обеспечить личности конструктивные изменения (оптимизацию) организации своей жизнедеятельности.

Для решения указанной задачи нами была разработана **арт-терапевтическая программа**, включающая 3 этапа психологической работы.

На *первом* этапе использовались арт-методики, направленные на адаптацию респондентов в группе через включение правил группового взаимодействия, стабилизацию эмоционального состояния, актуализацию креативного потенциала, активацию рефлексии; дополнительно применялись комплекс упражнений из арсенала тренингов жизнестойкости и креативности, а также элементы психосоматической саморегуляции.

Второй этап психологической работы фокусировался на мобилизации позитивного личностного ресурса каждого респондента посредством его погружения в личное прошлое. Стимуляция воспоминания о позитивных событиях предполагала адекватное принятие прожитой жизни, обретение согласованного отношения к своему прошлому, настоящему и будущему, получение удовольствия от актуальной жизненной ситуации, самопринятие и позитивное отношение к другим. Использовался комплекс арт-средств, включающий элементы фототерапии (Копытин, Платтс, 2009), музыкотерапии (Элькин, 2005), песочной терапии (Пурнис, 2008), телесно-ориентированной арт-терапии (Копытин, Корт, 2011).

На *третьем этапе* работа была ориентирована на стимулирование конструктивного принятия социальной ситуации развития путем принятия себя в новом статусе, осознания собственной жизненной компетенции, формирования активной жизненной позиции, социальной связанности и интеграции, конкретизации смысла собственной жизни. Здесь применялся комплекс арт-средств, включающий общение с шедеврами искусства (Элькин, 2005), перформанс (литературное, музыкальное или театральное представление, индивидуальное или групповое) (Копытин, 2011а; Пурнис, 2008), создание собственных мандал и лабиринта («карта собственной души», «спираль как путь к духовному пробуждению и благополучию» — Копытин, 2011б).

Мы предположили, что заложенное в программе постепенное усложнение и обогащение арт-терапевтических занятий должно привести к раскрытию творческого потенциала и конструктивному

(прогрессивному) развитию личности участников этих занятий. Прогрессивность развития зависит от того, насколько респондент выступает субъектом, создателем своей жизни, ее смысловой содержательности и пространственно-временной организации.

Выборка. Исследование проводилось на базе Камчатской краевой научной библиотеки им. С.П. Крашенинникова, в «Студии психологического развития» г. Петропавловска-Камчатского с участниками клуба «Общение» в возрасте 57—80 лет. Экспериментальная (Э) и контрольная (К) группы были сформированы на основе общего показателя осмысленности жизни (ОЖ) теста смысложизненных ориентаций Д. Крамбо и Л. Махолика в адаптации Д.А. Леонтьева (2006). В К-группу вошли респонденты с преимущественно средне-высоким уровнем ОЖ (40 человек), в Э-группу — лица со средне-низким уровнем ОЖ (40). Социально-демографические характеристики выборки представлены в табл. 1.

Таблица 1

Социально-демографические характеристики респондентов, составивших экспериментальную (Э) и контрольную (К) группы

Характеристики		Э-группа (N=40)		К-группа (N=40)	
		Кол-во	%	Кол-во	%
Возраст (лет)	57—65	19	47.5	18	45
	66—75	18	45.0	20	50
	76—80	3	7.5	2	5
Пол	Женщины	28	70	22	55
	Мужчины	12	30	18	45
Образование	Среднее	15	37.5	10	25
	Среднее специальное	16	40	18	45
	Высшее	7	22.5	11	27.5
	Неполное среднее	2	0	1	2.5
Семейное положение	Состоят в браке, совместное проживание супругов	10	25	15	37.5
	Разведенные	5	12.5	10	25
	Вдовцы и вдовы	25	62.5	15	37.5
Социальный статус	Трудятся на прежнем месте	6	15	22	55
	Работают на другом предприятии	6	15	9	22.5
	Не работают	28	70	9	22

Противопоказаниями для участия в Э-группе служили декомпенсированные хронические заболевания, острые психические расстройства, выраженные расстройства личности и поведения,

аффективные нарушения в депрессивной форме с психомоторной заторможенностью или маниакальным состоянием, деменция. *Основаниями для участия* в Э-группе считались особенности личности респондента и его стратегия адаптации к возрастному фактору, снижение когнитивных навыков и межличностного взаимодействия, социальная изоляция.

Экспериментальный дизайн. Цели и задаче данной работы соответствовала форма арт-терапии в интерактивной группе, что предполагает большую степень организованности, активного привлечения участников к социальному взаимодействию, ориентацию на реальность и постоянно меняющуюся действительность. Это достигалось за счет фокусировки внимания членов группы на определенной теме или техниках изобразительного характера. Порядок работы с темами в Э-группе определялся основными стадиями динамики поведения личности в процессе группового взаимодействия: подготовка, осознание, переоценка и действие. Для каждой стадии был использован специальный блок тем, рассчитанный на 4 месяца. По окончании каждого занятия проводился «опрос обратной связи». Э-группа методом случайных чисел была разбита на 4 подгруппы по 10 респондентов. В каждой подгруппе психологическая работа осуществлялась по 2 раза в неделю по 2 часа.

Для **оценки личностной динамики до и после** реализации арт-программы применялись следующие методы: анкетирование; тест смысложизненных ориентаций (Леонтьев, 2006); тест жизнестойкости (Леонтьев, Рассказова, 2006); методика определения индивидуальной меры рефлексивности А.В. Карпова и В.В. Пономаревой (Карпов, 2004); «Опросник творческих увлечений» А.И. Копытина (2011а, б).

Результаты и обсуждение

1. Методика СЖО. Статистическая обработка данных по методике СЖО (табл. 2) выявила, что *после* применения арт-терапии в Э-группе произошло значимое повышение показателей по ОЖ и шкале «цели в жизни». У респондентов стала отмечаться большая целенаправленность жизни, склонность к восприятию жизни как интересного («вовлеченность» $r_{эмп.} = 0.40, p < 0.05$; «жизнестойкость» $r_{эмп.} = 0.34, p < 0.05$), эмоционально насыщенного и осмысленного процесса («цели в жизни» $t_{эм (1/2)} = 1.77, p < 0.05$; «осмысленность жизни» $t_{эм (1/2)} = 2.29, p < 0.05$). Данные по шкале «процесс жизни» соответствуют среднему уровню: восприятие своей жизни характеризуется как адекватная своему состоянию включенность в окружающую реальность, получение удовольствия от собственной деятельности («жизнестойкость» $r_{эмп.} = 0.28, p < 0.01$; «вовлеченность» $r_{эмп.} = 0.29, p < 0.01$), сохранение контроля, позволяющего повлиять на выбор собственной деятельности («цель» $r_{эмп.} = 0.25, p < 0.01$) и результат происходящего

**Средние значения и дисперсия по шкалам теста СЖО
в экспериментальной (Э) группе до и после прохождения
арт-терапевтической программы; данные контрольной (К) группы
на момент окончания арт-занятий**

Шкалы	Э-группа				К-группа	
	до		после		Ср. зн.	Дисп.
	Ср. зн.	Дисп.	Ср. зн.	Дисп.		
Общая осмысленность жизни (ОЖ)	97.6	140.7	106.6*	113.7	108.75	102.1
1. Цели в жизни	22.9	57.5	25.08*	53.5	28.32	67.0
2. Процесс жизни	19.9	40.9	22.9*	41.8	32.4*	34.1
3. Результативность жизни	23.17	65.3	23.67	20.8	24.72	21.1
4. Локус контроля — Я	17.6	24.3	19.07*	22.3	24.4*	35.4
5. Локус контроля — жизнь	21.1	49.1	24.4	35.4	28.25*	81.1

Примечание. * — $p < 0.05$

(«контроль» $r_{\text{эмп.}} = 0.29, p < 0.01$; «риск» $r_{\text{эмп.}} = 0.35, p < 0.05$), осмысленно связывать противоречивые жизненные явления («осмысленность жизни» $r_{\text{эмп.}} = 0.36, p < 0.05$).

Данные табл. 2 показывают достоверные различия по шкале «локус контроля — Я» между группами Э и К. Так, для респондентов Э-группы выраженность этого показателя свидетельствует о динамике самодетерминирующегося развития как активной личности («жизнестойкость» $r_{\text{эмп.}} = 0.41, p < 0.01$; «вовлеченность» $r_{\text{эмп.}} = 0.40, p < 0.01$), компетентной в личностном выборе и способной контролировать его («контроль» $r_{\text{эмп.}} = 0.31, p < 0.05$). Шкала «результативность жизни» характеризует выбор как поиск продуктивности и осмысленности прожитой жизни («осмысленность жизни» $r_{\text{эмп.}} = 0.39, p < 0.05$), где пережитый опыт может быть использован с другими смыслами и возможностями как вариант поиска удовлетворенности самореализацией. Выращенность показателей шкалы «локус контроля — жизнь» говорит о том, что респонденты могут самостоятельно управлять и контролировать свою жизнь, ощущать общность с другими людьми, принадлежащими к той же социальной реальности, собственную значимость и ценность для общества.

2. Тест жизнестойкости. Анализ результатов по тесту жизнестойкости также выявил значимое увеличение в Э-группе показателей по шкале общей жизнестойкости и субшкалам (табл. 3). Выраженность компонентов жизнестойкости в целом позволяет предположить снижение внутреннего напряжения, получение удовольствия от собственных действий и происходящих вокруг событий. Увеличение

Таблица 3

**Средние значения и дисперсия по шкалам теста жизнестойкости
у респондентов Э-группы до и после применения арт-методов**

Шкалы теста	до		после		Коэффициент t
	Ср. зн.	Дисп.	Ср. зн.	Дисп.	
Жизнестойкость	71.4	195.8	79.0	210.8	2.96*
Вовлеченность	31.9	31.7	35.8	44.0	4.17*
Контроль	25.5	52.2	28.4	38.0	2.23*
Принятие риска	13.8	17.2	15.2	10.6	1.85*

Примечание. * — $p < 0.05$, $t_{кр.} = 1.68$.

показателей вовлеченности и контроля, вероятно, связано с представившейся возможностью быть инициатором личного выбора, самостоятельно регулировать и планировать творческую деятельность. Рост по шкале «принятие риска» указывает на перспективность активного усвоения новых знаний из приобретенного опыта в ходе арт-терапевтических занятий и последующее их использование.

Эти результаты подтверждаются и достоверными различиями между группами Э и К по всем шкалам в начале исследования и только по одной шкале («принятие риска») — после прохождения арт-программы (табл. 4). В основе «принятия риска» лежит уверенность в том, что все происходящее способствует развитию за счет богатства впечатлений, изменчивости и неоднородности среды. Для респондентов Э-группы приобретение новых навыков и умений предоставляет возможность активно и самостоятельно участвовать в жизни общества, расширять диапазон социального выбора. С.А. Богомаз (2007) отмечает, что «принятие риска» или «вызова» помогает человеку быть открытым окружающему миру и обществу, способствуя восприятию жизненных событий и проблем как вызова и испытания лично для себя, позволяющее ему самораскрыться и узнать о себе нечто большее, что крайне актуально для респондентов пожилого и старческого возраста.

Таблица 4

**Достоверность различий по шкалам теста жизнестойкости
у респондентов по t-критерию Стьюдента между Э-группой
и К-группой до и после применения арт-программы**

Шкалы теста	до	после
Жизнестойкость	3.36*	1.36
Вовлеченность	3.49*	1.09
Контроль	2.13*	0.61
Принятие риска	3.15*	1.97*

Примечание. * — $p < 0.05$, $t_{кр.} = 1.66$.

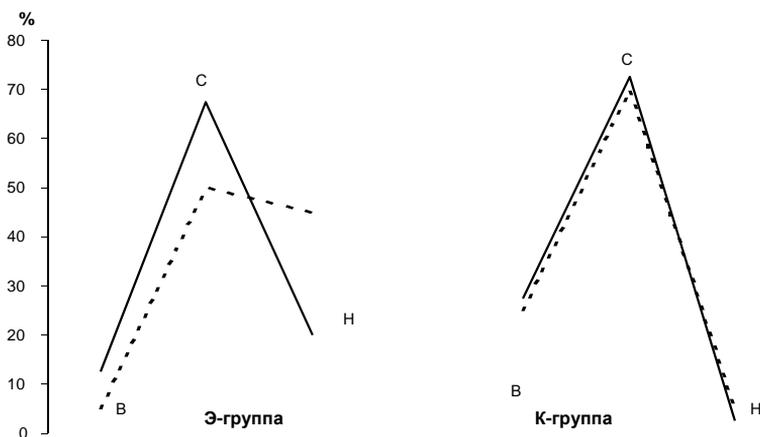

Рис. 1. Долевое распределение по общему баллу жизнестойкости в группах Э и К до (штриховая линия) и после (сплошная) применения арт-методов. Условные обозначения: В — высокий балл, С — средний; Н — низкий балл

Анализ данных долевого распределения по общему баллу жизнестойкости в группах Э и К до и после применения арт-методов выявил качественные отличия групп. Для большей части респондентов характерны средние показатели, однако в Э-группе после применения арт-программы отмечено выраженное снижение доли респондентов с низким баллом общей жизнестойкости с перераспределением в долю респондентов со средним баллом (рис. 1).

Таким образом, рассматривая жизнестойкость как систему убеждений человека о себе, мире, отношений с ним, позволяющих изменить или принять происходящее, и обобщая полученные результаты, можно предположить, что выраженность показателей жизнестойкости у респондентов Э-группы обусловлена включенностью в процесс регулируемой творческой активности.

3. Анализ индивидуальной меры рефлексивности выявил, что в целом для респондентов Э-группы характерны средние значения, но, тем не менее, отмечены достоверно значимые отличия от результатов до арт-терапии ($t_{эм (1/2)}=5.24, p<0.05$).

Интерес представляет и характер распределения показателей рефлексии в Э-группе. Как видно на рис. 2, у респондентов после применения арт-терапевтических методов отмечается смещение показателей в зону высоких значений. Учитывая такую направленность, можно рассматривать повышение уровня рефлексии как «важнейшую регулятивную составляющую личности, позволяющую ей сознательно выстраивать свою жизнедеятельность» (Карпов, 2004,

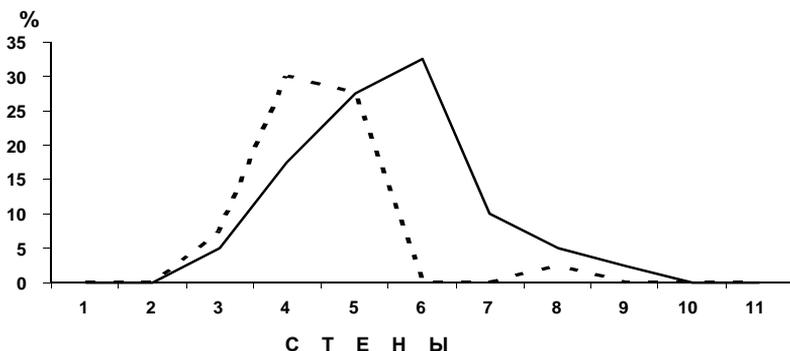

Рис. 2. Характер распределения рефлексивности у респондентов Э-группы до (штриховая линия) и после (сплошная) прохождения арт-терапевтической программы

с. 77). В.Г. Аникиной рефлексия исследуется как механизм познания, «включенный в процесс личностного развития, опосредованный “знаковыми объектами” культуры и транслируемый в диалогическом отношении и содействии между людьми» (Аникина, 2010, с. 53). Тем самым рефлексия способствует осознанию и переосмыслению своей жизни, переоценке своих отношений с окружающими людьми.

4. Результаты по «Опроснику творческих увлечений»

А.И. Копытина позволяют утверждать, что до начала работы в арт-терапевтической группе значительная часть респондентов (60%) не занимались какой-либо творческой деятельностью. Остальные 40% дали ограниченный перечень «творческих увлечений» (*смотреть фотоальбом, слушать музыку, читать книги*) с достаточно низкой степенью выраженности (средний балл 11). Причем не всегда эти занятия доставляют удовольствие, а у 15% респондентов вызывают напряжение и даже раздражение. Многими участниками (70%) отмечено отсутствие поддержки и иногда осуждение со стороны родственников (примеры ответов на вопрос: «Поддерживают ли ваши творческие увлечения родственники и близкие?» — «*бес в ребро*», «*старость не радость*», «*сумасшедший старик*», «*впал в детство*»), что, возможно, обедняет палитру выражения чувств, а «творческая деятельность» сводится к участию в решении бытовых проблем (*подшить, связать, посадить* и т.д.). После прохождения арт-терапевтической программы у респондентов отмечено расширение спектра творческих занятий (*систематическое занятие изобразительным искусством, погружение в музыку, посещаю хор, занятие фотографированием и составлением альбома, составление графической истории семьи, балльные танцы, посещаю компьютер-*

ный класс, интересуюсь немецким языком, посещаю горнолыжные базы — пока как созерцатель, участвую в «литературных посиделках»). Появились качественные изменения в эмоциональном сопровождении творческой деятельности (примеры ответов на вопрос: «Какими чувствами сопровождаются ваши занятия творческой деятельностью?» — *приносят радость, удовлетворение, отвлекают от неприятных мыслей, вызывают удивление, восхищение, любопытство, восторг, создают чувство полноты и счастья, покой*). Большая часть респондентов отмечают, что занятия творческой деятельностью способствуют лучшему пониманию себя, своей жизни, помогают «полюбить себя» и думать о себе, повышают самооценку, налаживают отношения с другими людьми, появляются новые навыки.

Таким образом, анализ данных опросника позволяет предположить, что у респондентов пожилого и старческого возраста после прохождения арт-терапевтической программы появилась творческая активность, трансформировавшая качество жизни. Сравнение названий фотоколлажей на начальных этапах использования арт-методов («*Всё будет не так, как я хочу*», «*Остановка*», «*Моя память*», «*Жил как мог, а не как хотелось*», «*Всё не так*») и на завершающем этапе («*Посмотри на мир другими глазами*», «*С улыбкой по жизни*», «*Моя жизнь — это радость*», «*Жизнь продолжается*», «*Мудрая сова и хаос*», «*Вечность*», «*Вселенная*», «*Мудрость*», «*Добро и зло*») свидетельствует о том, что эти респонденты стали положительно оценивать пройденный путь, осознали его продуктивность и осмысленность и приняли настоящее как возможность жить полноценной и многомерной жизнью.

* * *

Арт-терапевтические техники могут быть эффективным методом стимулирования творческой активности лиц пожилого и старческого возраста. Они могут быть применены для создания среды, способствующей актуализации саморегуляции произвольной активности, раскрытия креативного потенциала личности и индивидуально приемлемых форм выражения духовной индивидуальности в социуме, достижения жизненной компетентности (Филозоф, 2008). При использовании арт-терапевтических методов отмечается появление новых позитивных личностных смыслов жизни и деятельности, гармонизация психофизического самочувствия путем избавления от негативных эмоций и переживаний, повышения уровня самовосприятия и улучшения физического самочувствия. Творческая активность помогает разрешить кризис социальной ситуации развития через новые формы реализации материальных и духовных потребностей человека в процессе творческой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникина В.Г. Психотехническая модель рефлексии: теоретические основания и описание // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 6. С. 50—56. [Anikina V.G. (2010). Psihotekhnicheskaya model refleksii: Teoreticheskie osnovaniya i opisaniye. *Psihologicheskij zurnal*, 31, 6, 56—63]

Анцыферова Л.И. Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного старения личности // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 60—71. [Antsiferova L.I. (1996). Pozdnyy period zhizni cheloveka: tipy stareniya i vozmozhnosti postupatelnogo stareniya lichnosti. *Psihologicheskij zurnal*, 17, 6, 60—71]

Анцыферова Л.И. Психология старости: особенности развития психологии личности в период поздней зрелости // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 3. С. 86—99. [Antsiferova L.I. (2001). Psihologiya starosti: osobennosti razvitiya psikhologii lichnosti v period pozdney zrelosti. *Psihologicheskij zurnal*, 22, 3, 86—99]

Берегулина Л.Н. Применение арт-терапии с геронтологическими больными, страдающими деменцией // Исцеляющее искусство: Международный журнал арт-терапии. 2009. Т. 12. № 2. С. 18—37. [Beregulina L.N. (2009). Primeneniye art-terapii s gerontologicheskimi bolnymi, stradayushchimi dementsiyey. *Istseluyayushcheye iskusstvo: Mezhdunarodnyiy zurnal art-terapii*, 12, 2, 18—37]

Богомаз С.А. Жизнестойкость человека как личностный ресурс совладания со стрессами и достижения высокого уровня здоровья // Мат-лы науч.-практ. конгрессов III Всеросс. форума «Здоровье нации — основа процветания России» (Москва, 10 мая 2007 г.). М., 2007. Т. 3. Ч. 1. С. 23—25. [Bogomaz S.A. (2007). Zhiznestoykost cheloveka kak lichnostniy resurs sovladaniya so stressami i dostizheniya vysokogo urovnya zdorovya. Mat-ly nauch.-prakt. kongressov III Vseross. foruma “Zdorovye natsii — osnova protsvetaniya Rossii” (Moskva, 10 maya 2007 g.), 3, 1, 23—25]

Дружинин В.Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. СПб.: ИМАТОН-М, 2005. [Druzhinin V.N. (2005). Varianty zhizni: Ocherki ekzistentsialnoy psikhologii. Sankt-Peterburg: IMATON-M]

Дрюкер К. Арт-терапия в психогериатрической практике. Практикум по арт-терапии / Под ред. А.И. Копытина. СПб.: Питер, 2001. С. 199—214. [Dryuker K. (2001). Art-terapiya v psihogeriatrisheskoy praktike. *Praktikum po art-terapii* / Pod red. A.I. Kopytina. Sankt-Peterburg: Piter, 199—214]

Ермолаева М.В. Практическая психология старости. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. [Ermolayeva M.V. (2002). Prakticheskaya psikhologiya starosti. Moskva: EKSMO-Press]

Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: ИПРАН, 2004. [Karpov A.V. (2004). Psihologiya refleksivnyh mehanizmov deyatelnosti. Moskva: Izdatelstvo IP RAN]

Колпакова Е.М. Исследование эффективности арт-терапии для людей пожилого и старческого возраста, проживающих в условиях геронтологического центра // Мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. «Совершенствование комплексной реабилитации инвалидов с интеллектуальной недостаточностью в учреждениях социального обслуживания» (Ярославль, 10 ноября 2010 г.) / Под ред. Л.М. Иванова. Ярославль, 2010. С. 82—85. [Kolpakova E.M. (2010). Issledovaniye effektivnosti art-terapii dlya lyudey pojilogo i starcheskogo vozrasta, proyivayushih v usloviyah gerontologicheskogo tsentra // Mat-ly Mezhhregionalnoy

nauch.-prakt. konf. "Sovershenstvovaniye kompleksnoy reabilitatsii invalidov s intellektualnoy nedostatochnostyu v uchrezhdeniyah sotsialnogo obsluzhivaniya" (Yaroslavl, 10 noyabrya 2010 g.) / Pod red. L.M. Ivaniva. Yaroslavl, 82—85]

Копытин А.И. Руководство по групповой арт-терапии. СПб.: Речь, 2003. [Копытин А.И. (2003). Rukovodstvo po gruppovoy art-terapii. Sankt-Peterburg: Rech]

Копытин А.И. Системная арт-терапия: теоретическое обоснование, методология применения, лечебно-реабилитационные и дестигматизирующие эффекты: Автореф. дисс. ... докт. мед. наук. СПб., 2010. [Копытин А.И. (2010). Sistemnaya art-terapiya: teoreticheskoye obosnovaniye, metodologiya primeneniya, lechebno-reabilitatsionnyye i destigmatiziruyushchiye efekty: Avtoref. diss. ... dokt. med. nauk. Sankt-Peterburg]

Копытин А.И. Арт-терапия психических расстройств. СПб.: Речь, 2011а. [Копытин А.И. (2011а). Art-terapiya psicheskikh rasstroystv. Sankt-Peterburg: Rech]

Копытин А.И. Диагностика в арт-терапии: Метод «Мандала». М.: Психотерапия, 2011б. [Копытин А.И. (2011б). Diagnostika v art-terapii: Metod "Mandala". Moskva: Psihoterapiya]

Копытин А.И., Корт Б. Техники телесно-ориентированной арт-терапии. М.: Психотерапия, 2011. [Копытин А.И., Kort B. (2011). Tehnika telesno-orientirovannoy art-terapii. Moskva: Psihoterapiya]

Копытин А.И., Платтс Дж. Руководство по фототерапии. М.: Когито-Центр, 2009. [Копытин А.И., Platts J. (2009). Rukovodstvo po fototerapii. Moskva: Kogito-Tsentr]

Корсакова Н.К., Балашова Е.Ю. Опосредование как компонент саморегуляции психической деятельности в позднем возрасте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1995. № 1. С. 18—23. [Korsakova N.K., Balashova E.Yu. (1995). Oposredovaniye kak component samoregulyatsii psicheskoy deyatel'nosti v pozdnem vozraste. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya, 1, 18—23]

Краснова О.В., Галасюк И.Н., Шинина Т.В. Психология личности пожилых людей и лиц с ограничениями здоровья / Под ред. О.В. Красновой. СПб.: КАРО, 2011. [Krasnova O.V., Galasyuk I.N., Shinina T.V. (2011). Psikhologiya lichnosti pozhilykh lyudey i lits s ogranicheniyami zdorovya / Pod red. O.V. Krasnovoy. Sankt-Peterburg: KARO]

Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2006. [Leontiev D.A. (2006). Test smyslozhiznennykh orientatsiy (SZHO). 2-e izd. Moskva: Smysl]

Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. [Leontiev D.A., Rasskazova E.I. (2006). Test zhiznestoykosty. Moskva: Smysl]

Либин А.В. Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций. М.: Смысл, 1999. [Libin A.V. (1999). Diferentsialnaya psikhologiya: na peresechenii evropeyskikh, rossiyskikh i amerikanskikh traditsiy. Moskva: Smysl]

Лидерс А.Г. Кризис пожилого возраста: гипотеза о его психологическом содержании // Психология зрелости и старения. 2000. № 2. С. 4—12. [Liders A.G. (2000). Krizis pozhilogo vozrasta: gipoteza o ego psihologicheskom sodержanii. Psikhologiya zrelosti i stareniya, 2, 4—12]

Поставнев В. Феноменология личности пожилых людей творческих профессий // Развитие личности. 2009. № 2. С. 100—115. [Postavnev V. (2009).

Fenomenologiya lichnosti pozhilyh lyudey tvorcheskih professiy. *Razvitiye lichnosti*, 2, 100—115]

Пурнис Н.Е. Арт-терапия в развитии персонала. СПб.: Речь, 2008. [Purnis N.E. (2008). Art-terapiya v razvitii personala. Sankt-Peterburg: Rech]

Россохин А.В. Рефлексия и внутренний диалог в измененных состояниях сознания. Интерсознание в психоанализе. М.: Когито-центр, 2010. [Rossokhin A.V. (2010). Refleksiya i vnutrenniy dialog v izmenennykh sostoyaniyakh soznaniya. Intersoznaniye v psihoanalize. Moskva: Kogito-Tsentr]

Рыбалко Е.Ф. Возрастная и дифференциальная психология. СПб.: Питер, 2001. [Rybalko E.F. (2001). Vozrastnaya i differentsialnaya psihologiya. Sankt-Peterburg: Piter]

Филозоф А.А. Психолого-акмеологические аспекты становления личности на поздних этапах онтогенеза // Мир психологии. 2008. № 2. С. 255—261. [Filozop A.A. (2008). Psihologo-akmeologicheskiye aspekty stanovleniya lichnosti na pozdnykh etapah ontogeneza. *Mir Psihologii*, 2, 255—261]

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. [Frankl V. (1990). Chelovek v poiskakh smysla. Moskva: Progress]

Чуева Е.Н. Психологические условия конструктивного развития личности в период зрелости. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУ, 2005. [Chueva E.N. (2005). Psihologicheskiye usloviya konstruktivnogo razvitiya lichnosti v period zrelosti. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Izdatelstvo KamGU]

Эванс К. Арт-терапия для детей с аутизмом. Методы арт-терапевтической помощи детям и подросткам: отечественный и зарубежный опыт / Под ред. А.И. Копытина. М.: Когито-Центр, 2012. С. 124—143. [Evans K. (2012). Art-terapiya dlya detey s autizmom. *Metody art-terapevticheskoy pomoshchi detyam i podrostkam: otechestvennyi i zarubejnyi opyt* / Pod red. A.I. Kopytina. Moskva: Kogito-Tsentr, 124—143]

Элькин В.М. Театр цвета и мелодии ваших страстей. Цветовая психология и психотерапия шедеврами искусства. Гармонизация цветовых программ жизни и ваши тайные способности. СПб.: ИД «Петрополис», 2005. [Elkin V.M. (2005). Teatr tsveta i melodii vashih strastey. Tsvetochnaya psihologiya i psihoterapiya shedevrami iskusstva. Garmonizatsiya tsvetovyh programm zhizni i vashi taynye sposobnosti. Sankt-Peterburg: ID "Petropolis"]

Arnheim, R. (1997). Foreword. *The Arts in Psychopathology: An International Journal*, 24 (2), 28—50

Csikszentmihalyi, M. (1999). If we are so rich, why aren't we happy? *American Psychologist*, 54 (10), 821—827

Erikson, E.H. (1963). *Childhood and society* (2nd ed.) N.Y.: Norton

Erikson, E.H. (1982). *The life cycle completed*. N.Y.: Norton

Erikson, E.H., Erikson, J.M., Kivnick, H.Q. (1986). *Vital involvement in old age*. N.Y.: Norton

Ryff, C.D., Singer, B.H., Love, G.D. (2004). Positive health: Connecting well-being with biology. *Philosophical transactions of the Royal Society of London*, 359, 1383—1394. doi:10.1098/rstb.2004.1521

Поступила в редакцию
10.07.12

Т. Н. Денисова

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРЕМЕНИ У ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНОЙ ВЫРАЖЕННОСТЬЮ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ

В статье приводятся результаты исследования представлений о времени у 63 школьников (14—16 лет) и 68 студентов (21—23 лет), разделенных на 3 группы: с выраженной мотивацией достижения (МД), с выраженной мотивацией избегания неудачи, с невыраженным мотивационным полюсом. Анализ результатов респондентов по методике Ч. Осгуда «Семантический дифференциал» и проективной рисуночной методике «Нарисуй время» выявил различия данных групп по таким показателям, как представления о настоящем, эмоциональный знак оценок образа времени и его составляющих, уровень концепции времени, форма изображения времени, соотношение оценок настоящего и будущего. Сделан вывод, что представление респондентов о времени может служить предиктором МД; полученные данные могут быть использованы в психодиагностике и консультативно-психологической помощи школьникам и студентам.

Ключевые слова: мотивация достижения, мотивация избегания неудач, представление о времени и его составляющих, школьники, студенты.

Results of research of ideas of time are given in article at 63 schoolchildren (14—16 years) and 68 students (21—23 years), divided into 3 groups: with the expressed motivation of achievement (MD), with the expressed motivation of avoiding of failure, with not expressed motivational pole. The analysis of results of respondents by C. Osgud's technique «Semantic differential» and a projective technique «Draw time» revealed distinctions of data of groups on such indicators, as ideas of the present, an emotional sign of estimates of an image of time and its components, level of the concept of time, a form of the image of time, a ratio of estimates of the present and the future. The conclusion is drawn that idea of respondents of time can serve prediktory MD; the obtained data can be used in psychodiagnostics and consultative psychological aid to schoolchildren and students.

Key words: achievement motivation, motivation of avoiding of failure, idea of time and its components, schoolchildren, students.

На фоне все ускоряющегося темпа жизни человеку, стремящемуся к достижению какой-либо цели, необходимо уметь планировать свое время, использовать его продуктивно, самостоятельно распре-

Денисова Татьяна Николаевна — канд. психол. наук, доцент, ст. науч. сотр. кафедры психологии Вологодского гос. пед. ун-та. *E-mail:* tnd2@mail.ru

делять в условиях, когда строгая внешняя детерминация отсутствует. Отечественные и зарубежные авторы подчеркивают, что лица с более глубокой временной перспективой более эффективны в трудовой деятельности, более психически стабильны (Денисова, 2008; Нюттен, 2004; Simons, 2004). В ряде исследований демонстрируется важная роль представления о времени в мотивации социальных целей (De Wall, 2006).

В любой области жизнедеятельности человека временные характеристики играют существенную роль, но особое значение они приобретают, когда человек стремится достичь успеха.

Научное толкование мотивации достижения (МД) началось в 1938 г., когда Г. Мюррей включил мотив достижения в список основных потребностей под именем «потребность достижения». В дальнейшем Д. Макклелланд и Х. Хекхаузен выявили две независимые тенденции: стремление к успеху и стремление избежать неудачи. Согласно Х. Хекхаузену, мотивация достижения может быть определена как попытка увеличить или сохранить максимально высокими способности человека ко всем видам деятельности, к которым могут быть применены критерии успешности и где выполнение может привести или к успеху, или к неудаче (Хекхаузен, 2001). Мотив избегания — личностная диспозиция, побуждающая субъекта действовать так, чтобы избежать неудачи в любой ситуации либо в ситуации, где избегание является наиболее выгодной стратегией поведения (особенно, если результаты деятельности воспринимаются и оцениваются другими людьми). Мотивация достижения направлена на определенный конечный результат, получаемый благодаря собственным особенностям человека. Она подталкивает к «естественному» результату ряда связанных друг с другом действий. Предполагается четкая последовательность серии операций, производимых одна за другой. Для мотивации достижения характерен постоянный пересмотр целей. Х. Хекхаузен считал, что данная характеристика мотивации достижения важна, так как цепь действий, направленных на достижение цели, может прерываться на какое-то время, иногда на месяцы или годы. Также важной характеристикой, по его мнению, является постоянное возвращение к прерванному занятию. Значимая, отдаленная во времени цель в большей степени способна стимулировать деятельность человека с развитым мотивом достижения успеха, чем с выраженным мотивом избегания неудачи.

Х. Хекхаузен полагал, что МД является надежным предиктором успехов в школе и вузе, а также успешности в бизнесе и других профессиях. Люди, мотивированные на успех, проявляют большую настойчивость в достижении поставленных целей; они способны правильнее оценивать свои возможности, успехи и неудачи. Люди, ориентированные на неудачи, напротив, склонны игнорировать

объективную информацию о своих способностях, имеют завышенную или заниженную самооценку, нереалистичный уровень притязаний.

Закрепление мотивационной тенденции, усвоение стиля деятельности и моделей поведения, направленных на достижение успеха, происходит в возрастных периодах, связанных с началом и развитием профессионального самоопределения, — в ранней юности и молодости.

Имеющиеся исследования в области изучения мотивации достижения (МД) и времени показывают, что сильно мотивированный на достижения индивид ориентируется на будущее время; при этом будущее представляется ему как активное продолжение настоящего и прошлого (Нюттен, 2004). Доказательства связи временной перспективы и мотивации человека представлены у Т. Гьесме (Gjesme, 1981). Он показал, что ориентированные на достижения лица имеют более выраженную временную перспективу, по сравнению с людьми, ориентированными на избегание. Выявлено также, что индивиды с выраженной МД склонны выбирать для оценок времени метафоры, отражающие скоростные, динамические характеристики (Головаха, Кроник, 2008). Хекхаузен отмечал, что мотивированные на успех испытуемые рассматривали время как целенаправленное, быстрое движение, тогда как ориентированные на неудачу видели в нем бесцельный, непрерывный поток (Хекхаузен, 2001).

Таким образом, связь МД с временными характеристиками деятельности, представлением о времени, необходимостью удерживать в сознании опыт прошлого и цели будущего, проявляя активность в настоящем, представляется очевидной. Но связь представлений о времени людей, мотивированных на успех или ориентированных на избегание неудачи, изучалась мало.

Описываемое далее исследование является частью более объемного исследования временной составляющей образа мира субъекта, ее значения и содержания на различных стадиях возрастного и профессионального развития. **Задача** данного сообщения состоит в выявлении особенностей представлений о времени у респондентов (школьников и студентов) с разной степенью выраженности МД или мотивации избегания неудач вне зависимости от их возрастного статуса (хотя вопрос возрастной динамики связи представлений о времени и МД частично затрагивается).

В исследовании использовались следующие **методики**. Для диагностики МД — опросники «Мотивация к успеху» (Т. Элерс), «Мотивация к избеганию неудач» (Т. Элерс), «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (А.А. Реан). Для диагностики представления о времени — 25-шкальный семантический дифференциал Ч. Осгуда (испытуемым предлагалось оценить понятия «Время», «Прошлое», «Настоящее» и

«Будущее») и проективная методика «Нарисуй время» (предлагалось нарисовать время в виде любого образа и разделить рисунок на три части — прошлое, настоящее и будущее). В ряде психологических исследований описан успешный опыт применения рисунка времени для выявления актуальной для субъекта идеи времени (см., напр.: Практикум..., 2003, с. 273—296).

Статистическая значимость различий проверялась с помощью критерия χ^2 Пирсона.

Выборка. В исследовании приняли участие 68 студентов 5-го курса различных факультетов Вологодского государственного пединститута (мужского пола — 32 человека, женского — 36) в возрасте 21—23 лет и 63 ученика (33 — женского пола и 30 — мужского) средней общеобразовательной школы (г. Вологда) в возрасте 14—16 лет.

По результатам диагностики МД респонденты были разделены на три группы: группа 1 — с выраженной МД (по всем опросникам), включающая две подгруппы: С-1 — студенты (34) и Ш-1 — школьники (17); группа 2 — с выраженной мотивацией избегания неудачи (по всем опросникам), включающая две подгруппы: С-2 — студенты (18) и Ш-2 — школьники (26); группа 3 — с невыраженным мотивационным полюсом, включающая две подгруппы: С-3 — студенты (16) и Ш-3 — школьники (20). В эту группу вошли респонденты, в чьих показателях есть противоречие (по одному из опросников выявлена МД, по другому — мотивация избегания неудач), и респонденты, показавшие средние баллы по всем опросникам.

Анализ результатов

1. С помощью **методики семантического дифференциала** были выделены семантические универсалии времени и его составляющих. Семантической универсалией называется список выделенных для данного стимула координат, одинаково оцениваемых значимым большинством однородной группы испытуемых (Артемьева, 1999). Для группы от 25 человек интервал значимости составляет 75%, от 20 до 25 — 80%, от 15 до 19 человек — 90%. Анализ семантических универсалий, представленных в табл. 1, позволяет выделить особенности семантического оценивания времени и его составляющих, характерные для представителей трех групп.

Образ времени в группе 1 — с выраженной мотивацией достижения успеха. В подгруппе С-1, в отличие от всех других подгрупп, отчетливо выражены групповая согласованность оценок и большое количество инвариантных (устойчивых) характеристик времени и его составляющих, что, возможно, отражает способность мотивированных на достижение успеха студентов успешно синхронизироваться с темпами и ритмами окружающего мира. Поскольку в исследовании принимали участие студенты разных факультетов, мы

Таблица 1

**Характеристики времени и его составляющих, вошедшие
в семантические универсалии**

Группа	Оцениваемые понятия							
	Время		Прошлое		Настоящее		Будущее	
	Качество	% исп.	Качество	% исп.	Качество	% исп.	Качество	% исп.
Ш-1 Интервал 90%	Дорогое	94			Активное	94	Легкое	94
	Любимое	76			Быстрое	94	Радостное	94
	Умное	76			Жизнера- достное	76	Большое	82
					Шершавое	76	Активное	76
							Горячее	76
С-1 Интервал 75%	Приятное	100	Приятное	85	Активное	94	Сильное	91
	Сильное	97	Доброе	82	Быстрое	94	Умное	88
	Дорогое	91	Хорошее	82	Любимое	94	Приятное	88
	Быстрое	91			Родное	91	Хорошее	85
	Радостное	88			Жизнера- достное	88	Светлое	85
	Активное	85			Дорогое	85	Большое	85
	Хорошее	85			Умное	85	Острое	82
	Любимое	85			Горячее	82	Легкое	79
	Жизнера- достное	85			Приятное	82	Доброе	76
	Чистое	85			Радостное	82	Активное	76
	Умное	85			Свежее	82		
	Свежее	82			Сильное	82		
	Светлое	79			Хорошее	82		
	Доброе	76			Светлое	79		
Большое	76							
Ш-2 Интервал 75%	Дорогое	96					Хорошее	81
	Быстрое	88					Светлое	81
	Активное	84					Радостное	81
	Сложное	81					Жизнера- достное	81
							Активное	81
							Сильное	77
							Родное	77

Группа	Оцениваемые понятия							
	Время		Прошлое		Настоящее		Будущее	
	Качество	% исп.	Качество	% исп.	Качество	% исп.	Качество	% исп.
С-2 Интервал 90%	<i>Хорошее</i>	78	<i>Дорогое</i>	89	<i>Сильное</i>	81	<i>Сильное</i>	89
	<i>Сильное</i>	78	<i>Хорошее</i>	83	<i>Жизнерадостное</i>	81	<i>Приятное</i>	78
	<i>Дорогое</i>	78	<i>Радостное</i>	83	<i>Дорогое</i>	81	<i>Жизнерадостное</i>	78
			<i>Приятное</i>	83				
Ш-3 Интервал 80%					<i>Дорогое</i>	80	<i>Чистое</i>	80
							<i>Светлое</i>	80
							<i>Свежее</i>	75
							<i>Радостное</i>	75
							<i>Приятное</i>	75
							<i>Активное</i>	75
С-3 Интервал 90%	<i>Активное</i>	81	<i>Активное</i>	88	<i>Активное</i>	88	<i>Активное</i>	88
	<i>Приятное</i>	81	<i>Радостное</i>	88	<i>Приятное</i>	88	<i>Большое</i>	88
	<i>Свежее</i>	75	<i>Приятное</i>	75	<i>Быстрое</i>	81	<i>Жизнерадостное</i>	81
	<i>Сильное</i>	75			<i>Напряженное</i>	75	<i>Приятное</i>	81
					<i>Сложное</i>	75	<i>Свежее</i>	75
							<i>Светлое</i>	75
							<i>Хорошее</i>	75

Примечание. Курсивом выделены характеристики времени и его составляющих, которые не вошли в групповые семантические универсалии на статистически значимом уровне, но были выявлены на уровне тенденции (оценены не менее, чем 75% испытуемых).

не можем говорить о конкретной профессиональной направленности в оценках времени. Это может стать задачей дальнейших исследований. Открытым также остается вопрос: проявляется ли эта высокая групповая согласованность только в отношении представления о времени или это свидетельствует о психосемантическом единстве оценок всех объектов мира у лиц с высокой МД (или, еще шире, у лиц с определенными личностными характеристиками)?

Студенты (на статистически значимом уровне) и школьники (на уровне тенденции) группы 1 используют те характеристики времени и его компонентов, которых нет у представителей групп 2 и 3, — го-

рячее, острое, шершавое. Использование этих явно кинестетических характеристик может говорить о том, что время «ощущается» ими на уровне тела, проецируется на телесный образ Я. Можно предположить также, что эта особенность связана с такими свойствами стремящихся к успеху лиц, как отсутствие страха перед препятствиями, способность идти на риск, принятие жизни во всей ее полноте, со всеми сложностями и трудностями, ведь одновременно присутствуют позитивные характеристики: легкое, радостное, любимое, приятное и т.п. В оценках группы 1 присутствуют и другие качества времени и его составляющих (умное, большое, любимое, доброе), которых нет в оценках представителей других групп. Это может отражать как доверие к миру («мир добр ко мне»), так и больший «семантический потенциал» лиц с МД, т.е. косвенно подчеркивает лучшую развитость их когнитивной сферы, ассоциативного мышления.

Подгруппа С-1 — единственная, представители которой значимо согласованно оценили прошлое. Этот факт вполне согласуется с приведенными выше положениями Х. Хекхаузена о том, что лица с МД могут прерывать достижение цели на определенное время и впоследствии возвращаться к ее реализации. Эта особенность безусловно предполагает память о прошлом. Попутно заметим, что ни в одной подгруппе школьников не выделяются значимые (или хотя бы на уровне тенденции) характеристики прошлого, что можно объяснить возрастным «невниманием» к этой составляющей времени, вне зависимости от степени выраженности МД. Настоящее значимо быстрое (и у школьников, и у студентов) и активное, т.е. динамичное, развивающееся.

В оценках подгруппы Ш-1 видна более четкая связь между настоящим и будущим, чем в подгруппах Ш-2 и Ш-3. Известно, что в силу проблематичности поступления в институт, у старшеклассников между настоящим и будущим возникает своеобразная психологически труднопреодолимая «полоса неопределенности», которая требует особых личностных усилий — мотивационных, эмоциональных, деятельностных, чтобы «протянуть нить» из настоящего в будущее. Ш-1, скорее всего, в большей степени способны на эти усилия, чем Ш-2 и Ш-3.

Таким образом, респондентам с выраженной МД в большей степени, чем респондентам с мотивацией избегания и с невыраженным мотивационным полюсом, присуще представление о времени как об активном, глобальном, крупномасштабном, разностороннем, многогранном, динамичном явлении. Настоящее они представляют более активным, быстрым и вместе с тем позитивно эмоционально окрашенным. Возможно, это проекция собственных личностных характеристик на оцениваемое понятие. У представителей данной группы в большей степени, чем у представителей других групп,

прослеживается логика временных переходов, что может означать их способность учитывать опыт прошлого, строить адекватные планы и прогнозы на будущее, проявляя активность в настоящем. Из активного, позитивно окрашенного настоящего следует такое же будущее, присутствует логика развития от прошлого, через настоящее в будущее.

Образ времени в группе 2 — с выраженной мотивацией избегания неудачи. В оценках представителей группы 2 отсутствуют значимые характеристики прошлого и настоящего (см. табл. 1), т.е. нарушается последовательность времени. Обращает на себя внимание и другой важный факт: С-2 не наделяют время и его компоненты активностью. Они же (на уровне тенденции) придают больше позитива прошлому, чем настоящему и даже будущему, что не характерно для возрастной нормы. Прошлое воспринимается С-2 как более счастливый и более наполненный положительными переживаниями период, чем настоящее и возможное будущее. Ш-2 наделяют будущее позитивными, эмоционально-окрашенными характеристиками при отсутствии значимых характеристик прошлого и настоящего, что может отражать их неоправданный оптимизм (фантазирование, мечтания, своеобразную «маниловщину»), не подкрепленный активной деятельностью в настоящем. Можно сказать, что они планируют активность в будущем, откладывают все «на потом». Оценивая время, они отмечают его сложность (в отличие от представителей других групп).

Таким образом, в оценках представителей группы с выраженной мотивацией избегания неудач нарушена временная последовательность, отсутствует активность настоящего, позитивный акцент переносится либо на прошлое, либо на будущее.

Подобные особенности представлений о времени могут отражать определенную невротическую predisposition респондентов (слабые адаптивные способности, инфантильность, неуверенность в себе, личностную пассивность) и являться мишенью психокоррекционного воздействия. Схожие результаты были получены нами на выборке лиц с невротическими расстройствами: нарушения временной последовательности, отсутствие активности настоящего, позитивная оценка прошлого, чрезмерно оптимистичное будущее (Денисова, 2008). Задача консультирования в таком случае может состоять в том, чтобы «обратить взор клиента в будущее, продемонстрировав ему связь между поведением в настоящем, отдаленными целями и прошлым опытом» (Нюттен, 2004, с. 378), т.е. помочь обрести *временную компетентность* («темпоральную неразрывность и интеграцию событий») (там же).

Образ времени в группе 3 — с невыраженным мотивационным полюсом. В оценках подгруппы Ш-3 присутствуют только три значи-

мые характеристики настоящего и будущего (см. табл. 1). В подгруппе С-3 семантические универсалии отсутствуют при оценке *всех* понятий, хотя на уровне тенденции отмечается такая важная характеристика времени, как активность, и даются его эмоционально-позитивные характеристики. При этом у С-3 выявляется более негативное восприятие настоящего, по сравнению с прошлым и будущим. Настоящее (на уровне тенденции) — напряженное и сложное, т.е. чем-то тяготит. Косвенно это подчеркивает психическое напряжение респондентов данной подгруппы. Действительно, противоречивое сочетание разнонаправленных тенденций не может не привести к хроническому внутреннему напряжению, что и проецируется на оценки настоящего. У Ш-3 определенным является только будущее; представления о прошлом, настоящем и самом времени размыты, неопределенны. Неопределенным является и мотивационный полюс, и представление о времени. Будущее представляется школьникам достаточно позитивно окрашенным и активным (на уровне тенденции), но, как и у представителей группы 2, оно не детерминировано активным настоящим.

Таким образом, в оценках представителей группы с невыраженным мотивационным полюсом в целом проявляется неопределенность; семантические универсалии практически отсутствуют. Настоящее активно, но при этом является напряженным и сложным (у студентов на уровне тенденции) либо практически не является значимым (у школьников); будущее при этом позитивно окрашено и активно (на уровне тенденции).

2. Для выявления неосознаваемых компонентов представления о времени применялась **проективная методика «Нарисуй время»**. Рисунки интерпретировались как по классическим параметрам интерпретации проективных рисунков (размер рисунка, количество цветов), так и специфическим, связанным с предметом исследования (уровень концепции времени).

Мы предположили, что для лиц с выраженной МД значимость времени, временная последовательность, понимание времени как бесконечного, динамичного явления будут выражаться в рисунке (а) изображением большего размера, (б) использованием большего количества цветов, (в) более высоким уровнем концепции времени. Проанализируем данные, представленные в табл. 2.

Величина рисунка. С-1 значимо чаще используют крупные рисунки и значимо реже мелкие, чем С-3 ($\chi^2=16.92$, $p\leq 0.01$) и, на уровне тенденции, чаще, чем С-2. Ш-1 значимо чаще используют крупные рисунки и значимо реже мелкие, чем Ш-2 ($\chi^2=11.77$, $p\leq 0.05$) и Ш-3 ($\chi^2=28.93$, $p\leq 0.001$). Таким образом, студенты (на уровне тенденции) и школьники (на статистически значимом уровне) с МД чаще изображают время больших размеров, чем студенты и школьники с мотивацией избегания неудачи. Все представители группы 1 значи-

Методика «Нарисуй время»: распределение (%) респондентов в зависимости от размера рисунка, количества использованных цветов и уровня концепции времени

Показатель		Подгруппы					
		С-1	Ш-1	С-2	Ш-2	С-3	Ш-3
Размер рисунка	Весь лист	54	24	44	14	27	20
	¾ листа	12	24	9	12	12	25
	½ листа	10	6	11	12	19	30
	⅓-¼ листа	14	22	22	35	27	20
	⅛ листа и меньше	10	24	14	27	15	5
Количество цветов	1	3	0	11	8	6	0
	2	9	12	22	26	13	0
	3—4	35	41	39	42	31	60
	5	21	12	22	12	25	20
	6 и более	32	35	6	12	25	20
Уровни концепции времени	Точечное	3	18	33	31	0	40
	Циклическое	68	70	67	69	81	60
	Глобальное	29	12	0	0	19	0

мо чаще изображают время больших размеров, чем представители группы с невыраженным мотивационным полюсом.

Количество цветов, используемых при рисовании (см. табл. 2). Всем испытуемым предлагался стандартный набор из 12 восковых мелков. С-1 значимо чаще используют большее количество цветов, чем С-2 ($\chi^2=28.05$, $p\leq 0.001$) и на уровне тенденции чаще, чем С-3; Ш-1 значимо чаще используют большее количество цветов, чем Ш-2 ($\chi^2=24.43$, $p\leq 0.001$) и Ш-3 ($\chi^2=21.16$, $p\leq 0.001$). Ш-3 и С-3 значимо чаще используют большее количество цветов, чем Ш-2 и С-2 ($\chi^2=41.18$, $p\leq 0.001$ и 16.54 , $p\leq 0.01$ соответственно). Таким образом, меньшее количество цветов значимо чаще, чем представители других групп, используют представители группы с выраженной мотивацией избегания неудачи; значимо большее количество цветов, чем представители других групп, используют представители группы с высокой МД.

Уровень концепции времени. При анализе и интерпретации эмпирических данных применялась концепция трехуровневого времени, согласно которой субъект может представлять время как точечное, циклическое или глобальное (Денисова, 2002). Первоначально эти уровни были выделены нами путем анализа большого количества рисунков времени. Для разделения рисунков на группы в соответствии с уровнем концепции времени применялся метод экспертных оценок.

Характеристики времени, являющиеся параметрами выделения уровней концепции времени: конечное или бесконечное; личное или надличностное; объемное (многомерное) или плоское; включающее все составляющие (прошлое, настоящее, будущее) или не включающее (пропуск составляющих); с последовательным переходом прошлое— настоящее— будущее или с нарушением этой последовательности; динамичное (развивающееся, движущееся) или статичное. Было выявлено, что субъект с концепцией точечного времени недостаточно анализирует прошлый опыт, слаб в планировании, не эффективен в понимании причинно-следственных связей. В его представлении время конечно, часто непоследовательно, «разорвано», представляет собой отдельные хронологические интервалы и события сами по себе, без их взаимосвязей. Циклическое время — это замкнутый цикл, который повторяется до бесконечности. Внутри цикла есть развитие от прошлого к будущему, но нет развития от цикла к циклу. Субъект с концепцией циклического времени способен опираться на прошлый опыт и планировать будущее, но в ограниченных пределах. Субъекту с концепцией глобального времени время представляется бесконечным, объемным (многомерным), надличностным, последовательным, динамичным. Было эмпирически доказано, что чем выше уровень концепции времени, тем успешнее учебная либо трудовая деятельность субъекта, его социальная адаптация и психическая стабильность (Денисова, 2008). В настоящем исследовании пять экспертов-психологов разделили рисунки на три группы (см. табл. 2).

Уровень глобального времени имеется только в рисунках группы 1. В группе 2 время не представляется глобальным даже студентам, а в группе 3 отмечается только у студентов, что свидетельствует о том, что школьники и студенты, мотивированные на достижение успеха, более склонны к интеграции прошлого, настоящего и будущего, т.е. обладают большей временной компетентностью.

Статистический анализ показал, что студенты и школьники с МД значимо чаще представляют время как глобальное и значимо реже — как точечное, чем студенты и школьники с мотивацией избегания ($\chi^2=54.01$, $p\leq 0.001$ и 15.46 , $p\leq 0.01$ соответственно). Ш-1 значимо чаще представляют время как глобальное и значимо реже — как точечное, чем школьники с невыраженным мотивационным полюсом ($\chi^2=21.11$, $p\leq 0.001$). Студенты с МД на уровне тенденции чаще представляют время как глобальное, чем студенты с невыраженным мотивационным полюсом.

Таким образом, данные, полученные в результате применения методики «Нарисуй время», позволяют утверждать, что студенты и школьники с выраженной МД значимо чаще, чем представители двух других групп, представляют время больших размеров (что согласуется с результатами семантического оценивания: характеристика

«большое» присутствует в семантических универсалиях времени и его компонентов только в оценках представителей группы 1), более многогранным, последовательным, бесконечным, динамичным.

Итак, анализ результатов респондентов по методике Ч. Остуда «Семантический дифференциал» и методике «Нарисуй время» показал, что представления о времени в группах с разной выраженностью мотивации достижения различаются по таким показателям, как представления о настоящем, эмоциональный знак оценок образа времени и его составляющих, уровень концепции времени, форма изображения времени, соотношение оценок прошлого, настоящего и будущего. Полученные данные могут быть использованы в психодиагностике и психологическом консультировании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Смысл, 1999. [Artemieva E.Yu. (1999). *Osnovi psihologii sub'ektivnoy semantiki*. Moskva: Smysl]

Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. М.: Смысл, 2008. [Golovakha E.I., Kronik A.A. (2008). *Psihologicheskoye vremya lichnosti*. Moskva: Smysl]

Денисова Т.Н. Отношение ко времени лиц с сохранной и нарушенной (временно или стойко) трудоспособностью // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2002. № 3. С. 38—44. [Denisova T.N. (2002). *Otnosheniye ko vremeni lits s sohrannoy i narushennoy (vremenno ili stoyko) trudosposobnost'yu*. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 3, 38—44]

Денисова Т.Н. Время в образе мира человека: норма и патология. Вологда: ВГПУ, 2008. [Denisova T.N. (2008). *Vremya v obraze mira cheloveka: norma i patologiya*. Vologda: VGPU]

Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. [Nyutten Zh. (2004). *Motivatsiya, deystviye i perspektiva budushchego* / Pod red. D.A. Leontieva. Moskva: Smysl]

Практикум по инженерной психологии и эргономике / Под ред. Ю.К. Стрелкова. М.: Академия, 2003. [Praktikum po inzhenernoy psihologii i ergonomike (2003) / Pod red. Yu.K. Strelkova. Moskva: Akademiya]

Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения. СПб.: Речь, 2001. [Hekhauzen H. (2001). *Psikhologiya motivatsii dostizheniya*. Sankt-Peterburg: Rech']

De Wall, C. (2006). Openness to Attitude Change as a Function of Temporal Perspective. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 32, 8, 1010—1023

Gjesme, T. (1981). Is there in Future in Achievement Motivation? *Motivation and Emotion*, 2, 115—138

Simons, J. (2004). Placing Motivation and Future Time Perspective Theory in a Temporal Perspective. *School Psychology Review*, 16, 2, 121—139

Поступила в редакцию
19.12.11

П. А. Семянищева

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРЕССА В СИТУАЦИИ ОТРАСЛЕВЫХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ (НА КОНТИНГЕНТЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ)

В статье представлены результаты исследования совладающего поведения (СП) военнослужащих (42 офицеров) на начальном этапе реформирования Вооруженных Сил РФ. Определены основные стресс-факторы профессиональной деятельности и организационной среды, проанализированы мотивационные ресурсы преодоления стресса и часто применяемые модели СП, дана характеристика особенностей субъективной оценки качества жизни военнослужащих в период проведения реформ. Показано, что различия в отношении военнослужащих к социально-экономической обстановке и инновационным преобразованиям в армии взаимосвязаны с эффективностью актуализируемых моделей СП; в качестве косвенного показателя эффективности функционирования данных моделей выступает уровень удовлетворенности работой. Установлено, что опорными ресурсами успешного преодоления инновационного стресса для военнослужащих являются мотивационная ориентация на сохранение себя в выбранной профессии и социально ориентированные модели СП.

Ключевые слова: профессиональный стресс, ресурсы преодоления стресса, совладающее поведение (СП), отраслевые и организационные инновации, удовлетворенность работой, качество жизни.

This article presents the study of military personnel coping behaviour during the first stage the Armed Forces reforming. The investigation of the main stress factors in organizational environment, description of the frequently used coping behaviour models, perception of the quality of life and overall situation in the army have been done. The results show that the different perception of the socio-economic situation and innovation processes connected with the coping models efficiency, which is indirectly reflected in the job satisfaction level. The supporting coping resources are: motivational trend to continue chosen professional activity and socially oriented coping behaviour.

Key words: occupational stress, coping resources, coping behavior, branch-wise and organizational innovations, work satisfactions, quality of life.

Семянищева Полина Андреевна — аспирант кафедры психологии труда и инженерной психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* polina-du@mail.ru

Работа выполнена под руководством канд. психол. наук А.С. Кузнецовой.

Актуальность изучения психологических копинг-ресурсов, или ресурсов *совладающего поведения* (СП), в условиях широкомасштабных отраслевых и организационных преобразований обусловлена задачами выявления системных механизмов адаптивной саморегуляции функциональных состояний профессионалов. В настоящее время во многих отраслях общественной жизни высокая степень динамичности инновационной организационной среды связана с постоянным обновлением требований к специалисту с точки зрения его соответствия изменениям в содержании и условиях труда (Зинченко, 2011). При этом высокая степень инновационной готовности и проактивная позиция профессионала способствует более успешной адаптации к условиям инновационного стресса (Кузнецова, 2011; Леонова и др., 2012; Либина, 2008; Leonova, 1996; Leonova et al., 2010).

Ресурсы преодоления стресса интерпретируются как внешние и внутренние возможности, которые человек использует для предотвращения или преодоления стрессовых состояний (Крюкова, 2007; Постылякова, 2010). К внешним ресурсам СП относятся социальная поддержка, материальное благополучие, удовлетворяющие человека условия жизни; к внутренним — хорошее состояние здоровья, продуктивный жизненный опыт, мотивационная направленность на преодоление стресса, широкий спектр физиологических и психологических возможностей, позволяющих успешно противостоять действию стрессогенных факторов, а также удовлетворенность трудом и успешная самореализация в выбранной профессии (Бодров, 2010; Крюкова, 2007; Леонова, 2007; Либина, 2008; Hobfoll, 2001; Schwarzer, Scholz, 2000).

В некоторых видах труда значительную роль в успешной профессиональной адаптации к действию профессиональных и организационных стрессоров играют мотивационные ресурсы, источниками которых являются осознание общественной ценности результатов своего труда, сохранность ожиданий от полученной профессии, стремление развиваться в выбранной сфере (Постылякова, 2010). К таким видам профессионального труда традиционно относили и специалистов Вооруженных Сил (ВС) (Лопань, 2004; Филимонов, 2002). Настоящее исследование, выполненное на профессиональном контингенте военнослужащих, посвящено анализу мотивационных, поведенческих и социальных ресурсов СП в процессе проведения широкомасштабных реформ.

14 октября 2008 г. Министерство обороны РФ анонсировало начало очередного реформирования российской армии с целью повышения способности ВС противостоять современным военным угрозам. Указом Президента РФ от 29.12.2008 г. № 1878 «О некоторых вопросах Вооруженных Сил Российской Федерации» была установле-

на штатная численность войск в один миллион человек; количество офицерских должностей планировалось снизить до 15% от общей численности военнослужащих. Основной идеей реформ стало сохранение наиболее подготовленных и мотивированных на службу кадров, а также повышение их денежного довольствия. В связи с этим в конце 2008 г. началась массовая аттестация военнослужащих (Приказ Министра обороны Российской Федерации от 2.08.2008 г. № 400 «О награждении деньгами офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации»). На момент исследования специалисты в системе ВС вследствие недостаточной информированности и отсутствия психологической готовности к радикальным переменам переживали психологическое давление фактора неопределенности и находились под действием инновационного стресса, что важно учитывать при анализе основных стресс-факторов труда офицеров.

Цель и задачи исследования

Цель: анализ особенностей субъективной оценки военнослужащими качества своей жизни и степени стрессогенности факторов организационной среды как основы для выявления степени эффективности актуализируемых моделей СП в условиях реформы. *Предмет исследования:* субъективные представления об основных профессиональных и жизненных стресс-факторах и степень эффективности используемых средств преодоления стрессового состояния.

Основные задачи исследования: 1. Анализ субъективного образа качества жизни (КЖ) и стрессогенных факторов труда обследуемых специалистов. 2. Анализ удовлетворенности работой как результирующей характеристики степени эффективности СП. 3. Выявление особенностей СП в сложившейся социально-экономической ситуации на этапе кадровой реформы.

Методика

С целью сбора эмпирических данных был сформирован диагностический пакет, включающий несколько методик. Изучение показателей удовлетворенности работой, оценки КЖ, уровня и причин стресса с последующей интерпретацией их роли в актуализации конкретных ресурсов СП проводилось при помощи опросника «Оценка качества жизни» И.А. Гундарова и А.А. Полесского (Практикум..., 2005), опросника трудового стресса Ч. Спилбергера в адаптации А.Б. Леоновой и С.Б. Величковой (2002) и анкеты «Оценка удовлетворенности работой» В.А. Розановой (Верещагина, 2003).

Для изучения содержательных характеристик СП с целью последующего их сопоставления с особенностями труда были выбраны опросники: «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (КПСС —

CISS) Н. Эндлера и Дж. Паркера в адаптации Т.Л. Крюковой (2007) и «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла в адаптации Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой (2003). В данных методиках испытуемым предлагается оценить по 5-балльной шкале особенности своего обычного поведения и типичные переживания в различных напряженных (стрессовых) ситуациях. При этом первый опросник измеряет три основных стиля СП: проблемно-ориентированный копинг (ПОК), эмоционально-ориентированный копинг (ЭОК), копинг, ориентированный на избегание (КОИ); второй опросник построен на основе многоосевой модели СП, предполагающей выявление 9 моделей поведения в условиях стресса. Обе методики были включены в диагностический пакет с целью выявления особенностей, относящихся к различным уровням реализации СП.

Процедура. Заполнение методик происходило на условиях полной анонимности и конфиденциальности. Участникам предлагался конверт, в котором содержались анкета для получения общих сведений о человеке и бланки методик с инструкциями. По желанию могла быть дана обратная связь по индивидуальным результатам участника (при условии сообщения кодового обозначения, отмеченного в анкете). Особых ограничений по времени и месту заполнения методик не давалось. Полученные данные обрабатывались при помощи статистического пакета SPSS 16.0 для Windows.

Выборка. В исследовании приняли участие 42 офицера ВС со средним сроком выслуги 7 лет. Все респонденты мужчины в возрасте 20—29 лет с высшим профессиональным образованием; на момент исследования 18 состояли в браке, 7 из них имели детей.

Анализ результатов

Обработка и интерпретация данных были проведены в два этапа: (1) анализ особенностей СП всей выборки респондентов и (2) сравнение СП в группах обследуемых с высокой и низкой удовлетворенностью своей работой.

1. Особенности СП всей выборки респондентов. На основании результатов заполнения опросника трудового стресса для всей выборки военнослужащих было выделено 19 основных стресс-факторов трудовой деятельности и организационной среды. С помощью факторного анализа было выявлено 6 укрупненных блоков, объединяющих субъективно значимые факторы развития трудового стресса: «неравномерность нагрузки и жесткие сроки выполнения задач», «невыполнение коллегами своих обязанностей», «ограниченные возможности продвижения по службе», «высокая ответственность при работе на неподходящем оборудовании», «отсутствие позитивной обратной связи в трудных профессиональных ситуациях» и «неприятная или сверхурочная нагрузка». Корреляционный анализ

взаимосвязей данных блоков с индексом неудовлетворенности работой показал, что последние два фактора наиболее сильно связаны с уровнем неудовлетворенности офицеров своей работой (коэффициент корреляции Спирмена составил 0.306, $p=0.048$ и 0.500, $p=0.001$ соответственно). При этом в целом по выборке показатель неудовлетворенности работой составил 39.21 ($\sigma=8.924$) балла из 70 возможных, что несколько превышает средний уровень по шкале, рассчитанной на любую группу работников (Верещагина, 2003).

Данные результаты с учетом специфики протекания процесса кадровых реформ можно предположительно интерпретировать следующим образом: в условиях инновационных преобразований переживание ситуаций неопределенности в оценке перспектив своего профессионального будущего, отсутствие ясности в оплате труда, страх увольнения из ВС выступают как основные источники неудовлетворенности работой. Кадровые реформы повлекли за собой пессимистическое отношение к переменам, во многом связанное с недостаточной информированностью о происходящих изменениях.

Далее было выявлено, что неудовлетворенность трудом связана с субъективным восприятием КЖ обследуемых. Корреляционный анализ показал, что наиболее сильно неудовлетворенность работой связана с оценкой показателей материального достатка (-0.550 , $p=0.000$), места жительства (-0.372 , $p=0.015$), отдыха (-0.312 , $p=0.045$) и положения в обществе (-0.391 , $p=0.010$).

Исследование представлений обследуемых о характере активизации копинг-ресурсов показало, что применение ПОК выражено на среднем уровне ($M=55.26$, $\sigma=7.673$), а ЭОК активизируется значительно реже ($M=33.38$, $\sigma=8.012$). Интересно, что выше среднего выражен КОИ ($M=45.40$, $\sigma=9.683$). Анализ корреляционных взаимосвязей неудовлетворенности работой с показателями стилей и моделей СП позволил установить значимые связи с моделью поведения, основанной на противопоставлении себя и других (0.352 , $p=0.022$), и ПОК (0.367 , $p=0.017$).

Методом регрессионного анализа было выявлено, что наибольший вклад в степень выраженности неудовлетворенности работой вносят следующие показатели: материальный достаток ($\beta=-0.439$), неприятная или сверхурочная нагрузка ($\beta=0.410$), ПОК ($\beta=0.235$), срок службы ($\beta=-0.166$). Регрессионная модель объясняет 0.584 дисперсии (рис. 1).

Итак, результаты первого этапа исследования продемонстрировали, что обследуемые находятся в трудной жизненной ситуации, вызванной психологической неготовностью к принятию инновационных преобразований, а также объективно трудными условиями жизни и профессионального труда. Можно предположить, что в такой ситуации для отдельных респондентов характерным стало

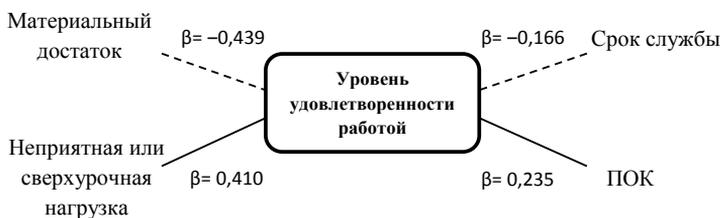

Рис. 1. Регрессионная модель взаимосвязей показателей качества жизни, трудовых стресс-факторов, способов совладания, демографических параметров выборки и неудовлетворенности работой. Сплошной линией показаны прямые связи, штриховой — обратные

стремление разрешить проблему, но по причине невозможности переломить ситуацию и успешно адаптироваться к отраслевым кадровым реформам или же из-за применения недостаточно эффективных моделей СП (в частности, асоциальных действий) восприятие ситуации не изменялось и офицеры оставались неудовлетворенными своей работой.

Полученные результаты позволяют определенным образом понять соотношение копинг-ресурсов и субъективную интерпретацию текущих обстоятельств своей жизни и работы. Начнем с того, что КЖ в целом (работа, семья, бытовые условия, возможность отдохнуть) военнослужащие оценивают как нормальное ($M=65.50$, $\sigma=12.361$). Они высоко оценивают такой внешний ресурс совладания, как наличие социальной поддержки ($M=85.95$, $\sigma=16.829$). Как известно, на выбор человеком способов совладания с трудной ситуацией во многом влияет его отношение к проблеме, а также направленность на ее разрешение, наличие стремления изменить ситуацию (Либина, 2008). Средний уровень неудовлетворенности работой в целом по выборке и наличие некоторой направленности на разрешение проблем позволяют предположить актуализацию у специалистов внутренних, мотивационных ресурсов совладания с инновационным стрессом. При этом результат действия выбранных моделей СП выражается в уровне неудовлетворенности работой, который можно рассматривать как интегративный критерий эффективности функционирования копинг-ресурсов (Леонова и др., 2012).

2. СП у офицеров с высокой и низкой удовлетворенностью своей работой. На втором этапе исследования была поставлена задача выделения наиболее часто актуализируемых стратегий и моделей СП у военнослужащих, удовлетворенных своей работой или имеющих минимальные признаки неудовлетворенности (*группа 1*, 14 человек, показатель неудовлетворенности ≤ 34 баллов), и неудовлетворенных (*группа 2*, 14 человек, показатель неудовлетворенности ≥ 42 баллов).

Корреляционный анализ показал, что в *группе 1* уровень удовлетворенности сильно связан со стресс-фактором необходимости выполнять работу за других (0.573, $p=0.032$). Можно считать, что респонденты этой группы воспринимают свою работу в сложившейся обстановке как привычную и достаточно психологически комфортную, и только выполнение дополнительной работы за других вызывает рост недовольства.

В *группе 2* уровень неудовлетворенности работой связан с выраженностью стресс-факторов наличия неприятных обязанностей и противоречивых поручений (0.540, $p=0.046$) и негативного отношения к организации в целом (0.621, $p=0.018$). Также установлены корреляционные связи с такими показателями субъективной оценки КЖ, как положение в обществе (-0.583, $p=0.029$), работа (-0.641, $p=0.013$), степень удовлетворенности духовных потребностей (-0.634, $p=0.015$), социальная поддержка (-0.690, $p=0.006$), здоровье, благополучие родственников (-0.568, $p=0.034$) и жизнь в целом (-0.612, $p=0.020$). Респонденты данной группы более остро воспринимают действие трудовых стресс-факторов, касающихся содержания работы и восприятия организации в обществе, а также менее высоко оценивают свое КЖ по названным показателям, что, безусловно, не может не влиять на степень неудовлетворенности профессиональным трудом.

Сравнение двух групп по критерию Манна—Уитни показало, что респонденты *группы 2* (неудовлетворенные своей работой) менее высоко оценивают КЖ по параметрам материального достатка ($z=-2.679$, $p=0.007$), района проживания ($z=-2.026$, $p=0.043$) и работы ($z=-1.979$, $p=0.048$). Более стрессовыми для них являются такие факторы давления текущей профессиональной и организационной ситуации, как ограниченные возможности профессионального роста ($z=-3.087$, $p=0.002$), несоответствие поручаемых задач профессиональным обязанностям ($z=-1.959$, $p=0.050$) и несправедливость в оплате труда ($z=-2.187$, $p=0.029$). Для респондентов *группы 1* (удовлетворенных) более стрессовыми являются такие факторы, как необходимость незамедлительно принимать ответственные решения ($z=-2.572$, $p=0.010$), наличие шума и посторонних помех в производственных помещениях ($z=-2.354$, $p=0.019$) и конфликты с другими подразделениями организации ($z=-2.514$, $p=0.012$).

Из приведенных результатов видно, что не вполне удовлетворены работой те военнослужащие, которые менее высоко оценивают возможности профессионального роста, оплату труда, соответствие заданий профессиональным обязанностям, а также в меньшей степени удовлетворены своим статусом, социальной поддержкой и отношением общества к армии, благополучием своей семьи. Удовлетворенные работой офицеры в большей степени беспокоятся по

поводу уровня ответственности за свою работу и межличностных и внешних факторов, мешающих работе.

Что касается степени актуализации различных моделей СП, то результаты показали, что неудовлетворенные работой респонденты чаще активизируют модель СП «асоциальные действия», основанную на противопоставлении себя группе ($M=20.71$, $\sigma=4.428$).

Проанализируем корреляционные связи показателей КЖ, трудовых стресс-факторов и различных моделей СП у респондентов групп 1 и 2.

Группа 1 (удовлетворенные работой). Для представителей этой группы (рис. 2) в большей степени характерны пассивные стратегии преодоления стресса. Так, необходимость выполнять поручения, не соответствующие профессиональным обязанностям, отрицательно коррелирует с применением ассертивной модели поведения. Переживание стрессоров, касающихся повышенной нагрузки, ответственности за работу и отсутствия поддержки руководства, наличие определенного стажа работы связано с использованием ЭОК и КОИ, а также моделей, предполагающих обращение к социуму. Низкая оценка материальных условий и удовлетворения духовных потребностей связана с меньшим применением осторожных и большим использованием импульсивных действий. В данном случае респонденты эмоционально сфокусированы на ситуации, в результате чего в большей мере используют пассивные, прямые и просоциальные стратегии

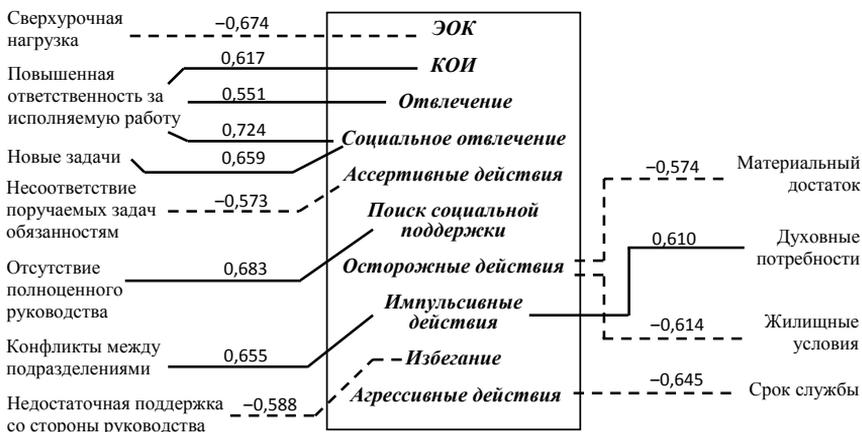

Рис. 2. Модель корреляционных связей эмпирических показателей факторов трудового стресса, оценок КЖ, стратегий и моделей СП по группе 1 (удовлетворенных работой). Уровень значимости полученных связей варьируется в диапазоне 0.002—0.03. Прямые корреляции обозначены сплошной линией, обратные — штриховой

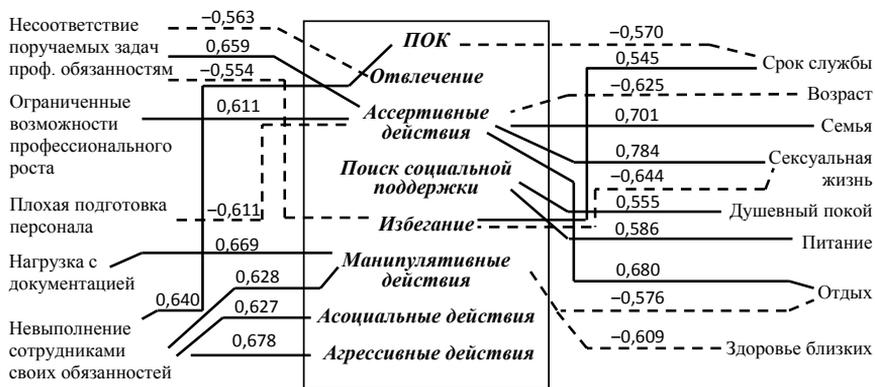

Рис. 3. Модель корреляционных связей эмпирических показателей факторов трудового стресса, оценок КЖ, стратегий и моделей СП в группе 2 (неудовлетворенных работой). Уровень значимости полученных связей варьируется в диапазоне 0.001—0.049. Прямые корреляции обозначены сплошной линией, обратные — штриховой

СП, которые можно признать достаточно успешными, если принять во внимание высокий уровень удовлетворенности работой. Тем не менее отсутствие в репертуаре активных и непрямых стратегий СП не представляется эффективным, так как может быть результатом восприятия затруднительных ситуаций как неконтролируемых и, следовательно, не подразумевающих возможность изменения, в результате чего чаще актуализируются ресурсы ЭОК (Водопьянова, Старченкова, 2003; Практикум..., 2005).

Группа 2 (неудовлетворенные работой). Респонденты данной группы (рис. 3) воспринимают текущую профессиональную ситуацию как доступную для контроля и стремятся к ее активному разрешению. Переживание трудовых стресс-факторов, связанных с содержанием работы, возможностями профессионального роста и качеством работы коллег прямо коррелирует со степенью выраженности проблемно-сфокусированных и непрямых стратегий СП, а также с такой «здоровой» моделью СП, как, например, ассертивные действия. Обратные корреляции получены в отношении избегания и ухода от разрешения проблем. В репертуаре этих респондентов присутствуют и просоциальные действия. Степень актуализации копинг-ресурсов напрямую связана с высокой оценкой КЖ по параметрам «семья», «сексуальная жизнь», «отдых», «душевный покой», «питание». Наряду с активными, непрямыми и просоциальными присутствуют и иные поведенческие программы, включающие агрессивные и асоциальные действия, избегание и отвлечение. При этом частота применения модели КОИ отрицательно связана со сроком службы

респондентов, а использование ПОК и ассертивные действия обратно коррелируют как со сроком службы, так и с возрастом офицеров. Таким образом, можно считать, что для неудовлетворенных работой респондентов характерно более частое обращение к асоциальным и пассивным моделям СП. Возможно, это объясняется интерпретацией офицерами своей профессиональной ситуации как не зависящей от собственных усилий по ее изменению (Водопьянова, Старченкова, 2003; Практикум..., 2005). Следствием постепенного привыкания к таким условиям работы все чаще становится ЭОК.

Выводы

1. Частое применение ЭОК у обследованных военнослужащих связано с несколько пессимистичной оценкой профессиональных и жизненных перспектив на начальном этапе проведения военных реформ. Вместе с тем с целью адаптации к действию инновационных стресс-факторов военнослужащие актуализируют различные ресурсы СП. Они сохраняют мотивационную направленность на продолжение службы в армии; стремятся к развитию и совершенствованию в военной сфере, достижению высокого профессионального статуса. Мотивационная направленность на профессиональное развитие в выбранной сфере в целом по выборке подтверждается умеренно выраженным уровнем неудовлетворенности работой. Мотивационные ресурсы преодоления трудных жизненных ситуаций можно рассматривать как основные в активе СП офицеров.

2. Ориентируясь на преодоление неизбежных в ходе инновационного процесса проблем, военнослужащие проявляют в том числе стили и стратегии активного преодоления ситуации. Эффективность подобных поведенческих проявлений косвенно подтверждается высокими субъективными оценками ряда показателей КЖ у части респондентов. В среднем для обследованной выборки характерна ориентация и на просоциальное СП, что позволяет говорить о значимости социальных ресурсов для преодоления напряженных ситуаций. В то же время часть респондентов также задействуют и менее успешные модели СП — асоциальные, агрессивные, импульсивные действия и избегание. Данные модели копинг-поведения можно считать в целом неэффективными, так как уровень неудовлетворенности работой у применяющих эти модели военнослужащих более высок.

Таким образом, кадровое реформирование в ВС неизбежно приводит к росту напряженности и возникновению дополнительных стресс-факторов в жизни и профессиональной деятельности офицеров-военнослужащих. В зависимости от субъективной оценки степени напряженности сложившейся ситуации актуализируются различные ресурсы совладающего поведения, эффективность функционирования которых отражается на уровне удовлетворен-

ности работой. При этом можно констатировать наличие в целом проактивной позиции обследованных военнослужащих в период реформирования ВС и выделить мотивационные и социальные копинг-ресурсы как основу для успешного преодоления инновационного стресса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бодров В.А. Удовлетворенность работой как социальная и психологическая детерминанты профессиональной пригодности субъекта труда // Социальная психология труда: теория и практика / Под ред. Л.Г. Дикой, А.Л. Журавлева. М.: ИП РАН, 2010. Т. 1. С. 227—243. [**Bodrov V.A.** (2010). *Udovletvorennost rabotoy kak sotsialnaya i psihologicheskaya determinanty professionalnoy prigodnosti sub'ekta truda. Sotsialnaya psihologiya truda: teoriya i praktika* / Pod red. Dikoy L.G., Zhuravleva A.L. Moskva: Institut Psihologii RAN, 1, 227—243]

Верещагина Л.А. Оценка удовлетворенности работой // Практикум по психологии менеджмента / Под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. СПб.: Речь, 2003. С. 181—184. [**Vereshchagina L.A.** (2003). *Otsenka udovletvorennosti rabotoy. Praktikum po psihologii menedzhmenta* / Pod red. Nikiforova G.S., Dmitriyevoy M.A., Snetkova V.M. Sankt-Peterburg: Rech, 181—184]

Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Стратегии и модели преодолевающего поведения // Практикум по психологии менеджмента / Под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. СПб.: Речь, 2003. С. 311—321. [**Vodopyanova N.E., Starchenkova E.S.** (2003). *Strategii i modeli preodolevayushchego povedeniya. Praktikum po psihologii menedzhmenta* / Pod red. Nikiforova G.S., Dmitriyevoy M.A., Snetkova V.M. Sankt-Peterburg: Rech, 311—321]

Зинченко Ю.П. Методологические основы психологии безопасности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2(6). С. 11—14. [**Zinchenko U.P.** (2011). *Metodologicheskie osnovy psihologii bezopasnosti. Natsionalniy Psihologicheskiy Zhurnal*, 2 (6), 11—14]

Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: Авантитул, 2007. [**Kryukova T.L.** (2007). *Metody izucheniya sovladayushchego povedeniya: tri koping-shkaly*. Kostroma: Avantitul]

Кузнецова А.С. Нарушения адаптивной саморегуляции состояния сотрудников в процессе организационных инноваций // Психология саморегуляции в XXI веке / Под ред. В.И. Моросановой. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 375—384. [**Kuznetsova A.S.** (2011). *Narusheniya adaptivnoy samoregulyatsii sostoyaniya sotrudnikov v protsesse organizatsionnyh innovatsiy. Psihologiya samoregulyatsii v XXI veke* / Pod red. Morosanovoy V.I. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 375—384]

Леонова А.Б. Структурно-интегративный подход к анализу функциональных состояний человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2007. № 1. С. 87—104. [**Leonova A.B.** (2007). *Strukturno-integrativniy podhod k analizu funktsionalnyh sostoyaniy cheloveka. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1, 87—104]

Леонова А.Б., Величковская С.Б. Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности // Психология психических состояний /

Под ред. А.О. Прохорова. Казань, 2002. Вып. 4. С. 326—343. [Leonova A.B., Velichkovskaya S.B. (2002). Differentsialnaya diagnostika sostoyaniy snizhennoy rabotosposobnosti. *Psihologiya psihicheskikh sostoyaniy* / Pod red. Prohorova A.O. Kazan, 4, 326—343]

Леонова А.Б., Мотовилина И.А., Абдуллаева М.М. Психологическая адаптация профессионалов к инновационной среде российских организаций // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: ИП РАН, 2012. Вып. 3. С. 55—80. [Leonova A.B., Motovilina I.A., Abdullaeva M.M. (2012). Psihologicheskaya adaptatsiya professionalov k innovatsionnoy srede rossiyskikh organizatsiy. *Aktualnye problemi psihologii truda, inzhenernoy psihologii i ergonomiki* / Pod red. Bodrova V.A., Zhuravleva A.L. Moskva: Institut psihologii RAN, 3, 55—80]

Либина А.В. Совладающий интеллект: человек в сложной жизненной ситуации. Москва: Эксмо, 2008. [Libina A.B. (2008). Sovladayushchiy intellect: chelovek v slozhnoy zhiznennoy situatsii. Moskva: Eksmo]

Лопань А.В. Психологические аспекты военной службы. Москва: МАИ, 2004. [Loran A.B. (2004). Psihologicheskie aspekty voennoy sluzhbi. Moskva: MAI]

Постылякова Ю.В. Ресурсный потенциал субъекта профессиональной деятельности // Социальная психология труда: теория и практика / Под ред. Л.Г. Дикой, А.Л. Журавлева. М.: ИП РАН, 2010. Т. 1. С. 227—243. [Postylyakova Yu.V. (2010). Resursniy potentsial sybektа professionalnoy deyatel'nosti. *Sotsialnaya psihologiya truda: teoriya i praktika* / Pod red. Dikoy L.G., Zhuravleva A.L. Moskva: Institut psihologii RAN, 1, 227—243]

Практикум по психологии здоровья / Под ред. Г.С. Никифорова и др. СПб.: Питер, 2005. [Praktikum po psihologii zdorov'ya (2005) / Pod red. Nikiforova G.S. i dr. Sankt-Peterburg: Piter]

Приказ Министра обороны Российской Федерации от 2.08.2008 г. № 400 «О награждении деньгами офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации» [Электронный ресурс] / Официальный сайт Министерства обороны РФ. — Режим доступа <http://www.mil.ru/849/11873/1062/1347/1816/13139/index.shtml?id=50793>, свободный. [Prikaz Ministra oborony Rossiyskoy Federatsii ot 2.08.2008 g. № 400 “O nagrazhdenii dengami ofitserov Vooruzhennyh Sil Rossiyskoy Federatsii” [Elektronnyy resurs] / Ofitsialnyy sayt Ministerstva oborony RF. — Rezhim dostupa <http://www.mil.ru/849/11873/1062/1347/1816/13139/index.shtml?id=50793>, svobodniy]

Указ Президента РФ от 29.12.2008 г. № 1878 «О некоторых вопросах Вооруженных Сил Российской Федерации» (выписка) [Электронный ресурс] / Официальный сайт президента России. — Режим доступа <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm>, свободный. [Ukaz prezidenta RF ot 29.12.2008 g. № 1878 “O nekotorykh voprosah Vooruzhennyh Sil Rossiyskoy Federatsii” (vypiska) [Elektronnyy resurs] / Ofitsialnyy sayt prezidenta Rossii. — Rezhim dostupa <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm>, svobodniy]

Филимонов Д.А. Военная психология: Курс лекций. Пенза, 2002. [Filimonov D.A. (2002). Voennaya psihologiya: Kurs lektsiy. Penza]

Hobfoll, S.E. (2001) The Influence of Culture, Community, and the Nested-Self in the Stress Process: Advancing Conservation of Resources Theory. *Applied Psychology: An International Review*, 50, 3, 433—452

Leonova, A.B. (1996). Occupational Stress, Personnel Adaptation, and Health. In C.D. Spielberger, I.G. Sarason (Eds.). *Stress and emotion: anxiety, anger, and curiosity* (Vol. 16, 109—125), Washington, DC

Leonova, A.B., Kuznetsova, A.S., Barabanshchikova, V.V. (2010). Self-Regulation Training and Prevention of Negative Human Functional States at Work: Traditions and Recent Issues in Russian Applied Research. *Psychology in Russia: State of the Art*, 3, 482—507

Schwarzer, R., Scholz, U. (2000, August). Cross-cultural assessment of coping resources: The general perceived self-efficacy scale. *Paper presented at the Asian Congress of Health Psychology: Health Psychology and Culture* (pp. 12—13), Tokyo, Japan

Поступила в редакцию
24.08.12

МЕТОДИКА

В. Н. Кононова, И. В. Нахаева

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОМЕТРИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ДВУХ ВЕРСИЙ ПРОЕКТИВНОЙ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ — ТРАДИЦИОННОЙ («ЦВЕТОВОЕ ЗЕРКАЛО») И КОМПЬЮТЕРИЗИРОВАННОЙ («ЦВЕТОМЕР ЛИЧНОСТИ»)

В статье впервые упоминается модификация проективной методики «Цветовое зеркало» для Айпада, которая называется «Цветомер личности». Проведено исследование психометрической эквивалентности двух форм цветовой методики, бумажной и на Айпаде. Подробно освещены отличия и преимущества использования компьютерной версии. Описаны выборка, схема и процедура проведения. Получены показатели ретестовой надежности по интегральным шкалам (достоверность ответов, энергичность личности, стрессоустойчивость) и по другим показателям (предпочитаемые цвета, структура личности). Сопоставление результатов двойного тестирования в трех группах (на бумаге и на Айпаде; дважды на Айпаде; дважды на бумаге) свидетельствует в пользу однородности групп. Результаты тестирования на Айпаде следует считать сходными, хотя и не полностью эквивалентными результатам бумажного тестирования по методике «Цветовое зеркало».

Ключевые слова: компьютерное тестирование, бумажное тестирование, психометрическая эквивалентность, проективная методика, Айпад, ретест, ретестовая надежность, «Цветовое зеркало», «Цветомер личности».

This article was first mentioned modification projective technique “Colour Mirror” for iPad called “Tsvetomer of Personality”. The investigation of the psychometric equivalence of two forms of colour techniques, paper and iPad, is presented. Discussed in detail the differences and advantages of using the computer version. The sample layout and procedure implementation are describes. Test-retest reliability of the figures obtained by the integral scales (the accuracy of answers, energetic level of personality, stress resistance) and other parameters

Кононова Виктория Николаевна — канд. психол. наук, ген. директор ЗАО Центр тестирования и развития «Гуманитарные технологии». *E-mail:* vikononova@gmail.com

Нахаева Ирина Валерьевна — психолог, начальник отделения психологической работы отдела морально-психологического обеспечения УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве, подполковник внутренней службы. *E-mail:* nakhirina@yandex.ru

(the preferred colours, personality structure) are represented. Comparison of the results of a double test in three groups (on paper and on iPad, twice on iPad, twice on the paper) speaks in favor of a homogenous group. Test results on iPad are considered similar, but not completely equivalent to the results of testing by the method of paper “Colour Mirror”.

Key words: computer testing, paper testing, psychometric equivalence, projective technique, iPad, retest, test-retest reliability, “Colour Mirror”, “Tsvetomer of Personality”.

Согласно современным научным публикациям, сравнительные исследования эквивалентности бумажных и компьютеризированных форм различных психологических методик охватывают, главным образом, классические личностные опросники и тесты для оценки уровня знаний. В недавнем обзоре таких исследований Л.Н. Бабанин утверждает, что наблюдается противоречивая картина: «С одной стороны, в большинстве [исследований] показана психометрическая эквивалентность этих форм методик, с другой — имеются свидетельства об их различии» (Бабанин, 2012, с. 210).

А что покажет в этом плане компьютеризация *проективной цветовой методики*? С целью оценить степень и качество возможных искажений при переходе от бумажной к компьютерной форме предъявления стимульного материала мы провели сравнительное исследование психометрической эквивалентности двух методик. Одна из них — методика В.Н. Кононовой «Цветовое зеркало» (Кононова, 1994, 1995а, б, 2000, 2001, 2006, 2010; см. также: Ежегодник..., 2010, с. 16—27; Практикум..., 2003, с. 80—112; Стрелков, 2001), прототипом которой в свое время послужила немецкоязычная методика Г. Фрилинга «Der Farbenspiegel» (Frieling, 1955)¹. Вторая — методика «Цветомер личности» (пробная версия), являющаяся компьютерным аналогом-модификацией «Цветового зеркала» и предназначенная для проведения тестирования на экране Айпада.

Различия двух форм методики. Преимущества компьютерной версии

Оригинальная методика «Цветовое зеркало» проводится с применением бумажного стимульного материала и бумажного протокола. (В дальнейшем для краткости будем называть эту методику *Бум-формой* или *Б-формой*.) После окончания процедуры специалист-психолог должен ввести в компьютер личные данные тестируемых

¹ Официальное разрешение использовать в своей работе название «Цветовое зеркало» (“Colour Mirror”) для русскоязычной модификации методики получено В.Н. Кононовой от правообладателя методики Г. Фрилинга — руководства издательства Muster-Schmidt (Германия).

и их запротоколированные выборы (выкладки цветowych карточек на 4-клеточном рабочем поле) в режиме набивки для последующей обработки с помощью специальной программы “Colour Mirror” (авторы В.Н. Кононова и О.Н. Кононов)². В методике «Цветомер личности» (в дальнейшем для краткости будем называть эту методику *Айпад-формой* или *А-формой*) ввод данных из бумажного протокола в компьютер исключается, срок получения сгенерированного компьютерной программой формализованного индивидуального отчета тестируемого сокращается, что позволяет облегчить и ускорить работу пользователей.

В *Бум-форме* человек работает с двойным набором стимульного материала: сначала он зрительно совершает выборы на левой стороне буклета (где цветowych карточки фиксированы на сером фоне), после чего переводит взгляд на аналогичный набор карточек справа (эти карточки расположены в том же порядке, только в кармашках, откуда их можно доставать, выкладывать на рабочее поле и возвращать на место). Получается, что взгляд тестируемого постоянно курсирует между несколькими сенсорными зонами. В *Айпад-форме* человек имеет дело только с одним набором карточек, причем рабочее поле находится в той же зрительной сенсомоторной зоне (на экране Айпада, одновременно с набором карточек). Таким образом, сокращается количество необходимых движений глаз в процессе прохождения методики. И возвращать карточки каждый раз на прежнее место (в кармашки — в *Б-форме*) уже не требуется. Для выбора и выкладки цветовой карточки, а также для ее возвращения на место достаточно легкого прикосновения к экрану указательным пальцем и минимальных движений в пределах экрана. Это делает процесс прохождения методики более удобным для тестируемых.

В *Бум-форме* выполнение заданий с применением мелкой моторики пальцев рук доставляет определенные трудности детям, инвалидам и некоторым взрослым (иногда приходится помогать им возвращать карточки в кармашки). В *Айпад-форме* просто невозможно выполнить такие ошибочные (запрещаемые инструкцией) действия, как, например, размещение двух цветowych карточек в каком-либо секторе рабочего поля, одновременное выкладывание карточек двумя руками, и др. Предъявляемые на экране цветowych карточки не теряются (тогда как бумажные тестовые цвета порой выпадают из буклета) и не портятся со временем.

Конечно, существует риск изменения чувствительности методики из-за существенного отличия в стимульном материале. Работая

² Программа для ЭВМ, которая называется автоматизированный тест «Цветовое зеркало» (*Colour Mirror*), функционирует в версиях 2006 и 2011 гг. Правообладателем данной программы является В.Н. Кононова, которая получила на нее авторское свидетельство Роспатента РФ № 2010612776 в 2010 г.

с бумажными цветовыми карточками, тестируемый их воспринимает, оценивает и делает выбор, опираясь на свет, отраженный от матовой поверхности цветового стимула, а при работе на экране он имеет дело со светящимся светом. Важно отследить, что при этом происходит с показателями по измеряемым качествам личности. Работает ли *А-форма* и насколько точно она измеряет то, для чего предназначена?

Использование именно Айпадов (а не любых ПК) позволит строго контролировать соответствие стимульного материала единым стандартам качества, ибо в них цветовые характеристики всех экранных изображений унифицированы и нет надобности вручную настраивать яркость или насыщенность отдельных стимульных цветов. Эта особенность Айпадов позволит осуществлять удаленное онлайн-тестирование с постдиагностическим консультированием, в том числе с применением возможностей современных средств связи.

Характеристика выборки и схема тестирования

Выборка. В исследовании участвовали кандидаты и действующие сотрудники УВД ЦАО г. Москвы — всего 170 человек (71 мужчина и 99 женщин).

Основную группу составили 70 человек в возрасте 20—45 лет. Из них 33 мужчины (средний возраст 29.5 года) и 37 женщин (средний возраст 28 лет). Они работали по следующей схеме: сначала выполняли *Бум-форму*, затем (через 15 мин.) — *Айпад-форму*. Условное обозначение данной группы — **БА**.

С целью контроля оцениваемых параметров и возможных артефактов (из-за отсутствия варьирования порядка предъявления форм) в исследование были введены две дополнительные группы тестируемых. Одну из них составили 40 человек в возрасте 19—45 лет (средний возраст 26 лет), из них 15 мужчин и 25 женщин. Они работали по схеме двойного тестирования на Айпаде в тот же день. Условное обозначение данной группы — **АА**. Вторая дополнительная группа, состоявшая из 60 человек в возрасте 19—55 лет (средний возраст 35.5 года), 23 мужчины и 37 женщин, работала по схеме бумажного ретеста с различными по длительности интервалами между первым и вторым тестированием. Условное обозначение этой группы — **ББ**.

Процедура. Каждое тестирование проводилось индивидуально, в кабинете психолога, в дневное время, при естественном освещении (с 9.00 до 15.00). Каждый тестируемый оба раза получал от психолога устные стандартные инструкции. В перерыве между первым и вторым тестированием проводилось структурированное интервью или беседа с психологом.

Оцениваемые параметры

В связи со спецификой традиционных проективных методик, в которых акцент смещен в большей мере на качественные, а не на количественные показатели, была проведена модификация методики «Цветовое зеркало» в «Цветомер личности». В комплексном психологическом портрете, включающем 14 разделов, мы ориентировались на показатели, принципиально поддающиеся количественной оценке и нормированию (шкалы структуры личности), а также вычленили интегральные шкалы: достоверность результатов; активность, энергичность личности; стрессоустойчивость личности. Профиль психологической структуры личности мы определяли как сочетание ведущей и дополнительной психических функций и установки сознания.

Полученные значения по этим показателям переведены в условные цифровые обозначения.

Шкала ДОСТОВЕРНОСТИ:

3 — полное доверие тестируемого, откровенность ответов. Результаты достоверны;

2 — легкое сомнение в осмысленности прохождения цветовой методики и серьезности результатов тестирования. Результаты достоверны;

1 — признаки лжи (например, намерение контролировать свои чувства, хитрить т.п.). Результаты отчасти достоверны;

0 — чрезмерная ложь (например, резкое сопротивление установлению доверительного контакта, восприятие ситуации диагностики как угрожающей личной безопасности). Результаты недостоверны.

Варианты 2 и 3 расценивались как *высокий* уровень достоверности, вариант 1 — как *средний* уровень достоверности, вариант 0 — как *низкий* уровень достоверности.

Шкала ЭНЕРГИЧНОСТИ:

3 — высокий уровень (22 балла и выше); 2 — средний (от 14 до 21 балла); 1 — низкий уровень (не более 13 баллов).

Сырой балл по шкале энергичности вычисляется как сумма ярких, насыщенных цветов, использованных в шести выкладках (1 балл за каждый выбранный полный цвет). Максимально возможное количество баллов — 24. Далее рассчитываются средние значения и стандартные отклонения по всем достоверным протоколам, полученным в *Бум-форме*.

Шкала СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ:

3 — *отличная* стрессоустойчивость: нет признаков негативного развития личности (таких, как невроз, скованность, чрезмерные эмоциональные переживания, душевные нарушения и др.), при этом выражены все признаки оптимального развития личности;

2 — *хорошая*: нет признаков негативного развития личности, при этом выражены не все признаки оптимального развития личности;

1 — *удовлетворительная*: есть хотя бы один признак негативного развития личности при наличии всех признаков оптимального развития личности;

0 — *неудовлетворительная* стрессоустойчивость: есть один и более признаков негативного развития личности, при этом признаки оптимального развития представлены частично или вообще отсутствуют.

Варианты 2 и 3 расценивались как *высокий*, а варианты 0 и 1 — как *низкий* уровень стрессоустойчивости личности. Человек с вариантом 0 особенно подвержен стрессам, даже в условиях обычной рабочей нагрузки.

Мы задали 4 варианта сходства СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ в первом и втором тестировании (не на уровне отдельных стандартных баллов, а по профилю структуры личности)³:

3 — *полное совпадение* по ведущей и дополнительной психическим функциям, а также по установке сознания (все три показателя одинаковые);

2 — *частичное совпадение* (повторяются 2 из 3 показателей в структуре личности);

1 — *минимальное совпадение* (повторяется 1 из 3 показателей в структуре личности);

0 — *нет совпадений*.

Варианты 2 и 3 расценивались как *высокий*, а варианты 0 и 1 — как *низкий* уровень, *отсутствие* сходства структуры личности.

Мы выдвинули основную рабочую гипотезу о наличии положительной взаимосвязи результатов двух форм тестирования по каждой из интегральных шкал. Также мы предположили, что показатели ретестовой надежности по всем интегральным шкалам должны быть выше в группах **АА** и **ББ** по сравнению с группой **БА**.

Результаты

Сопоставление 70 пар протоколов тестирования по *Бум-форме* и *Айпад-форме* выявило в основном среднюю или высокую степень сходства между показателями по всем вышеописанным параметрам (табл. 1). Проанализируем обнаруженные факты и эффекты.

1. АНАЛИЗ ДОСТОВЕРНОСТИ

Результаты сопоставления протоколов по параметру достоверности отражены в табл. 2. Для анализа соотношения тестовых баллов использовался фи-коэффициент корреляции Гилфорда для таблиц сопряженности 2×2, а также хи-квадрат (Шмелев, 1987). Процент совпадений высоких и низких баллов по шкале достоверности составил 81.43%. Фи-коэффициент равен $0.55 > 0.23$, фи-критическое на уровне

³ Для расчета структуры личности по Юнгу использовались авторская многомерная модель и компьютерная программа “*Colour Mirror*” (Кононова, 2006, 2010).

Таблица 1

**Данные о сходстве оцениваемых показателей при тестировании
по Бум-форме и Айпад-форме**

Оцениваемые показатели (шкалы)	Сходство (%)
1. Достоверность результатов	81.43
2. Энергичность личности	77.14
3. Стрессоустойчивость личности	72.86
4. Цветовые предпочтения личности	71.43
5. Психологическая структура личности (ведущая и дополнительная психические функции и установка сознания)	65.71

Таблица 2

Результаты сравнения по шкале достоверности

<i>Бум-форма</i> \ <i>Айпад-форма</i>	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Высокий уровень (3)	26	4	6
Средний уровень (2)	2	11	4
Низкий уровень (0 и 1)	3	0	14

значимости $p < 0.05$. Хи-квадрат эмпирический равен $23.03 > 3.84$, хи-квадрат критический на уровне значимости $p < 0.05$. Таким образом, получена высокая положительная взаимосвязь результатов по шкале достоверности по двум формам тестирования.

1.1. Большинство протоколов в обоих случаях оказались достоверными.

1.2. Количество достоверных протоколов при *Бум-форме* составило 75.7%. При *Айпад-форме* оно снизилось до 65.7%, т.е. на 10%⁴.

1.3. Выявлено, что если показатель достоверности в *Бум-форме* был крайне низким, то он практически не менялся и в *Айпад-форме*: срабатывали одни и те же признаки недостоверности.

2. АНАЛИЗ ЭНЕРГИЧНОСТИ

2.1. В *Бум-форме* получен довольно высокий средний балл энергичности по группе — 17.3⁵ (18.4 у мужчин и 16.3 у женщин). В *Айпад-форме* получено сходное соотношение показателей энергичности: средний балл по группе = 16.93 балла (18.35 у мужчин и 15.96 у женщин).

⁴ Для сравнения: в группе **ББ** (с тестом и ретестом в *Бум-форме*) количество достоверных протоколов изменилось незначительно — с 72 до 76%. В группе **АА** (с тестом и ретестом в *Айпад-форме*) количество достоверных протоколов зафиксировано в обоих случаях на уровне 60%.

⁵ Для сравнения: в *Б-форме* у лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата (2-я и 3-я группы инвалидности) средний балл энергичности составил 15.3, у слабослышащих — 15.0, у слабослышащих — всего 13.5; в контрольной группе обычных здоровых людей — 16 баллов (Серебряков и др., 2012).

Результаты сравнения по шкале стрессоустойчивости

<i>Бум-форма</i> \ <i>Айпад-форма</i>		Высокий уровень		Низкий уровень	
		3	2	1	0
Высокий уровень	3	10	5	0	3
	2	9	6	0	1
Низкий уровень	1	0	4	0	0
	0	0	2	1	5

2.2. При сопоставлении показателя энергичности в основной группе **БА** на материале 70 пар протоколов обнаружено 54 случая точного совпадения категории (высокая/средняя/низкая энергичность) в обоих протоколах, что составляет 71.14%.

3. АНАЛИЗ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ

Результаты сопоставления протоколов по параметру стрессоустойчивости отражены в табл. 3.

3.1. Получено совпадение оценки степени стрессоустойчивости в обеих формах тестирования в 72.86% случаев, что является хорошим показателем ретестовой надежности. Вместе с тем фи-коэффициент по шкале стрессоустойчивости равен $0.22 < 0.28$ (фи-критическое на уровне значимости $p < 0.05$). Таким образом, гипотеза о наличии положительной взаимосвязи результатов двух форм тестирования по шкале стрессоустойчивости не подтвердилась. И это объясняется тем, что *Айпад-форма* оказалась несколько менее чувствительным инструментом в отношении определенных невротических признаков личности.

3.2. Лица, получившие в *Бум-форме* высокие и средние баллы, в *Айпад-форме* попадают преимущественно в сектор высокой (хорошей и отличной) стрессоустойчивости с тенденцией перевеса в пользу максимального показателя. Такой эффект получен в среднем в 7 из 8 случаев. В редких случаях, когда в *Бум-форме* зафиксирован высокий уровень стрессоустойчивости, а в *Айпад-форме* — низкий, можно предположить, что причина кроется в страхе перед ПК некоторых людей, не использующих современные технику и технологии.

3.3. Лица с удовлетворительной стрессоустойчивостью по *Бум-форме* при повторном тестировании по *Айпад-форме*, как правило, смещаются в статус «хорошая стрессоустойчивость». Иными словами, в *Айпад-форме* нивелируются определенные признаки негативного развития личности. Для сотрудников УВД чаще всего это чрезмерно интенсивные эмоциональные переживания, которые явно фиксируются в *Бум-форме* (в том числе в случае повторного бумажного ретеста в группе ББ) и полностью нивелируются в *Айпад-форме*. В связи с этим можно утверждать, что в определенном смысле

компьютеризированная версия — менее чувствительна к диагностике сохранности психоэмоционального здоровья личности. Вместе с тем такой признак, как состояние нервного истощения, при переходе на электронную форму тестирования стабильно повторяется.

3.4. У большинства лиц с неудовлетворительной стрессоустойчивостью по *Бум-форме* этот статус сохранился и в *Айпад-форме* (5 из 7 случаев); у одного человека поменялся на «удовлетворительную» и у двоих человек поменялся на «хорошую стрессоустойчивость».

3.5. Ни один человек из показавших в *Бум-форме* «неудовлетворительную стрессоустойчивость» (что указывает на наличие серьезных признаков негативного развития личности) не показал в *Айпад-форме* максимально высокого уровня, как и следовало ожидать.

4. АНАЛИЗ ЦВЕТОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

4.1. По показателю двух наиболее часто выбираемых цветов в обеих формах тестирования получено полное либо частичное совпадение в 71.43% случаев. При тестировании сначала в бумажной форме, а затем на Айпаде имел место первоочередной выбор тех же самых двух цветов в 13 случаях, совпадение только одного цвета — в 33 случаях, а в 20 случаях оба цвета отличались. Показатель частоты повторного выбора тех же тестовых цветов в группе **БА** получился практически таким же, как в дополнительной группе **ББ**, гомогенной по форме предъявления стимульного материала.

Теперь проанализируем рейтинг и смещение конкретных тестовых цветов в группе **БА** в целом, а также отдельно для мужчин и для женщин (табл. 4).

Таблица 4

Рейтинг тестовых цветов по частоте выбора (N=70)

Группа тестируемых	Рейтинг тестовых цветов	1	2	3	4	5	6	7	...	19	20	21	22	23
Все сотрудники	<i>Бум-форма</i>	3	ЛИ	У	МЗ	ЖЗ	Ж	НГ	...	СЕР	ОЛ	ОХ	КОР	Ткор
	<i>Айпад-форма</i>	МЗ	ЛИ	У	ЖЗ	Ж	КО	3	...	ОЛ	ОХ	КОР	Ткор	РЗ
Мужчины	<i>Бум-форма</i>	3	МЗ	У	ЖЗ	Ж	К	Ч	...	Б	ОЛ	ОХ	КОР	РЗ
	<i>Айпад-форма</i>	МЗ	3	Ж	У	ЖЗ	К	КО	...	Ф	ОЛ	ОХ	КОР	РЗ
Женщины	<i>Бум-форма</i>	ЛИ	3	У	Ж	ЖЗ	НГ	С	...	ОЛ	ОХ	КОР	СЕР	Ч
	<i>Айпад-форма</i>	МЗ	ЛИ	КО	ЖЗ	У	Ж	НГ	...	ОЛ	РЗ	КОР	СЕР	Ч

Примечание. 3 — зеленый, МЗ — майская зелень, ЛИ — лиловый, У — ультрамарин, Ж — желтый, ЖЗ — желто-зеленый, К — красный, КО — красно-оранжевый, С — синий, НГ — небесно-голубой, ОЛ — оливковый, ОХ — охра, КОР — коричневый, Ткор — темно-коричневый, РЗ — розовый, Ф — фиолетовый, Б — белый, СЕР — серый, Ч — черный.

4.2. На первых шести позициях в рейтинге по частоте выбора повторяются 5 из 6 цветов (ультрамарин — У, майская зелень — МЗ, лиловый — Л, желтый — Ж, желто-зеленый — ЖЗ). Цвета, оказавшиеся на последних позициях в *Бум-форме*, оказываются там же и в *Айпад-форме*; это верно как для мужской, так и для женской подгруппы.

4.3. Большая часть тестовых цветов выбирается одинаково часто в обеих формах тестирования.

4.4. Наибольшее смещение в рейтинге выборов при переходе от *Б-формы* к *А-форме* произошло по следующим цветам: майская зелень (лидирует у мужчин и у женщин) и красно-оранжевый (смещается с 10-й на 6-ю позицию). А зеленый цвет (особенно у женщин) смещается со 2-й на 10-ю позицию. Возможно, причиной является разница восприятия тестируемыми цвета отраженного и цвета светящегося; для сглаживания этого эффекта может потребоваться дополнительная корректировка характеристик отдельных электронных тестовых цветов.

5. АНАЛИЗ СХОДСТВА ПРОФИЛЯ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ

При сопоставлении профилей структуры личности, полученных по двум формам тестирования, обнаружена средняя и высокая степень совпадения в 65.71% случаев. Полное сходство по структуре личности было зафиксировано в 23 случаях, частичное — в 23, минимальное сходство — в 19, отсутствие сходства — всего в 5 из 70 случаев.

Сравнительный анализ ретестовой надежности

Для проверки различий показателей в зависимости от порядкового номера тестирования (первое или второе), а также от формы (Б или А) предъявления стимульного материала использовались Фи-коэффициент и коэффициент Спирмена.

Построив первоначально четырехклеточные таблицы по трем шкалам для каждой группы, мы рассчитали Фи-коэффициенты (табл. 5). Далее нам удалось сделать следующий шаг: перейти от

Таблица 5
Значения Фи-коэффициентов по 3 шкалам в 3 группах

Шкалы	Группы		
	БА (N=70)	АА (N=40)	ББ (N=60)
Достоверность	0.55	0.58	0.45
Энергичность	0.42	0.73	0.49
Стрессоустойчивость	0.22	0.33	0.27
Фи-критическое	0.23	0.30	0.25

условных интерпретаций и трех уровней выраженности оцениваемых параметров к стенам (стандартным баллам) по шкалам достоверности, энергичности и стрессоустойчивости. В результате рассчитаны коэффициенты корреляции Спирмена по этим трем шкалам (данные для расчетов приведены в табл. 6).

Так, в основной группе БА при объеме выборки N=70 значимым на уровне $p>0.001$ является коэффициент корреляции больше 0.385 (Наследов, 2008). В данной группе коэффициент корреляции по шкале достоверности составил 0.58, что существенно выше критического значения. По шкале энергичности коэффициент корреляции составил 0.76, что свидетельствует о наличии еще более выраженной связи между показателями двух форм тестирования. По шкале

Таблица 6

Сводные данные по четырехклеточным таблицам

Группа БА					Группа АА					Группа ББ				
шкала: ДОСТОВЕРНОСТЬ														
2. Айпад-форма					2. Айпад-форма					2. Бум-форма				
1. Бум-форма	Уровень	В	Н	Всего	1. Айпад-форма	Уровень	В	Н	Всего	1. Бум-форма	Уровень	В	Н	Всего
	В	43	10	53		В	20	4	24		В	44	4	48
	Н	3	14	17		Н	4	12	16		Н	6	6	12
	Всего	46	24	70		Всего	24	16	40		Всего	50	10	60
шкала: ЭНЕРГИЧНОСТЬ														
2. Айпад-форма					2. Айпад-форма					2. Бум-форма				
1. Бум-форма	Уровень	В	Н	Всего	1. Айпад-форма	Уровень	В	Н	Всего	1. Бум-форма	Уровень	В	Н	Всего
	В	44	5	49		В	23	3	26		В	32	7	39
	Н	11	10	21		Н	2	12	14		Н	7	14	21
	Всего	55	15	70		Всего	25	15	40		Всего	39	21	60
шкала: СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ														
2. Айпад-форма					2. Айпад-форма					2. Бум-форма				
1. Бум-форма	Уровень	В	Н	Всего	1. Айпад-форма	Уровень	В	Н	Всего	1. Бум-форма	Уровень	В	Н	Всего
	В	45	7	52		В	27	5	32		В	40	4	44
	Н	12	6	18		Н	4	4	08		Н	11	5	16
	Всего	57	13	70		Всего	31	9	40		Всего	51	9	60

Примечание. В — высокий уровень; Н — низкий уровень.

стрессоустойчивости коэффициент корреляции составил 0.26. На уровне значимости $p > 0.05$ это значение также немного превышает критическое 0.235. Следовательно, полученные эмпирическим путем значения свидетельствуют о статистически подтвержденной неслучайной связи между показателями двух форм тестирования по трем шкалам.

Сопоставим коэффициенты корреляции, полученные в разных группах. В основной группе **БА** при повторном тестировании произошло изменение рабочего стимульного материала, тогда как в группе **АА** процедура проведения и предъявляемый стимульный материал методики сохранились идентичными. При проведении однородного ретеста следует ожидать более высоких коэффициентов корреляции. Это действительно так.

В дополнительной группе **АА** при объеме выборки $N=40$ значимым на уровне $p > 0.01$ является коэффициент корреляции больше 0.403 (Наследов, 2008). Все полученные по группе **АА** значения превышают данное критическое значение и составляют 0.64 по шкале достоверности, 0.88 по шкале энергичности и 0.46 по шкале стрессоустойчивости. Как и следовало ожидать, по всем трем шкалам коэффициенты оказались более выраженными при проведении однородного тестирования (в группе **АА**) по сравнению с разнородным (в группе **БА**).

В группе **ББ** при ретесте сохранялась идентичность стимульного материала, однако на стабильность показателей оказывал влияние другой существенный фактор — более продолжительный период между первым и повторным тестированием. Как известно, более продолжительные промежутки повышают вероятность психологических изменений (Психометрика..., 2010).

В группе **ББ** при объеме выборки $N=60$ значимым на уровне значимости $p > 0.05$ является коэффициент корреляции больше 0.254. Все полученные по группе **ББ** значения превышают критическое значение и составляют 0.52 по шкале достоверности, 0.55 по шкале энергичности и 0.29 по шкале стрессоустойчивости. Действительно, по результатам бумажного отсроченного ретеста по шкалам достоверности и энергичности получены хоть и статистически значимые, но более низкие значения корреляции по сравнению с аналогичными значениями в основной группе (**БА**).

Дополнительные соображения

Как наглядно видно из табл. 7, в группах с классическим ретестом (**АА** и **ББ**) пропорции высоких и низких значений, полученных при первом и втором тестировании по каждой из трех шкал (достоверности, энергичности и стрессоустойчивости) сохранились практически без изменений.

Сопоставление бинарных таблиц по 3 шкалам в 3 группах

Группа БА				Группа АА				Группа ББ			
шкала: ДОСТОВЕРНОСТЬ											
Форма	Уровень			Форма	Уровень			Форма	Уровень		
	В	Н	Всего		В	Н	Всего		В	Н	Всего
1. Б	53	17	70	1. А	24	16	40	1. Б	48	12	60
2. А	46	24	70	2. А	24	16	40	2. Б	50	10	60
Всего	99	41	140	Всего	48	32	80	Всего	98	22	120
шкала: ЭНЕРГИЧНОСТЬ											
Форма	Уровень			Форма	Уровень			Форма	Уровень		
	В	Н	Всего		В	Н	Всего		В	Н	Всего
1. Б	49	21	70	1. А	26	14	40	1. Б	39	21	60
2. А	55	15	70	2. А	25	15	40	2. Б	39	21	60
Всего	104	36	140	Всего	51	29	80	Всего	78	42	120
шкала: СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ											
Форма	Уровень			Форма	Уровень			Форма	Уровень		
	В	Н	Всего		В	Н	Всего		В	Н	Всего
1. Б	52	18	70	1. А	32	8	40	1. Б	44	16	60
2. А	57	13	70	2. А	31	9	40	2. Б	51	9	60
Всего	109	31	140	Всего	63	17	80	Всего	95	25	120

Примечание. В — высокий уровень; Н — низкий уровень.

В группе **БА** при *Айпад-форме* тестирования количество недостоверных протоколов возросло на 10%. Все-таки *Бум-форма* способствует установлению более доверительного контакта (при соблюдении прочих равных условий).

В группе **БА** при повторном тестировании проявилась тенденция увеличения количества тестируемых с высоким баллом энергичности — с 70 до 78,5%. Иными словами, в 8,5% случаев при *Айпад-форме* мы получили эффект преимущественного выбора более ярких светящихся цветов. При ретесте на том же стимульном материале выбор константен как для *Бум-формы*, так и для *Айпад-формы*: по 65% лиц с высоким уровнем энергичности (т.е. 2 человека из 3) показывают высокий уровень по шкале энергичности.

В группе **БА** при *Айпад-форме* проявилась тенденция уменьшения количества лиц с низким уровнем стрессоустойчивости. При более подробном анализе обнаружено, что *А-форма* перестает «улавливать» признаки невротического развития личности (в 7,14%

случаев). В связи с этим можно утверждать, что компьютерная методика «Цветомер личности» оказалась менее чувствительной по шкале стрессоустойчивости. Показатели при тест-ретесте на Айпаде оказались на том же уровне (таким образом, мы исключаем риск того, что выявленный эффект вызван повторным тестированием).

* * *

Итак, нами проведено сравнительное исследование эквивалентности традиционной («Цветовое зеркало») и компьютеризированной («Цветомер личности») формы прохождения проективной психодиагностической методики. Сопоставление и анализ количественных и качественных данных настоящего исследования указывают на то, что две эти формы тестирования не являются полностью эквивалентными. Вместе с тем приведенные данные свидетельствуют в пользу принципиальной возможности получения достаточно содержательных отчетов при выполнении проективной цветовой методики на Айпаде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабанин Л.Н. Компьютеризация психологических методик: проблема эквивалентности // Науч. мат-лы V съезда РПО (14—18 февраля 2012 г.). М.: Российское психологическое общество, 2012. Т. 3. С. 210—211. [**Babanin L.N.** (2012). *Kompiyuterizatsiya psikhologicheskikh metodik: problema ekvivalentnosti* // *Nauchniye materialy V siezda RPO (14—18 fevralya 2012)*. Moskva: Rossiyskoye psikhologicheskoye obshchestvo, 3, 210—211]

Ежегодник профессиональных рецензий и обзоров. Методики психологической диагностики и измерения / Под ред. Н.А. Батурина, Е.В. Эйдмана. Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2010. Т. 1. [*Ezhegodnik professionalnih recenziy i obzоров. Metodiki psikhologicheskoy diagnostiki i izmereniya (2010)* / Pod red. N.A. Baturina, E.V. Ehyjdmana. Chelyabinsk: IC YuUrGU, 1]

Кононова В.Н. Применение теории психологических типов К.Г. Юнга к изучению личностных особенностей профессионалов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1994. № 3. С. 19—25. [**Kononova V.N.** (1994). *Primeneniye teorii psikhologicheskikh tipov K.G. Yunga k izucheniyu lichnostnih osobennostey professionalov. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 3, 19—25]

Кононова В.Н. Личностные особенности летчиков-испытателей в свете теории психологических типов К.Г. Юнга: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1995а. [**Kononova V.N.** (1995а). *Lichnostnihe osobennosti letchikov-ispitatelye v svete teorii psikhologicheskikh tipov K.G. Yunga: Diss. ... kand. psikhol. nauk. Moskva*]

Кононова В.Н. Глубинная невербальная проективная методика Г. Фрилинга «Цветовое Зеркало» в исследовании личностных особенностей летчиков-испытателей // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1995б. № 3. С. 3—10. [**Kononova V.N.** (1995b). *Glubinnaya neverbalnaya proektivnaya metodika H. Frlinga «Tsvetovoye Zerkalo» v issledovanii lichnostnykh osobennostey letchikov-ispitatelye* // *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psikhologiya*. 1995b. № 3. С. 3—10.]

Frielinga "Tsvetovoe Zerkalo" v issledovanii lichnostnih osobennostey letchikov-ispitatelye. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 3, 3—10]

Кононова В.Н. О возможности проективных методик в диагностике алкогольной зависимости, прагматической мотивации и признаков негативного развития личности // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология*. 2000. № 1. С. 102—105. [Kononova V.N. (2000). O vozmozhnostyakh proektivnih metodik v diagnostike alkogolnoy zavisimosti, pragmaticheskoy motivacii i priznakov negativnogo razvitiya lichnosti. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1, 102—105]

Кононова В.Н. Некоторые особенности личности успешного таможенного руководителя // Роль психологической службы в формировании положительного имиджа сотрудников таможенных органов: Мат-лы 2-й науч.-практ. конф. (24—27 июня 1999 г.). М.: Российская таможенная академия, 2001. С. 292—297. [Kononova V.N. (2001). Nekotorye osobennosti lichnosti uspehnogo tamozhennogo rukovoditelya // Rol' psikhologicheskoy sluzhbi v formirovanii polozhitelnogo imidzha sotrudnikov tamozhennih organov: Mat-li 2-y nauch.-prakt. konf. (24—27 iyunya 1999 g.). Moskva: Rossiyskaya tamozhennaya akademiya, 292—297]

Кононова В.Н. Цветовое зеркало. Модификация теста Г. Фрилинга. М.: Когито-центр, 2006. [Kononova V.N. (2006). Tsvetovoe zerkalo. Modifikatsiya testa H. Frielinga. Moskva: Kogito-centr]

Кононова В.Н. Многомерная цветовая модель структуры личности. Диагностика психологического типа личности по Юнгу и формирование индивидуального портрета с помощью проективной методики «Цветовое зеркало» // Современная психодиагностика в период инноваций: Тез. 2-й Всеросс. науч. конф. (8—10 сентября 2010 г.). Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2010. С. 68—72. [Kononova V.N. (2010). Mnogomernaya cvetovaya model strukturih lichnosti. Diagnostika psikhologicheskogo tipa lichnosti po Yungu i formirovanie individualnogo portreta s pomoshchyu proektivnoy metodiki «Tsvetovoe zerkalo» // Sovremennaya psikhodiagnostika v period innovatsiy: Tez. 2-yj Vseross. nauch. konf. (8—10 sentyabrya 2010 g.). Chelyabinsk: IC YuUrGU, 68—72]

Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб.: Речь, 2008. [Nasledov A.D. (2008). Matematicheskie metodih psikhologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretatsiya dannikh. Sankt-Peterburg: Rech]

Практикум по инженерной психологии и эргономике / Под ред. Ю.К. Стрелкова. М.: Академия, 2003. [Praktikum po inzhenernoy psikhologii i ehrgonomike (2003) / Pod red. Yu.K. Strelkova. Moskva: Akademiya]

Психометрика: Введение / Р. Майкл Фер, Верн Р. Бакарак; пер. с англ. А.С. Науменко, А.Ю. Попова; под ред. Н.А. Батурина, Е.В. Эйдмана. Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2010. [Psikhometrika: Vvedenie (2010) / R. Mayjkl Fer, Vern R. Bakarak; per. s angl. A.S. Naumenko, A.Yu. Popova; pod red. N.A. Baturina, E.V. Ehyjdmana. Chelyabinsk: IC YuUrGU]

Серебряков А.Г., Кононова В.Н., Алтухов В.В. и др. Методические рекомендации по профессиональной ориентации и психологической поддержке граждан с ограничениями жизнедеятельности, в том числе инвалидов, в Департаменте труда и занятости населения города Москвы. М.: Принтцентр, 2012. С. 59—63, 102. [Serebryakov A.G., Kononova V.N., Altukhov V.V. i dr. (2012).

Metodicheskie rekomendacii po professional'noy orientacii i psikhologicheskoy podderzhke grazhdan s ogranicheniyami zhiznedeyatel'nosti, v tom chisle invalidov, v Departamente truda i zanyatosti naseleniya goroda Moskvyy. Moskva: Printcentr, 59—63, 102]

Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология. М.: Академия, 2001. [Strelkov Yu.K. (2001). Inzhenernaya i professional'naya psikhologiya. Moskva: Akademiya]

Шмелев А.Г. Психометрические основы психодиагностики // Общая психодиагностика / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 53—110. [Shmelev A.G. (1987). Psikhometricheskie osnovy psikhodiagnostiki. Obshchaya psikhodiagnostika / Pod red. A.A. Bodaleva, V.V. Stolina. Moskva: Izd-vo MGU, 53—110]

Frieling, H. (1955). Der Farbenspiegel. Ein Schnell-Test für Statistik und Charakterskizze mit den Farben des Frieling-Tests. Göttingen: Muster-Schmidt

Поступила в редакцию
23.05.12

ПРЕПОДАВАНИЕ ПСИХОЛОГИИ

Е. М. Иванова

ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ СТАНОВЛЕНИЮ

Цель исследования — формирование у студентов представления о будущей профессиональной деятельности и осознания своей готовности к социально-профессиональной и личностной самореализации. Исследование проводилось в условиях специального практикума «Профессиография» со студентами 4-го курса факультета психологии МГУ, специализирующимися на кафедре психологии труда и инженерной психологии. Организация практикума была направлена на обеспечение студентов полной ориентировочной основой планирования, организации и исполнения профессиональной деятельности. У студентов, прошедших 4 этапа обучения по специально разработанной программе, происходило переосмысление индивидуального опыта собственного труда (курсовая работа за 3-й курс) и осознание своей психологической и профессиональной готовности к будущей деятельности.

Ключевые слова: психологическая готовность, формирование, обучение, ориентировочная основа деятельности, индивидуальный опыт, интроспективный анализ, осознание, образ профессионала.

Goal — formation of ideas about future careers and the realization of their students ready for the socio-professional and personal fulfillment. The subjects were 4th year students specializing in the psychology department of work and engineering psychology. The study was conducted in the conditions of the special workshop on “Professiografy”. Organization workshop was aimed at providing students a complete orienting basis of planning, organization and execution of professional activities. The program included four successively given training phase. Before teach stage of case studies preceded study of scientific literature and a discussion. Completion of each task were corrected and discussed. This resulted in redefining the individual experience of the students own work and to form an idea of the future and the knowing its psychological and professional readiness.

Key words: psychological readiness, formation, training, orienting basis of activity, individual experience, introspective analysis, knowing, professional image.

Иванова Елена Михайловна — докт. психол. наук, доцент кафедры психологии труда и инженерной психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: e.m.ivanova@mail.ru

Проблема психологической готовности студентов к профессиональной деятельности

Проблема формирования психологической готовности студента-психолога к успешной реализации своих возможностей, знаний, умений, интересов, потребностей с учетом потребностей современного общества и социально-экономических, технических и психологических запросов различных организаций в настоящее время приобрела особое значение. Динамичность инновационных процессов, расширение областей востребованности психологов в разных сферах труда, непредсказуемость вопросов и проблем, которые могут возникать неожиданно в процессе деятельности, жесткая регламентация времени на их исполнение, повышение требований к ответственности и эффективности практических рекомендаций затрудняют адаптацию молодых специалистов. В то же время развитие и расширение научной области психологического знания, необходимость ориентироваться не только в научно-психологической, но и в социальной, экономической, юридической, технической и другой профессионально специфической информации осложняют освоение и интеграцию знаний, приобретенных в процессе обучения в вузе. В связи с вышеизложенным вопрос о создании психологических условий обеспечения студентов общей ориентировочной основой профессиональной деятельности является лично и профессионально значимым.

Основным психологическим условием формирования осознанной, целенаправленной активной ориентировки в сложном, не всегда предсказуемом пространстве П.Я. Гальперин считал осмысленную предметную деятельность субъекта, так как именно в процессе ее исполнения формируется и ориентировочный образ конкретной профессиональной ситуации (Гальперин, 1976, с. 65), и сама ориентировочная деятельность как важнейший аппарат управления действиями субъекта на этапах планирования, исполнения и контроля (там же, с. 143). Образами П.Я. Гальперин называл «все психические отражения, в которых перед субъектом открываются предметы и отношения объективного мира. Образы открывают субъекту окружающий мир и возможность ориентироваться в нем» (там же, с. 32—33).

С позиций теории П.Я. Гальперина, формирование новых образов на основе уже имеющихся знаний и умений обеспечивается полной системой необходимых условий и поэтапной отработкой формируемых явлений. «Система средств и способов действия с объектами (в целях их познания, исследования, преобразования) может быть представлена в записи или изображении на карточке ... если такая ориентировочная карточка используется для решения специально подобранных задач и согласно процедуре поэтапного формирования, то открывается путь усвоения ее содержания без

предварительного заучивания» (там же, с. 33). При такой процедуре «происходит четкое разделение обеих функций образа: предъявления объекта действия и предъявления средств ориентации в этом объекте», и «ориентировочная деятельность выделяется как самостоятельный процесс, открывающий возможность целенаправленного управления разными предметными действиями» (там же, с. 34).

В представляемом здесь исследовании формирование психологической готовности студентов к профессиональной деятельности осуществлялось в рамках субъектно-деятельностного подхода к развитию и формированию субъекта труда и концепции поэтапного формирования умственных действий. Психологическая готовность к профессиональной деятельности рассматривалась как сложное динамическое системное явление, социально и личностно значимое, интегрирующее осознание субъектом социальной ценности профессиональной деятельности, своих личностных качеств, представлений, знаний, умений и навыков, своих целей, интересов и профессиональных возможностей.

Организация и программа формирования психологической готовности

Цель практикума — формирование актуального представления о будущей профессиональной деятельности и осознание студентами своей психологической готовности к социально-профессиональной и личностной самореализации в профессии.

Формирование психологической готовности к профессиональной деятельности осуществлялось в условиях спецпрактикума по профессиографии, проводившегося со студентами 4-го курса д/о, специализирующимися на кафедре психологии труда и инженерной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Было сделано предположение о том, что интроспективный психологический анализ исследовательской деятельности, выполненной на предыдущем курсе в рамках темы курсовой работы, позволит студентам более осознанно и ответственно переосмыслить свою готовность к будущей профессиональной деятельности.

Основной задачей практикума был интроспективный психологический анализ исследовательской деятельности, осуществленной каждым студентом при исполнении курсовой работы на 3-м курсе. Основанием для выбора данного объекта были следующие положения: 1) курсовые работы на 3-м курсе были направлены на решение социально значимых научно-практических задач, что требовало актуализации у студентов таких присущих субъекту труда качеств, как осознание обязательности выполнения задания, умение предвидеть и планировать работу, саморегуляция в социальной среде, самоконтроль и самооценка (Климов, 2003); 2) самостоятельный

выбор темы курсовой, ее исполнение и отношение к исследованию отражали научные и профессиональные интересы каждого студента, его личностную направленность и ценность для него сделанной работы; 3) к 4-му курсу у студентов на основе полученных общетеоретических и психологических знаний уже сложилось индивидуальное представление о психологической науке; 4) положение, сформулированное П.Я. Гальпериним о направленности и особенностях отечественных научно-эмпирических исследований: о том, «... что конкретное содержание психики и психической деятельности есть производное индивидуального опыта, который предполагает определенную организацию самой деятельности и определенное использование орудий этой деятельности» (Гальперин, 2012, с. 13); 5) возможность научно-методического управления процессом формирования ориентировочной основы деятельности психолога в условиях спецпрактикума (Талызина, 1975).

Содержание *программы* формирования психологической готовности студентов раскрывало полную ориентировочную основу анализа научно-практической деятельности психолога. Структура программы включала четыре последовательно заданных этапа обучения, состоящих из конкретных заданий. На каждом этапе постепенно формировалась новая «картина» специфических особенностей деятельности психолога и новое осознание своих возможностей (Иванова, 2011). Выполнению заданий предшествовало изучение психологических условий допрофессионального развития познавательной деятельности (Иванова, 2012). В зависимости от особенностей формирования познавательной деятельности в допрофессиональный период, выявляющих взаимосвязи ценностно-смысловой, чувственно-эмоциональной, потребностно-мотивационной, операционально-ориентировочной, когнитивно-образной, коммуникативно-социальной, мотивационно-эмоциональной, регуляторно-волевой сфер психики, а также с учетом знаний студентов, их представлений о выбранной профессии и отношения к своему выбору применялись разные типы формирующего управления процессом профессиональной подготовки — регламентирующий и ориентирующий.

При *регламентирующем* типе управления студенты должны были проработать по программе практикума заданную научную литературу и представить результаты ее анализа в письменном виде. Только после обсуждения этой работы они могли применять усвоенные знания как теоретическую основу при анализе и описании своего исследования. При *ориентирующем* типе управления студенты самостоятельно строили интроспективный анализ своей профессиональной деятельности исходя из проработанных теоретических положений. В обоих случаях каждый этап выполненной

работы сопровождался индивидуальным обсуждением в целях коррекции ошибок.

На **первом этапе** для формирования общего представления о современной методологии научно-практического исследования проводилось обсуждение основных принципов системного изучения профессиональной деятельности по ориентировочной схеме психологического анализа профессионального становления субъекта труда с учетом уже приобретенных студентами общетеоретических знаний. В ориентировочной схеме были выделены: а) основные субъектно-объектные взаимосвязи, обуславливающие потенциальные ресурсы психологической готовности человека к профессиональной деятельности, развивающиеся в допрофессиональный период жизнедеятельности (человек—мир); б) взаимосвязи, обуславливающие готовность к профессиональному самоопределению (человек—мир профессий); в) связи, обуславливающие взаимосоответствие человека и профессии (человек—профессия) и раскрывающие уровень его психологической готовности к профессиональной деятельности. Эта схема позволяла создать целостную картину психологических особенностей изучения профессиональной деятельности и сформировать общее представление об изучении деятельности специалиста (субъекта труда).

Строилась общая ориентировочная основа планирования деятельности психолога в реальных практических условиях. Приводились примеры диагностики причин успешности/неуспешности деятельности профессионалов; исследования профессиональных стрессов; построения обучающих программ; организации процесса профессиональной диагностики и др. Это позволяло студентам осмыслить значение и необходимость организации практического исследования с позиций современных научных знаний и раскрывало многообразие вариантов задач и стратегий их решения, а также экономичность организации будущей профессиональной деятельности. Результатом первого этапа являлось осознание социальной и научной значимости выбора проблемы исследования и переосмысление примененной стратегии исследования.

Для перехода к следующим этапам студенты должны были составить психологическое описание (по воспоминаниям) процесса исполнения курсовой работы и обосновать с социальной и научной точек зрения выбор ее проблемы, выдвижение гипотезы (оценить успешность ее подтверждения), подбор методического инструментария и организацию исследования. На следующих трех этапах осуществлялось формирование целостного представления о своей профессиональной деятельности, своих профессиональных возможностях с позиций субъектно-деятельностной концепции профессионального труда Е.А. Климова (Иванова, 2010).

На **втором этапе** сначала по литературным источникам изучались объективная составляющая профессии психолога-исследователя и ее субъективное восприятие специалистом; рассматривалась структура трудового поста как одна из форм существования профессии. Затем на основе полученных из литературы знаний студенты описывали объект своего труда, цели работы (с научно-практической и личностной позиций), предмет и отношение к нему, средства его изучения, задачи и обеспечивающие их решение действия, межличностные взаимосвязи и их значимость для работы. В результате формировался образ объекта труда. Данный этап завершался описанием функций, задач, действий и правил их исполнения, а также объективных сложностей, возникающих в процессе исследовательской деятельности.

Второй этап работы оказался с психологической точки зрения наиболее сложным, так как для того, чтобы обоснованно выделить основные объективные характеристики исследовательской деятельности, требовалось осознать смысл детального изучения теоретического материала. Возникали сложности и при интерпретации субъективного смысла целей, правил и норм деятельности. Но именно здесь начинали формироваться такие психологические признаки субъекта труда, как «сознание обязательности достижения заданного результата труда», «ориентировка в межлюдских производственных отношениях», осознание значимости навыков научного анализа при решении практических задач (Климов, 2004).

На **третьем этапе** анализ учебной литературы был направлен на познание психологических основ субъекта труда и характеристик профессионализма в целях осмысления и самооценки своих профессиональных возможностей (Климов, 2003, 2004). Изучались психологические характеристики различных типов профессиональных деятельностей, признаки поведения субъекта труда, психические регуляторы активности человека и их признаки, показатели, по которым можно изучать отношение человека к профессии, и структура профессионализма. На основе этих материалов проводился психологический анализ собственной исследовательской деятельности, раскрывающий сложившиеся в процессе исполнения курсовой работы субъектно-объектные взаимосвязи, и самостоятельно строился опросник (на основе ранее проанализированных данных) для самооценки личностных и профессиональных качеств, характеризующих профессиональную готовность к деятельности психолога-практика. В конце третьего этапа в ответах на самостоятельно сформулированные вопросы студенты оценивали свои профессионально значимые качества и возможности, а также осознавали необходимость развития тех качеств, которые еще были недостаточно сформированы. На этом этапе проявился интерес студента к себе как к субъекту труда. Особенно явно это раскрылось при описании субъективных слож-

ностей, затруднявших исполнение курсовой работы, и др. (Иванова, 2011). Здесь уже начал приобретаться ценностно-мотивационный и рефлексивный опыт, совершенствоваться операциональный и коммуникативный опыт, а также опыт привычной активизации (Осницкий, 2010). Студенты вспоминали целый ряд приемов, самостоятельно придуманных для более успешного выполнения исследования. Процесс обсуждения работы стал более профессиональным.

На **четвертом** (завершающем) этапе на основе самостоятельно проведенного психологического анализа собственной исследовательской деятельности каждый студент составлял операциональную гипотетическую психологическую модель деятельности психолога и описательную характеристику образа будущего профессионала (Иванова, 2011). В результате достаточно подробно раскрывались субъектно-объектные взаимосвязи психолога и объективной реальности, сложности профессиональной деятельности, приемы преодоления организационных и личностных проблем. Наряду с уже известными профессионально важными качествами психолога студенты выделили такие качества, как широкий кругозор и ориентация в различных областях знаний, активная целенаправленная наблюдательность, постоянный поиск новых источников знаний и осознание своих возможностей в различных профессиональных ситуациях, нестандартное творческое мышление, стремление постоянно познавать, развиваться и учиться. Многие обратили внимание на необходимость владения навыками устной и письменной речи, систематизацию излагаемой информации и умение ее объяснять, а также и на роль внешнего вида психолога.

В целом обеспечение студентов полной ориентировочной основой построения и проведения интроспективного психологического анализа собственной исследовательской деятельности позволило каждому построить и научно обоснованно описать индивидуальное представление образа будущего профессионала. У большинства студентов произошло осознание сложности, ответственности, социальной и гуманистической направленности деятельности психолога, осознание своих профессиональных возможностей и необходимость их постоянного развития, а также и переосмысления будущей профессиональной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.: Изд-во МГУ, 1976. [**Galperin P.Ya.** (1976). *Vvedeniye v psyhologiyu*. Moskva: Izdatelstvo MGU]

Гальперин П.Я. Проблема онтогенеза психики (Доклад на методологическом семинаре, руководимом А.Н. Леонтьевым, 24 марта 1976 г.) // Национальный психологический журнал. 2012. № 2 (8). С. 9—13. [**Galperin P.Ya.**

(2012). Problema ontogeneza psihiki (Doklad na metodologicheskom seminare, pukovodimom A.N. Leontievim, 24 marta 1976). *Natsionalniy psihologicheskii zhurnal*, 2(8), 9—13]

Иванова Е.М. Субъектно-деятельностная концепция профессионального труда Е.А. Климова и ее научно-практическая ценность // Вестн. Моск. ун.-та. Сер. 14. Психология. 2010. № 2. С. 15—22. [Ivanova E.M. (2010). Subyektno-deyatelnostnaya kontseptsiya professionalnogo truda E.A. Klimova i ee nauchno-prakticheskaya tsennost. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2, 15—22]

Иванова Е.М. Психология профессиональной деятельности. М.: ПЕРСЭ, 2011. [Ivanova E.M. (2011). *Psychologiya professionalnoy deyatelnosti*. Moscow: PerSe]

Иванова Е.М. К проблеме психологической готовности человека к жизни и профессиональной деятельности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке (Хабаровск). 2012. № 2(34). С. 53—61. [Ivanova E.M. (2012). K problem psihologicheskoy gotovnosti cheloveka k zhizni i professionalnoy deyatelnosti. *Sotsialniye i gumanitarniye nauki na Dalnem Vostoke (Habarovsk)*, 2(34), 53—61]

Климов Е.А. Психология профессионала. М.-Воронеж: Издательский дом РАО, 2003. [Klimov E.A. (2003). *Psychologiya professionala*. Moskva-Voronezh: Izdatelskiy dom RAO]

Климов Е.А. Введение в психологию труда. М.: Изд-во МГУ, Академия, 2004. [Klimov E.A. (2004). *Vvedeniye v psihologiyu truda*. Moskva: Izdatelstvo MGU, Akademiya]

Осницкий А.К. Психологические механизмы самостоятельности. М.: Изд-во Психологического института РАО, 2010. [Osnitsky A.K. (2010). *Psychologicheskiye mehanizmi samostouatelnosti*. Moskva: Izdatelstvo Psihologicheskogo Instituta RAO]

Талызина Н.Ф. Управление процессом усвоения знаний. М.: Изд-во МГУ, 1975. [Talyzina N.F. (1975). *Upravleniye protsessom usvoyeniya znaniy*. Moskva: Izdatelstvo MGU]

Поступила в редакцию
09.11.12

НА ФАКУЛЬТЕТЕ ПСИХОЛОГИИ

КОНКУРС ДИПЛОМНЫХ РАБОТ-2011

В 2011 г. на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова и в его филиалах в Ташкенте и Севастополе был проведен очередной ежегодный конкурс дипломных работ.

Победителями конкурса признаны: *А.В. Правильникова* (1-е место), *Г.А. Иванищук* (2-е место), *В.Б. Демидова* (магистерская диссертация) (3-е место), *А.С. Кузнецова* (3-е место).

Специальными дипломами конкурса отмечены: *О.В. Алмазова* «За гармонию замысла и воплощения»; *Е.С. Горбунова* «За верность экспериментальному методу исследования»; *М.В. Днестровская* «За верность научным традициям»; *М.А. Иосифян* «За инновационный подход»; *О.С. Мустафина* (Ташкент) «За оригинальность исследовательской концепции»; *Е.А. Натович* «За профессиональный ответ на вызовы современности»; *О.С. Перепелкина* «За фундаментальность исследования»; *Л.В. Прохорова* «За практическую значимость исследования»; *Е.С. Рыжикова* «За вклад в развитие качественных методов в психологии»; *А.О. Сутулина* «За вклад в развитие системы дошкольного образования»; *Т.М. Федотова* «За лучшее прикладное исследование».

Ниже публикуются авторские аннотации лучших дипломных работ, выполненных на ф-те психологии МГУ в 2011 г. Материал подготовили *Т.А. Нежнова* и *Н.Н. Поскребышева*.

О. В. Алмазова

Особенности привязанности взрослых сиблингов

Научный руководитель — Г. В. Бурменская

Цель работы — определение особенностей типов взаимоотношений между взрослыми сиблингами, их связи с привязанностью к матери и отношением к миру (на примере базисных убеждений личности).

Методики: 1) адаптированный опросник взрослых сиблинговых отношений *ASRQ*; 2) адаптированный опросник «Шкала сиблинговых отношений на протяжении жизни» (*LSRSI*); 3) методика исследования базисных убеждений личности (М.А. Падун и А.В. Котельниковой); 4) модифицированный опросник для определения типа привязанности к родителям (М.В. Яремчук).

Обследованы 102 взрослых человека (40 мужчин и 62 женщины старше 18 лет), имеющих хотя бы одного сиблинга.

Результаты

1. Полностью подтвердилась гипотеза о том, что взаимоотношения между взрослыми сиблингами существенно варьируются по степени близости, принятия, ощущения сходства друг с другом, а также по проявлению доминирования, конкуренции, противостояния и т.д. На основе указанных параметров и динамики изменений во времени было выделено 4 основных типа взаимоотношений между сиблингами: *1-й тип* (45% выборки) — близкие, неконфликтные, и улучшившиеся во взрослом возрасте по сравнению с детством; *2-й тип* (31%) — близкие, но конфликтно-конкурирующие, отдаляющиеся с течением времени (ставшие менее близкими, чем в детстве); *3-й тип* (19%) — не очень близкие, совсем не конкурирующие, практически не изменившиеся по близости со времен детства; *4-й тип* (5% выборки) — не близкие, конфликтно-конкурирующие, ухудшившиеся со времен детства.

2. Предположение о связи между надежным/ненадежным типом привязанности к матери и характером взаимоотношений между взрослыми сиблингами также получило свое четкое эмпирическое подтверждение. Сиблинги с более надежной привязанностью к матери лучше знают своих сиблингов, оказывают (и получают) большую эмоциональную поддержку, больше привязаны к сиблингу. Частные гипотезы о специфических связях амбивалентного и избегающего типов привязанности к матери с особенностями взаимоотношений сиблингов не подтвердились.

3. Предположение о связи между типом (качеством) привязанности к матери и базисными убеждениями личности подтвердилось частично. Мы ожидали, что для сиблингов с надежной привязанностью к матери будут характерны более высокие показатели базисных убеждений, а именно позитивный образ себя, убежденность в доброжелательности, справедливости и закономерности окружающего мира, контролируемости своей жизни, чем у сиблингов с ненадежным типом привязанности к матери. Однако полученные результаты показали значимую связь привязанности только с уверенностью респондентов в контроле над своей жизнью. По-видимому, у взрослого человека степень убежденности в доброжелательности и справедливости окружающего мира, своей удачливости больше зависят от индивидуального опыта, чем от привязанности к матери, сформированной в детстве.

4. Гипотеза о связи между базисными убеждениями личности и взаимоотношениями взрослых сиблингов друг с другом не подтвердилась. Мы не нашли данных в пользу того, что позитивное видение мира более характерно для сиблингов, имеющих близкие и доверительные отношения, в отличие от сиблингов с эмоционально напряженными или дистантными отношениями.

5. Проверка влияния на взаимоотношения между взрослыми братьями и сестрами таких факторов, как пол, порядок рождения,

разница в возрасте, супружеский статус и расстояние, на котором проживают сиблинги, обнаружила, что для взрослых братьев и сестер фактор «разница в возрасте» не является определяющим (в отличие от детства и подросткового возраста).

А. Г. Ананьева (г. Севастополь)

**Исследование ценностного аспекта концепта «труд»
в образе социального мира**

Научный руководитель — М.В. Грудцина

Цель исследования — изучить особенности концепта «труд» у студентов с различными иерархиями социальных ценностей. Предполагается, что при разном положении ценности «труд» в иерархии социальных ценностей концепт «труд» имеет различия в содержании.

Методика. Использованы ассоциативный эксперимент, методы парных сравнений важных социальных ценностей и контент-анализа, методики психосемантики цвета и семантический дифференциал. Обработка данных проводилась статистическими методами — частотным, факторным.

Обследовано 60 студентов филиала МГУ в г. Севастополе (20 юношей, 40 девушек в возрасте 19—23 лет) — будущих специалистов в разных областях производства.

Результаты

1. Данные, полученные по всей выборке испытуемых, свидетельствуют о том, что наиболее часто с «трудом» ассоциируется зеленый цвет, что означает удивление и заинтересованность, но в то же время некоторую консервативность и статичность.

2. Для трех групп методом свободных ассоциаций были выявлены одинаковые ассоциации ядра концепта, такие как: конкретная деятельность (работа, учеба, полив, посев, деятельность и т.д.) и набор важных личностных и профессиональных качеств (упорство, требовательность, честность, кропотливость, ответственность, сила воли, амбициозность, способность, умение, мастерство, мудрость и т.д.).

3. Данные семантического дифференциала по всей выборке показали на примере модели семантического профиля концепта «труд», что «труд» связывается испытуемыми прежде всего с такими характеристиками, как «полезный», «важный», «умный», «обязательный», «интересный», «четкий». Пики по признакам «интересный», «полезный», «активный», «добрый» отражают эмоционально-оценочный компонент представления о труде.

4. Выявлены отличия между концептом «труд» у групп с разным положением «труда» в иерархии социальных ценностей. В первой группе, где «труд» занимает высокое положение в иерархии социальных ценностей, основной цвет по ассоциации — зеленый.

Ядро модели концепта «труд» составляет категория «полезность», в отличие от остальных групп, где ядро соответствует конкретной деятельности; только в этой группе встречается категория «надежда» (решение проблем, надежда). Отсутствуют категории тяжесть, орудия, времяпрепровождение, положительное и негативное эмоциональное отношение. Эти данные согласуются с данными семантического дифференциала — пиками на семантическом профиле по признакам «важный», «интересный» и «требовательный», связями между понятием «труд» и понятиями «сильный», «большой», «красивый», «чистый», «правильный» и «чуткий».

Е. С. Горбунова

«Эффект превосходства слова» при опознании буквенного стимула в условиях полного и отвлеченного внимания

Научный руководитель — М.В. Фаликман

Эффект превосходства слова (ЭПС) заключается в повышении эффективности (скорости или точности) опознания букв при предъявлении их в составе слова по сравнению с условиями изолированного предъявления и предъявления в составе бессмысленного набора букв. В качестве *предмета исследования* выступило взаимодействие между ЭПС и зрительным вниманием.

Цель работы — прямое сопоставление ЭПС в условиях полного и отвлеченного внимания.

Задачи: 1. Аналитический обзор литературы, посвященной экспериментальным исследованиям ЭПС и его связи с процессами зрительного внимания, а также основным теоретическим подходам к объяснению данного эффекта. 2. Разработка и апробация методики для изучения ЭПС при опознании буквенных стимулов в условиях полного и отвлеченного пространственного зрительного внимания. 3. Экспериментальное исследование ЭПС в условиях полного и отвлеченного внимания.

Общая гипотеза: если зрительное внимание может оказывать модулирующее влияние на ЭПС, то степень выраженности данного эффекта будет разной в условиях полного и отвлеченного внимания. Если же ЭПС определяется автоматическими процессами обработки информации и не связан с пространственным зрительным вниманием, то в условиях полного и отвлеченного внимания данный эффект будет выражен в равной степени.

Методика. Использовалась модифицированная методика центральной эндогенной подсказки М. Познера. Сравнивалась эффективность опознания целевого стимула, входящего в состав слова, неслова или псевдослова в условиях полного внимания (при верной подсказке) и отвлеченного внимания (при неверной подсказке).

Обследованы испытуемые с нормальным или скорректированным до нормального зрением. В основной серии эксперимента — 24 человека в возрасте 17—30 лет; в апробации методики — 30 человек в возрасте 18—23; в дополнительной серии эксперимента — 10 человек в возрасте 18—23 лет.

Результаты

1. ЭПС был получен как в условиях полного внимания, так и в условиях отвлеченного внимания, однако взаимодействия этого эффекта с вниманием обнаружено не было.

2. Особый интерес представляет «эффект превосходства псевдослова», полученный в условиях полного внимания, но не обнаруженный в условиях отвлеченного внимания. Он может свидетельствовать о том, что факторы, определяющие возникновение ЭПС, различны для условий полного и отвлеченного внимания.

3. Анализ результатов приводит к предположению, что сходства и различия в характере ЭПС в разных задачах на зрительное внимание могут быть связаны с наличием или отсутствием ориентировки внимания в направлении места появления целевого стимула. В качестве перспективного объяснения ЭПС может выступать интерпретация этого феномена через изменение размера оперативных единиц перцептивной деятельности субъекта.

И. Н. Гусев (г. Севастополь)

Ценностные ориентации в системе личностных качеств у представителей социономических профессий

Научный руководитель — О. И. Кулиш

Задачи работы: 1) провести анализ теоретических исследований по проблеме ценностных ориентаций; 2) выявить специфику деятельности представителей социономических профессий; 3) раскрыть особенности системы личностных качеств специалистов социономических профессий; 4) описать и проанализировать иерархию ценностных ориентаций и потребностную сферу работников; 5) с помощью методов математической статистики экспериментально установить взаимосвязь ценностных ориентаций с системой личностных качеств.

Гипотеза: ценностные ориентации, выражающие открытость изменениям, определяют особенности системы личностных качеств у представителей социономических профессий.

Методики: опросник Ш. Шварца, методика личностного дифференциала, шкала базовых убеждений Р. Янов-Бульмана, методика диагностики степени удовлетворенности основных потребностей. Применялись методы математической статистики.

Обследованы работники социономических профессий (медицинские работники, учителя, преподаватели, работники милиции, психологи, работники сферы обслуживания) — 70 человек (30

мужчин и 40 женщин в возрасте 21—60 лет, со стажем работы от 1 года до 36 лет).

Результаты

1. Раскрыты особенности системы личностных качеств представителей социомических профессий. Получены следующие факторы личностных качеств человека: ф1 — добросовестный, отзывчивый, дружелюбный, раздражительный, несправедливый и неискренний; ф2 — сильный, добросовестный, энергичный, самостоятельный, неуверенный и общительный; ф3 — обаятельный и разговорчивый; ф4 — деятельный, напряженный и уверенный. Экспериментальное исследование показало, что существует взаимосвязь ценностных ориентаций, выражающих открытость изменениям (самостоятельность, стимуляция) и самовозвышение (власть и достижения), с фактором 2 (качествами силы, добросовестности, энергичности, самостоятельности, неуверенности и общительности).

2. Выявлены статистически значимые различия в выраженности базовых убеждений у мужчин и женщин. Так, убеждение в благосклонности мира и доброте людей больше выражено у женщин, убеждение в самоконтроле — у мужчин.

3. При сравнении всей выборки по рабочему стажу были выявлены статистически значимые различия. У людей со стажем работы от 1 года до 19 лет ценность достижения выражена больше, чем у людей со стажем более 20 лет. В целом ценности «самостоятельность», «доброта» и «безопасность» имеют для испытуемых наибольшие значения, в то время как ценности «власть» и «традиции» наименее выражены.

В. Б. Демидова

Сравнительный анализ гражданской идентичности представителей культур (на примере России, Франции, Великобритании)

Научный руководитель — Е. И. Шлягина

Межкультурное исследование и сравнение содержания гражданской идентичности у представителей разных государств дает целостное понимание этого феномена, показывает его варианты, различия и сходства, а также подчеркивает тезис о культурно-исторической специфичности гражданской идентичности.

Цель работы — сравнительный анализ компонентов гражданской идентичности личности (когнитивного, эмоционального, ценностного) у представителей разных государств (России, Франции, Великобритании).

Методики: 1) проективные: методика М. Куна «Кто Я»; методика «незаконченные предложения» Дж. Ньютона (для завершения было предложено 11 предложений, диагностирующих эмоциональный,

когнитивный и ценностный компоненты гражданской идентичности личности); 2) опросные: тест ценностных ориентаций М. Рокича, тест изучения культурно-ценностных ориентаций Ш. Шварца.

Обследовано 26 россиян, 24 француза, 23 британца.

Результаты

1. По методике «Кто Я» выявлена высокая значимость гражданской идентичности для британской и французской выборок (частота использования данной категории, ее размещения на первых-третьих позициях). Испытуемые российской выборки не идентифицировали себя как граждан РФ.

2. Большое значение для объединения граждан имеют принципы, которые создают общий фундамент; 25% представителей российской выборки отметили формальные принципы объединения (факт проживания, закон). Ответы остальных обнаружили широкий разброс. Французы в большинстве указали на культуру, историю, язык и чувство общности как главные принципы объединения. Для британской выборки главным объединяющим фактором является гражданство.

3. И британцы, и французы отметили хорошее взаимодействие с властью и указали на большое количество эффективных способов этого взаимодействия. Представители российской выборки отметили сложность и неэффективность взаимодействия с властью.

4. При завершении предложения «Ценности России...» (Франции, Великобритании) россияне и британцы дали широкий разброс ценностей, 42% французов выделили «свободу, равенство и братство» как основную ценность, которая со времен Великой французской революции актуальна до наших дней.

5. Результаты по методике Ш. Шварца показали, что между культурами существуют различия в значимости определенных ценностных ориентаций. В каждой культуре преобладают разные измерения: в России — овладение—гармония; в Великобритании — равенство—иерархия; во Франции — автономия—включенность. Соотношение и дистанция между полюсами у каждой ценности в каждой культуре разные.

6. Результаты корреляционного анализа связи культурно-ценностных ориентаций по Ш. Шварцу и индивидуальных ценностей по М. Рокичу выявили, что каждая культура имеет не только свой ценностный профиль, но и специфические связи культурных и индивидуальных ценностей.

7. Анализ всех результатов дает основание говорить, что гражданская идентичность представителей российской выборки обладает неполнотой, эмоциональной амбивалентностью, рассогласованием содержания на осознаваемом и неосознаваемом уровнях. Гражданская идентичность у испытуемых французской и британской выборок свидетельствует о сформированности ее компонентов и хорошем согласовании содержания уровней.

М. В. Днестровская

**Культурная детерминация индивидуализма
автобиографической памяти (на материале
городской и деревенской выборок)**

Научный руководитель — В. В. Нуркова

Цель работы — изучение временной динамики насыщенности специфическими вербальными индикаторами автобиографических нарративов представителей культурных общностей различных относительно дифференцирующих культуры параметров коллективизма и индивидуализма (городская и деревенская). В основу эмпирического исследования была положена гипотеза о том, что с содержательной стороны культурные жизненные сценарии (культурные модели последовательности наиболее значимых для жизни человека событий) обладают динамичной внутренней семантикой, которую можно эксплицировать при анализе распределения семантических индикаторов коллективизма и индивидуализма в автобиографических текстах. Дополнительная задача — разработка оригинального инструментария для решения поставленных задач.

Методика. В работе реализуется методология культурно-исторического подхода Л. С. Выготского применительно к автобиографическому нарративу. Конкретная методология исследования опирается на концепцию автобиографической памяти как высшей психической функции второго порядка В.В. Нурковой. Сбор данных происходил методом открытого интервью с респондентами. Полученные данные были подвергнуты контент-анализу. Основные расчеты проводились в программе Matcad v. 15.0. Также нами использовалась специально разработанная для данной научной работы программа обработки и нормирования полученных данных для создания усредненных культурно специфичных профилей представленности целевых индикаторов в автобиографических нарративах.

Обследованы три группы респондентов общей численностью 49 человек (ср. возраст 79 лет): 1-я группа — 20 жителей 8 деревень Мантуровского р-на Костромской обл.; 2-я — 11 жителей различных городов РФ (люди, родившиеся, воспитывавшиеся и проживающие всю жизнь в городских условиях); 3-я группа — 18 жителей Москвы и Московской обл. (родившиеся в различных деревнях и селах и переехавшие из деревни в город).

Выводы

Поддержано представление о том, что пропорция индивидуализма и коллективизма в субъективной картине прошлого является динамичной и специфичной для различных этапов жизненного пути. На материале автобиографических нарративов носителей одного языка — пожилых представительниц городской и деревенской культурных

общностей — показано, что присутствующий в культурном жизненном сценарии способ самоопределения в координатах коллективизма/индивидуализма варьируется на разных возрастных этапах развития человека. При этом в жизненном сценарии, в целом ориентированном на конституирование «индивидуалистического я», присутствуют периоды с ярко выраженными предписаниями коллективизма (период детства и старости в городском сценарии). И наоборот в жизненном сценарии, в целом ориентированном на «коллективистическое я», присутствуют периоды с повышенными требованиями к автономности (детство и старость в деревенском сценарии).

Г. А. Иванищук

Связь уровня макиавеллизма с когнитивно-аффективным стилем личности пациентов, совершивших суицидальную попытку

Научный руководитель — Е. Т. Соколова

Макиавеллизм понимается как особый стиль взаимодействия, выражающийся в готовности манипулировать и воспринимать других в качестве объектов, а не субъектов, реализующийся определенными когнитивными стратегиями и механизмами эмоциональной регуляции, имеющий выраженные прагматические эффекты.

Цель — изучение связи уровня макиавеллизма с дисфункциональной системой аффективно-когнитивных факторов и рядом поведенческих параметров у пациентов, совершивших суицидальную попытку.

Методики: фрустрационный тест Розенцвейга, модифицированный для диагностики уровня ментализации; беседа по полуструктурированному интервью; тест Роршаха; методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко; методика определения уровня макиавеллизма Mach-IV, адаптированная В.В. Знаковым; тест описания поведения К. Томаса; «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта, адаптированная И.И. Грачевой; две игры с ненулевой суммой.

Обследовано 73 человека, из них 35 пациентов кризисного отделения ГКБ № 20, совершивших одну или множественные попытки самоубийства с диагнозами «депрессивный эпизод легкой или умеренной степени» и «расстройство адаптации» (клиническая группа); 38 человек в группе условной нормы.

Результаты

1. В клинической группе значимо более высоким, чем в группе нормы, оказался показатель макиавеллизма. Высокая манипулятивная направленность лиц, совершивших попытку суицида, подтверждает теоретическую модель рассмотрения парасуицида как генерализованного механизма манипуляции.

2. Дисфункциональность стратегий высоких макиавеллистов суицидальной группы связана с системой когнитивных и аффективно-регуляторных параметров, опосредующих влияние манипулятивных установок. К когнитивным особенностям относятся более выраженные нарушения мышления: сочетание снижения уровня обобщения с искажением процесса обобщения, отразившиеся в нарушениях ментализации. Низкий уровень ментализации, присущий пациентам с множественными суицидальными попытками, характеризуется «механистичностью» мышления, дефицитом символизации, «примитивным» конкретно-ситуативным уровнем понимания причинности. Псевдоментализация, чаще встречающаяся при единичных парасуицидах, связана с нечувствительностью к противоречиям, снижением критичности, сверхпристрастностью и эгоцентричностью мышления.

3. Уровень макиавеллизма в обеих группах связан с разными паттернами защит и копинг-стратегиями. Для низких макиавеллистов характерно отрицание конфликта, избегание, эмоциональная вовлеченность, в клинической группе приводящая к искажению вплоть до перцептивных ошибок. Стратегии высоких макиавеллистов экспансивны, ориентированы на разрешение значимого конфликта и получение выигрыша разными средствами, а также на контроль над ситуацией. Деадаптивность манипулятивных стратегий, воплощением которой является суицидальное поведение, связывается с нарушениями ментализации, т.е. с отсутствием связного представления о собственном состоянии и переживаниях других людей, и, следовательно, с дефицитарными возможностями саморегуляции.

Полученные результаты позволяют расширить представления о синдромном строении предикторов суицидального поведения, включающего когнитивно-аффективные дисфункции, нарушение ментализационного звена коммуникации, манипулятивность и макиавеллизм.

М. А. Иосифян

Особенности представлений о ценности здоровья в подростковом возрасте

Научный руководитель — Г. А. Арина

Работа посвящена исследованию особенностей формирования и функционирования ценности здоровья в подростковом возрасте в контексте микро- (семья) и макро- (культура) социальных факторов. Ценность здоровья — одна из ключевых психологических переменных, оказывающих влияние на профилактически направленное или рискованное поведение человека.

Гипотеза: ценность здоровья является важным элементом внутренней картины здоровья и оказывает влияние на поведение, связанное со здоровьем.

Методики. Для исследования представлений о здоровье использовались опросник «Представления о факторах, влияющих на здоровье» и методика «Оценка значимости ценностей»; для исследования эмоционального отношения к здоровью применялся Ценностный тест отношений; для исследования регуляторной роли ценности здоровья — методики «Здоровье как один из параметров идентичности», «Неоконченные предложения», «Рисуночный тест ситуаций».

Обследовано 40 московских школьников (15—16 лет), 40 американских школьников (14—16 лет), 11 подростков с психопатопободным синдромом.

Результаты

1. Положение ценности здоровья в иерархии ценностей определяет особенности побудительной силы ценности здоровья на всех уровнях деятельности.

2. Представления о факторах, влияющих на здоровье, связаны с типом ценностей, преимущественно транслируемых в той или иной культуре в рамках семейного контекста: в российской культуре — ценности коллективной ответственности за здоровье, в американской культуре — ценности индивидуализма.

3. Эмоциональное отношение к здоровью и его компонентам связано с представлениями о значимости влияния того или иного фактора на здоровье.

4. Представления о себе, интегрирующие смысловую сферу здоровья с другими личностно значимыми сферами жизни индивида, связаны с более продуктивными тактиками поведения в ситуациях, связанных со здоровьем.

5. В условиях патологической мотивационной структуры личности при психопатиях особенности представлений о здоровье связаны с некритичным отношением к роли вредных привычек, с отсутствием структурированных представлений о факторах, влияющих на здоровье, с низкой значимостью ценности здоровья в связи с высокой значимостью ценности экспансивного самоутверждения и гедонистическими потребностями.

А. С. Кузнецова

Личностная автономия и инициативность в подростковом возрасте

Научный руководитель — Г.В. Бурменская

В работе дана характеристика особенностей проявления личной автономии и инициативности подростков и описана их связь.

Методики: 1) опросник на определение уровня автономии подростков; 2) опросник на оценку степени самодетерминации; 3) опрос-

ник на определение особенностей проявления самостоятельности подростков (составлен автором); 4) опросник на оценку степени инициативности подростков (составлен автором); 5) проективная методика определения проявлений инициативности у подростков (составлена автором); 6) модифицированная методика «Незаконченные предложения» (составлена автором); 7) интервью (составлено автором).

Обследовано 114 учащихся 6—11-го классов московских школ (59 мальчиков и 55 девочек).

Результаты

1. Уровень автономии подростков заметно, хотя и неравномерно по разным аспектам, возрастает от 6-го к 11-му классу. Рост самостоятельности происходит в первую очередь в сферах отношений со сверстниками, личных интересов, вкусов, а также в регуляции учебной деятельности. В то же время не выявлено значимого роста самостоятельности в бытовой сфере. Существуют различия (особенно среди старших подростков) в их стремлении к расширению сферы проявления самостоятельности. Часть подростков вполне удовлетворена доступным уровнем самостоятельности, а большая ее степень их пугает, так как предполагает большую ответственность, другие же подростки стремятся к расширению области своей самостоятельности. Собственная оценка личностной автономии подростками далеко не всегда совпадает с мотивационной составляющей автономии, в частности со степенью самодетерминации в их поведении. Несмотря на высокий процент подростков, считающих себя высоко самостоятельными, около двух третей опрошенных показывают низкий или средний уровень самодетерминации, т.е. значительная часть их активности задается извне. Старшие подростки обнаруживают большую критичность по сравнению с младшими относительно детерминации своего поведения.

2. Стремление к проявлению инициативы статистически значимо возрастает у подростков с 6-го по 11-й класс. Это касается и сферы общения, и учебной деятельности. Одновременно растет уровень понимания этого явления и его значимости. Так, старшие подростки обнаруживают более позитивное, чем младшие, отношение к проявлению инициативы другими людьми, и считают инициативу важным личностным качеством. Но, несмотря на рост готовности подростков проявить инициативность в заданиях вербального типа, они показывают низкую степень инициативности на уровне реального действия. У многих подростков имеет место несоответствие между образом себя как инициативного человека и реальной неготовностью к инициативному поведению. С возрастом этот разрыв уменьшается.

3. Рост инициативности статистически значимо связан с ростом самостоятельности. Чем выше самостоятельность подростка, тем более он готов к порождению инициатив и наоборот. Инициатива обе-

спечивается способностью самостоятельно реализовать какое-либо действие, поэтому в первую очередь она проявляется в знакомых и привычных подростку ситуациях, школьных или бытовых.

О. С. Мустафина

Персонификация коммуникатора как фактор доверия рекламе

Научный руководитель — Ю. Э. Ширков

Заставить людей поверить рекламе — достаточно сложная задача. Люди верят не чему-то, а кому-то.

Цель работы — оценить, как влияет степень персонификации коммуникатора в рекламном сообщении на уровень доверия рекламе.

Гипотеза: чем выше степень персонификации рекламного сообщения, тем выше уровень доверия рекламе.

Метод — «естественный» эксперимент. На улицах Ташкента прохожим было роздано 696 рекламных листовок. Реклама призывала набрать номер телефона, потратить 1 минуту на разговор и получить взамен 10 бесплатных минут на свой телефонный счет. Текст всех листовок убедительно мотивировал сделать звонок. Однако они различались изображением и описанием человека, который обращался с этим предложением.

Первый вариант листовки содержал только обращения (1), в остальных вариантах последовательно добавлялись элементы: имя коммуникатора (2), его формальный статус (3), его некоторое ценностное убеждение (4), образ коммуникатора без деталей лица, в полный рост (5), его портретное изображение, где детали лица ярко выражены (6). Для контрольных целей было создано две серии рекламных листовок. Итого прохожим было роздано 12 вариантов листовок, по 58 штук каждого варианта.

В каждом варианте листовок был указан свой номер телефона, и в период проведения «акции» 12 телефонов принимали звонки. Фиксировались все звонки: пропущенные — только для количественного анализа, принятые — также для проведения опроса. В процессе опроса респонденту задавались два вопроса: «Почему Вы решили позвонить?», «Что именно заставило Вас поверить данному рекламному сообщению?». После опроса отвечавшим был пополнен баланс телефона.

Связь количества звонков, поступивших на 12 телефонных номеров, и уровень персонификации соответствующих сообщений были исследованы с помощью одномерного регрессионного анализа. Причины и мотивы, повлиявшие на факт звонка, были подвергнуты субъективной интерпретации.

Результаты

Зафиксировано 143 телефонных звонка, по 20 из них был проведен опрос. Таким образом, позвонил (т.е. поверил рекламному со-

общению) каждый пятый человек. Чаще звонили люди, получившие более персонифицированные рекламные листовки. Регрессионный анализ показал, что подтверждающая гипотезу модель объясняет около 90% зависимого признака на значимом уровне (0.05), что свидетельствует о соответствии экспериментальных данных теоретической модели.

Выводы

1. Обнаружена значимая линейная зависимость между степенью персонификации коммуникатора в рекламе и уровнем доверия рекламе. При этом уровень доверия рекламе тем выше, чем сильнее выраженность персонификации рекламного сообщения.

2. В процессе проведения качественного анализа на уровне тенденций обнаружены следующие закономерности:

а) в том случае, когда персонифицированность сообщения минимальна, стратегия поведения людей в большей степени зависит от готовности или склонности к риску, чем от доверия. Мотив обогащения и «спортивный интерес» также важны;

б) по мере того как персонифицированность сообщения увеличивается, происходит смена мотивов в стратегии поведения. Факт звонка в данном случае был больше связан с мотивами общения, удовлетворения любознательности и т.п.

О. С. Перепелкина

Особенности телесного и эмоционального опыта у близнецов

Научный руководитель — Г. А. Арина

Данное исследование — необходимый этап в изучении формирования образа тела и развития телесности у человека в норме.

Эмпирические гипотезы:

1) особенности развития близнецов влияют на их аффективную и коммуникативную сферы, поэтому они отличаются от одиночно-рожденных детей эмоциональными характеристиками и сферой межличностного общения (близнецы более избирательны в контактах с окружающими, эмоционально зависимы от со-близнеца и т.д.);

2) внешнее сходство близнецов и особенности «близнецовой ситуации» приводят к более позднему развитию у них представлений о границах и, следовательно, схеме тела, к менее дифференцированному образу тела и иному отношению к телу и его частям по сравнению с одиночно-рожденными детьми.

3) все феномены телесного и эмоционального опыта, свойственные близнецам, в большей степени будут проявляться у монозиготных близнецов по сравнению с дизиготными.

Методика. Методы исследования эмоционального опыта: методика определения детской тревожности “СМАС” (А.М. Прихожан),

«Метод цветových выборов» (Л.Н. Собчик), «Методика свободного описания поз и жестов» (В.А. Лабунская), «Рисунок человека» (К. Маховер). Методы исследования эмоционального опыта: «Рисунок человека» (К. Маховер), «Цветовой тест отношений» (Е.В. Эткинд, модификация Г.А. Ариной), «Классификация дескрипторов соматических ощущений» (Г.А. Арина).

Обследовано 36 моно- и дизиготных близнецов (по 9 пар МЗ и ДЗ), а также 20 одиночнорожденных детей в возрасте 8—12 лет. Все дети — учащиеся СОШ г. Москвы и Подмоскoвья (Долгопрудный, Мытищи, Фрязино, Черноголовка, Красногорск).

Результаты

1. Эмоциональный опыт одиночнорожденных детей отличается от эмоционального опыта близнецов. Обнаружены различные феномены эмоционального опыта, свойственные близнецам: их бо́льшая активность и ориентированность на внешний мир; менее развитая способность к вербализации эмоций, а также к самоконтролю и когнитивной регуляции аффективных состояний. Выявлены специфические особенности, связанные с «близнецовой ситуацией» развития: некоторые трудности в межличностном взаимодействии и преобладание некоторых эмоционально-личностных черт (например, демонстративность), возникающих из-за необходимости отличаться от со-близнеца.

2. Обнаружены различия в организации телесного и болевого опыта одиночнорожденных детей и близнецов. Выявлено, что у близнецов менее развита схема тела и менее дифференцированный образ тела по сравнению с одиночнорожденными детьми того же возраста. Найдены различия в эмоциональном отношении к телесному и болевому опыту, а также в сознательном отношении к телесным ощущениям: проанализированы и описаны специфические особенности, свойственные каждой группе.

3. Феноменология телесного и эмоционального опыта, выявленная и описанная для группы близнецов, более отчетливо проявляется у МЗ по сравнению с ДЗ.

4. На основе оценки и сравнения внутриспарного сходства МЗ и ДЗ были рассчитаны показатели вклада наследственности и среды в вариативность некоторых признаков и сделаны следующие выводы:

а) тревожность формируется под влиянием среды при наличии генетической предрасположенности;

б) наследственность вносит существенный вклад в формирование схемы тела, но при этом помимо наследственных факторов на схему тела влияет специфическая «близнецовая ситуация»: она усиливает внутриспарное сходство этого параметра у многозиготных близнецов, поэтому окончательный вывод о вкладе наследственных и средовых факторов в формировании схемы тела сделать нельзя;

в) в формирование сознательного отношения к телесному опыту преобладающий вклад вносит среда.

Ю. С. Пономаренко (г. Севастополь)

Особенности оценки временной перспективы личностями с разными стратегиями самореализации

Научный руководитель — С. А. Наличаева

Задачи работы: провести теоретический анализ подходов к изучению временной перспективы (ВП) и самореализации личности в психологии; изучить сущность феномена самореализации личности и обосновать выделение определенных стратегий самореализации (СС); подобрать методические средства для определения ВП и СС испытуемых; изучить особенности ВП респондентов с различными СС.

Методики. Применялись методы наблюдения, беседы; психодиагностические методики в бланковой форме. Для оценки особенностей ВП личности — шкала временных установок Ж. Нюттена; «Опросник Ф. Зимбардо по временной перспективе». Для исследования СС личности — «Самоактуализационный тест» (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская), «Тест смысловых ориентаций» (Д.А. Леонтьев), «Опросник терминальных ценностей» (И.Г. Сенина). Использованы методы статистической обработки данных (SPSS for Windows 12.0): анализ достоверности различий (U-критерий Манна—Уитни, критерий Вилкоксона), сравнительный анализ с помощью мер центральной тенденции, корреляционный анализ (r-Пирсона).

Обследовано 65 молодых специалистов — представителей социально-экономических профессий (г. Севастополь), 19 мужчин и 46 женщин, возраст 22—28 лет (ср. возраст 24,7 года).

Результаты

Выявлено, что ВП в группах с различными СС характеризуется качественными отличиями. Группа с продуктивной СС имеет сбалансированную ВП, с умеренно выраженной устремленностью в будущее, положительной аффективной установкой к будущему, настоящему и прошлому, высокой компетентностью во времени. Испытуемые с ориентацией на духовные ценности, средними уровнями самоактуализации, осмысленности жизни центрированы на гедонистическом настоящем, имея довольно высокий показатель по шкале негативного прошлого; отличаются низкой компетентностью во времени. Испытуемые с ориентацией на материальные ценности, средним уровнем самоактуализации, низким уровнем осмысленности жизни ориентированы на будущее и позитивное прошлое, имеют отрицательную аффективную установку по отношению к настоящему; за счет целеустремленности, отсутствия концентрации на негативном прошлом и фаталистическом настоящем. Группа с наименее эффективной стратегией самореализации ориентирована на позитивное прошлое с низкой компетентностью во времени.

Таким образом, фиксация на прошлом и (или) будущем приводит к тому, что эти отрезки времени не становятся для личности действи-

тельностью, в которой можно самореализоваться. Ориентация на настоящее имеет оптимум выраженности, превышение приводит к снижению функции целеполагания, структурирования и активного планирования своей жизни.

А. В. Правильникова

Субъективная семантика эмоций у больных шизофренией

Научный руководитель — А. Ш. Тхостов

Исследование выполнено в традиции школы Е.Ю. Артемьевой, занимавшейся разработкой проблемы субъективной семантики в норме и при психической патологии. В целях изучения данной области в работе затронуты (1) проблема индивидуальных систем значений эмоций в норме и патологии; (2) проблема функционирования данных систем значений в контексте личностных мотивов испытуемых; (3) проблема влияния прогрессивности течения болезненного процесса на степень выраженности нарушений субъективной семантики эмоций.

Гипотезы: 1) субъективная семантика эмоций в норме и при шизофрении имеет структурные и функциональные различия; 2) нарушения субъективной семантики эмоций зависят от степени выраженности шизофренического дефекта.

Методики. Тест Люшера; семантический дифференциал; парные методики: а) классификационные — «классификация предметов» и «классификация эмоциональных картин»; б) «Исключение лишнего» — «исключение лишнего предмета» (вербальный вариант) и «исключение лишней эмоции» (вербальный вариант); в) «Определение понятий» — «определение понятий, относящихся к предметной реальности» и «определение понятий, относящихся к эмоциям».

Обследовано 30 здоровых испытуемых и 30 больных с малопрогрессирующей шизофренией, ведущая психопатологическая симптоматика которой определялась невротоподобными и, реже, психопатоподобными расстройствами.

Выводы:

1. При шизофрении факторная структура субъективного семантического пространства эмоций остается относительно сохранной.

2. Субъективная семантика эмоций в норме и при шизофрении имеет мотивационные, структурные и функциональные различия.

Мотивационные различия: снижение социальной направленности больных шизофренией в сравнении с нормой;

Структурные различия: а) низкая степень дифференцированности категориального аппарата эмоций, а также снижение способности дифференцировать свое эмоциональное состояние от эмоционального состояния другого у больных шизофренией; б) наличие

у больных шизофренией вычурных категорий эмоций, никогда не встречающихся в норме, а также категорий, искаженных влиянием сверхценных образований; в) наличие в семантическом аппарате эмоций больных шизофренией так называемых «лакун», т.е. недоразвитых или труднодоступных (вследствие повышенных порогов актуализации) категорий эмоций.

Функциональные различия: а) наличие у больных шизофренией выраженных отклонений в процессе обобщения понятий аффективного спектра в сравнении с нормой; б) снижение частоты актуализации социально значимых признаков при анализе понятий аффективного спектра в сравнении с нормой; в) наличие специфических «номинативных» затруднений в отношении эмоциональной сферы.

3. В качестве сохранных звеньев структуры субъективной семантики эмоций больных шизофренией следует отметить относительную сохранность параметра «знак эмоции» как дифференцировочного параметра, используемого для анализа аффективного состояния человека.

4. Степень выраженности шизофренического дефекта, с одной стороны, оказывает влияние на способность дифференцировать свои эмоции от эмоций другого; а с другой — практически не оказывает влияния на дифференцированность самих категорий эмоций.

Л. В. Прохорова

Разработка методики нейропсихологического наблюдения за детьми 3—7 лет с когнитивными и эмоционально-личностными нарушениями

Научный руководитель — Т. В. Ахутина

Для детей, имеющих сложную структуру дефекта (сочетание когнитивных и эмоционально-личностных нарушений), классические тестовые методики зачастую являются недоступными и малоинформативными.

Гипотеза: метод следящей диагностики (предложен Н.М. Пылаевой) позволяет провести количественный и качественный анализ особенностей высших психических функций (ВПФ) и проследить динамику их развития у детей 3—7 лет, имеющих сочетание эмоциональных и когнитивных нарушений.

Использовался *метод* структурированного наблюдения, были разработаны конкретные приемы следящей диагностики и выделены значимые параметры наблюдения. Наблюдение за детьми осуществлялось трижды в течение полутора лет. Для дальнейшего анализа использовалась также видеозапись занятий.

Обследованы дети 3—7 лет, имеющие диагноз «ранний детский аутизм». В работе представлен подробный сравнительный анализ двух случаев.

Выводы

1. Следящая диагностика является экологически валидным методом, так как проводится в естественных для ребенка условиях, она адекватна для анализа поведения, когнитивных функций и эмоциональных реакций детей дошкольного возраста, имеющих грубый дефект когнитивной и эмоционально-личностной сфер.

2. Следящую диагностику можно использовать для качественной и количественной оценки динамики изменений поведения ребенка, оценки эффективности коррекционного воздействия, постановки коррекционных задач.

3. Выделенные параметры диагностического нейропсихологического наблюдения (по направлениям «работоспособность», «особенности исполнения», «произвольная регуляция», «эмоциональное сопровождение и взаимодействие») действительно отражают поведение выбранного контингента детей и являются значимыми для дальнейшего синдромного анализа нарушений ВПФ у этих детей.

4. Разработанный бланк для структурированного внесения данных наблюдения может быть использован в практической работе.

5. Подтвердилась информативность и простота в работе показателя «доля времени участия» ребенка, применявшегося нами дополнительно к основным разделам наблюдения. В этом показателе может быть отражен уровень социализации и работоспособности ребенка.

КОНКУРС ДИПЛОМНЫХ РАБОТ-2012

В 2012 г. на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова и в его филиалах в Ташкенте и Севастополе был проведен очередной ежегодный конкурс дипломных работ.

Победителями конкурса признаны: *Л.Р. Хазиахмедова* (1-е место), *С.С. Орбелян* (2-е место), *С.М. Паршина* (2-е место), *А.И. Горбунова* (Ташкент) (3-е место), *А.И. Данилова* (3-е место).

Специальными дипломами конкурса отмечены: *Е.А. Назарова* «За практическую значимость исследования»; *Е.С. Путрик* «За культуру научного исследования»; *М.К. Рыбникова* «За вклад в развитие отечественной психодиагностики»; *Е.В. Чурилина* «За развитие традиций научных школ Московского университета».

Ниже публикуются авторские аннотации лучших дипломных работ, выполненных на ф-те психологии МГУ в 2012 г. Материал подготовили *Т.А. Нежнова* и *Н.Н. Поскребишева*.

А. И. Горбунова

Детерминанты этнической и религиозной идентичности в мультикультурной среде

Научный руководитель — О. В. Митина

Цель работы — выявление личностных детерминант видов социальной идентичности, выделенных на основе анализа взаимодействия факторов «Степень вовлеченности в свою группу» и «Степень толерантности к представителям чужих групп».

В качестве теоретической основы работы выступили концепция *Personality System Interactions (PSSI)* Ю. Куля и трехчастная модель общения Г.М. Андреевой, предполагающая выделение коммуникативной, интерактивной и перцептивной сторон этого процесса.

Предмет исследования — система личностных детерминант этнического и религиозного типов социальной идентичности.

Методики. Тест контроля действия «Хакемп-24» (*Action Control Scale; Накемп*) Ю. Куля в русскоязычной адаптации И.А. Васильева, О.В. Митиной, С.А. Шапкина; Шкала макиавеллизма (MACH-IV) Р. Кристи и Ф. Гейс в адаптации В.В. Знакова; Опросник личностных стилей *PSSI* Ю. Куля в русскоязычной адаптации О.В. Митиной и А.В. Бердникова; Авторская методика, построенная по принципу опросника множественных идентификаций и составленная на основе цитат, отражающих ценности разных (религиозных и светских) идеологических систем.

Обследованы представители разных национальностей (русские, узбеки, татары, корейцы) и конфессий (православие, ислам) — всего 189 респондентов (122 женщины и 67 мужчин) в возрасте от 14 до 72 лет.

Выводы

1. Ориентация на действие в ситуации неудачи и макиавеллизм являются детерминантами видов социальной идентичности, образованных путем пересечения факторов «Степень вовлеченности в свою группу» и «Степень толерантности по отношению к чужим»;

2. Субъекты, проявляющие большую толерантность к представителям чужой социальной группы при оценивании их по критерию «Принятие/отрицание религиозной веры», обладают большей выраженностью ориентации на действие в ситуации неудачи и меньшим макиавеллизмом.

3. При оценивании своей и чужих социальных групп по критерию «Принятие/отрицание религиозной веры» более вовлеченные в свою группу субъекты обладают более выраженной ориентацией на действие в ситуации неудачи (эта закономерность справедлива лишь для толерантных людей; интолерантные субъекты обладают одинаково низкими показателями саморегуляции вне зависимости от степени вовлеченности в свою группу).

А. И. Данилова

Влияние нагрузки на рабочую память пользователя на эффективность навигации в меню мобильных устройств

Научный руководитель — Б. Б. Величковский

Цель — изучение влияния нагрузки на рабочую память на эффективность навигации в меню мобильных устройств.

Задачи: 1. Анализ понятий «пользовательский интерфейс», «меню вычислительных устройств», «навигация в меню устройств», «рабочая память», «нагрузка на рабочую память»; 2. Разработка принципов проектирования меню мобильных устройств в соответствии с их структурными особенностями; 3. Анализ структур меню существующего мобильного устройства и их трансформация с целью снижения нагрузки на рабочую память пользователя; 4. Проведение эмпирического исследования, направленного на сравнение эффективности навигации в меню проанализированного мобильного устройства и в его трансформированной версии, с целью демонстрации влияния нагрузки на рабочую память пользователя на эффективность навигации в меню мобильных устройств.

Гипотезы: 1. Навигация в трансформированных структурах меню осуществляется эффективнее, чем в оригинальных структурах. 2. Необходимость выполнять дополнительную задачу наряду с задачей навигации, увеличивающая нагрузку на рабочую память, снижает эффективность навигации в трансформированных струк-

турах меню в меньшей степени, чем в оригинальных структурах меню. 3. При увеличении нагрузки на рабочую память пользователя и расстояния до целевой команды навигация осуществляется эффективнее в трансформированных структурах меню по сравнению с оригинальными меню.

Методика и испытуемые. Был разработан эксперимент, в котором задания предъявлялись с помощью компьютерной программы, представляющей испытуемому модель мобильного устройства с рабочими кнопками и задание, которое необходимо выполнить. Были проведены 6 серий эксперимента: 2 серии для оригинальных структур меню и 4 серии для трансформированных. Серии эксперимента отличались друг от друга наличием или отсутствием дополнительной задачи, которая увеличивала нагрузку на рабочую память пользователя. Половина испытуемых начинала эксперимент с серии без дополнительной нагрузки на рабочую память, другая часть — с серии с нагрузкой. Таким образом, были образованы 4 группы испытуемых, каждая из которых состояла из 2 человек. 5-я и 6-я серии были проведены с использованием новых меню. В них принимали участие 4 человека — по одному из каждой группы.

Результаты

1. Различные структуры меню по-разному эффективны в зависимости от уровня нагрузки на рабочую память и расстояния до необходимой функции.

2. Изменения в структуре меню, проведенные в соответствии с выделенными особенностями структур меню, влияющими на увеличение нагрузки на рабочую память, способствуют повышению эффективности навигации в меню.

3. При увеличении нагрузки на рабочую память пользователя эффективность навигации снижается в обеих версиях меню, но это более выражено в оригинальных структурах меню мобильных устройств.

4. С увеличением расстояния эффективность навигации снижается, однако в трансформированной версии меню это ухудшение выражено слабее, чем в оригинальных структурах меню.

Е. А. Назарова

Особенности телесного опыта в контексте переживаний психотравматических ситуаций

Научный руководитель — Г.А. Арина

В работе сделана попытка применения культурно-исторического подхода к изучению феноменологии телесности в контексте переживания психотравмирующего опыта.

Выдвинуто предположение, что телесный опыт у здоровых людей является частью переживания психотравматических ситуаций, а телесность встроена в переживание психотравмы.

Методики: опросник травматических ситуаций (*Life Experience Questionnaire, LEQ*); «Миссисипская шкала» (гражданский вариант); «Классификация дескрипторов соматических ощущений» (КДСО) в разработке Г.А. Ариной; «Шкала вегетативной перцепции» (ШВП) в модификации Г.А. Ариной); «Исследование уровня тревожности» Спилбергера—Ханина; «Торонтская алекситимическая шкала» (TAS-20); «Индекс жизненного стиля» (*Life Style Index, LSI*).

Обследовано 50 человек (21 женщина и 29 мужчин) в возрасте 30—50 лет (30—40 лет — 24 чел.; 40—50 лет — 26 чел.). Из них 38 с высшим образованием, 12 со средним специальным. Все испытуемые соматически здоровы, т.е. не имеют подтвержденного медицинского диагноза.

Результаты

1. Установлено, что в рамках выборки здоровых людей существуют разные варианты организации воспоминаний о психотравматических ситуациях, качественно отличающиеся по параметру интенсивности. Обнаружена важная роль активности самого субъекта в процессе нового смыслопорождения в отношении психотравматических переживаний.

2. Выявлено, что субъективно более высоко оцениваемая интенсивность всего полученного опыта по переживанию психотравмы соответствует более высокому уровню проявления актуальной симптоматики ПТСР.

3. Обнаружено, что фактор удаленности по времени и тип самих ситуаций не оказывают существенного влияния на степень выраженности признака интенсивности в переживании подобного опыта. Доказано, что «пик травматических воспоминаний» по числу воспроизводимых событий, а также по степени интенсивности их переживания относится к возрасту 22—30 лет.

4. Подтвердилась гипотеза о том, что телесный опыт у здоровых людей является частью переживания психотравматических ситуаций, телесность встроена в переживание психотравмы. Выявлена взаимосвязь между особенностями организации телесного опыта и переживанием психотравмы. У здоровых людей происходит встраивание переживаний психотравмы в телесный опыт за счет увеличения числа болевых ощущений в переживании психотравмы, наращивания симптомов вегетативного дискомфорта и неблагополучия, расширения числа негативных дескрипторов соматических ощущений. За счет включения в организацию телесного опыта сама травма может становиться частью патологического симптомогенеза.

5. Выдвинуто предположение, что взаимосвязь переживаний психотравмы и телесный опыт носят характер патогенетического

круга, в рамках которого память о травме меняет телесный опыт, а измененный телесный опыт в свою очередь влияет на интенсивность и травматичность как воспоминаний прошлого, так и актуальных переживаний травмы.

С. С. Орбелян

Личностные предикторы одиночества

Научный руководитель — Е. И. Шлягина

Проблема одиночества приобретает особую остроту и актуальность в условиях жизни в современном мире, характеризующемся отсутствием доверительного и подлинного общения, широким распространением виртуальной коммуникации, быстрым темпом жизни, необходимостью ежедневно поддерживать вынужденные контакты с большим числом людей и т.д.

Гипотеза: существует различие в переживании субъектом чувства одиночества в зависимости от выраженности его личностных характеристик.

Методики: диагностический опросник «Одиночество» С.Г. Корчагиной; личностный опросник Айзенка (*EPI*); методика исследования тревожности Спилбергера—Ханина; методика измерения самоотношения (МИС) С.Р. Панталева; «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхана; анкетный опросник Г.Р. Шагивалеевой; методика незаконченных предложений (модификация теста Дж. Сакса), включающая два незаконченных предложения «Одиночество — это...», «Изоляция — это...», а также несколько вопросов: «Всегда ли одно предполагает другое? Можете ли Вы описать случаи, когда они встречаются отдельно друг от друга и когда пересекаются?»; «Как Вы считаете, может ли одиночество быть полезным? И если да, то для кого?»; «Изменилось ли Ваше отношение к одиночеству после ознакомления с анкетами? И если да, то как?»; «Испытывали ли Вы сами когда-нибудь одиночество? Если да, то какую оценку Вы могли бы дать состоянию одиночества?»

Обследовано: на 1-м этапе (выявление субъективно одиноких и неодиноких с помощью методики незаконченных предложений и опросной методики Г.Р. Шагивалеевой) — 280 студентов 1-х и 2-х курсов московских вузов, 17—19 лет. На 2-м этапе (основная батарея методик) — 88 испытуемых (35 юношей и 53 девушки) — по 44 субъективно одиноких и неодиноких.

Результаты

1. Обнаружены различия в переживании испытуемыми чувства одиночества в зависимости от выраженности их личностных особенностей.

2. Субъективное осознание себя одиноким или неодиноким тесно связано с объективной ограниченностью связей с окружающими людьми. Однако для некоторых испытуемых характерна неадекватность восприятия своего положения: определение себя как одинокого при отсутствии серьезных на то оснований и наоборот — определение себя как неодинокого при наличии объективных признаков одиночества. Оценка своего состояния зависит больше от когнитивных человека, чем от реального положения дел.

3. Получено соответствие смыслового содержания по проективной методике незаконченных предложений и опросной методике Г.Р. Шагивалеевой.

4. Чувство одиночества по-разному воспринимается в зависимости от личностных особенностей субъекта. Субъективно одинокие люди (группа «А») имеют: а) пониженные показатели по экстраверсии и по всем параметрам самоотношения; б) повышенные показатели тревожности (ситуативной и личностной) и нейротизма. Они чаще прибегают к стратегии избегания (в сравнении с группой «В» — субъективно не одиноким), склонны применять более пассивные способы преодоления одиночества, часто испытывают отчаяние, апатию и равнодушие при столкновении с ним. В качестве последствий одиночества называют ухудшение самооценки и снижение удовлетворенности жизнью.

5. Испытуемые группы «А» более негативно и дифференцированно оценивают свое состояние одиночества. Они видят в нем более глубокие, тяжелые и всеобъемлющие переживания. В их ответах встречается отнесение одиночества к сущностным свойствам человека (т.е. экзистенциальное понимание одиночества).

6. Испытуемые группы «А» видят причинами своего одиночества в большей степени факторы, касающиеся их личности, — отчужденность, собственную отличительность, обособленность, ненужность, внутренние проблемы, дисгармонию. При позитивной оценке одиночества они также видят его основаниями личностные особенности — высокую развитость, богатство внутреннего мира, уникальность.

С. М. Паршина

Нарушение произвольной регуляции психической деятельности при обсессивно-компульсивном расстройстве (ОКР)

Научный руководитель — И. В. Плужников

Цель работы — изучение нарушений произвольной регуляции психической деятельности при обсессивно-компульсивном расстройстве (ОКР).

Гипотезы: 1. Особенности протекания процессов произвольной регуляции при ОКР имеют отличные качественные и количественные характеристики от таковых в норме. 2. Нарушения психической деятельности и патологические изменения в поведении больных, возникающие в рамках ОКР, имеют в своей основе нарушения произвольной регуляции.

Методики: патопсихологическое обследование; опросники: *Padua Inventory-Washington State University Revision*, «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой; поведенческая шкала оценки регуляторных функций взрослых (*Behavior Rating Inventory of Executive Functions*); батарея стандартизованных тестов для оценки регуляторных функций (*The Delis-Kaplan Executive Function System, D-KEFS*), в которую входят следующие тесты: «След» (*D-KEFS Trail Making Test*), вербальной беглости (*D-KEFS Verbal Fluency Test*), образной беглости (*D-KEFS Design Fluency Test*), интерференционный тест (*D-KEFS Color-Word Interference Test*), «20 вопросов» (*D-KEFS Twenty Questions Test*), «Башня» (*D-KEFS Tower Test*).

Выборка. Было проведено 2 исследования: в первом приняли участие 285 здоровых испытуемых (в возрасте 18—55 лет), во втором — 20 здоровых испытуемых и 15 с диагнозом ОКР в возрасте 18—55 лет.

Результаты

1. Разработана интегративная клинико-психологическая структурно-функциональная модель произвольной регуляции психической деятельности, состоящая из блоков планирования, программирования, оценки результатов и коррекции. Показана правомерность применения этой модели для объяснения особенностей протекания регуляторных процессов как в норме, так и в патологии.

2. В группе больных ОКР выявлен дефицит следующих процессов произвольной регуляции психической деятельности: 1) *программирования*: неверные представления субъекта о значимых внутренних и внешних условиях деятельности (нарушение звена модели условий), а также неспособность продумывать способы своих действий и поведения в соответствии с поставленной целью (звено программы действий); 2) *оценки результатов*: неадекватность оценки человеком результатов собственной деятельности; 3) *коррекции*: нарушение процессов коррекции сформированных программ; 4) *механизма торможения*: нарушение способности затормозить действие, противостоять ему или вовсе не действовать в ответ на импульс; 5) *механизма переключения*: неспособность субъекта свободно переходить от одного вида активности (задачи, проблемы и т.д.) к другому, нарушение гибкости в решении поставленных задач.

3. С помощью метода синдромного клинико-психологического анализа показана системность в специфике нарушений произволь-

ной регуляции при ОКР, определены компенсаторные межфункциональные связи: относительно сохраненные блоки планирования и инициации компенсируют дефицитарность звеньев модели условий и программы действий, что способствует выполнению того или иного действия.

4. Предпринята попытка описания патопсихологического синдрома ОКР. Основываясь на полученных данных удалось выявить значимую роль нарушений произвольной регуляции в общем синдроме.

Е. С. Путрик

Психологическое благополучие младших подростков из семей с разным социально-экономическим статусом

Научный руководитель — Г. В. Бурменская

Цель — установление различий между детьми из семей с разным социально-экономическим статусом (СЭС) в отношении привязанности к матери, психологического благополучия и мировосприятия.

Гипотеза: дети, растущие в семьях высокого и среднего СЭС, отличаются рядом психологических особенностей.

Методики: Шкала оценки базовых убеждений Р. Яноф-Бульман в сокращенном варианте М.А. Падун и А.В. Котельниковой; подростковый вариант методики «Шкала психологического благополучия» Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко для взрослых; методика Дж. Армсдена (Armsden) и М. Гринберга (Greenberg) “*Inventory of Parent and Peer Attachment, IPPA*” для старших подростков (адаптация Яночкиной); тест на оценку оптимизма/пессимизма М. Шайера (Scheier) и Ч. Карвера (Carver) *LOT-R* (адаптация Паршиной); проективная методика «Незаконченные предложения» (расширенный нами вариант методики для подростков Е. Сурковой).

Обследованы ученики 5-х и 6-х классов московских частных и государственных школ — всего 104 ребенка (47 мальчиков, 57 девочек) в возрасте от 10,5 до 13,5 года.

Результаты

1. Дети из семей среднего СЭС в большинстве своем воспринимают мир более позитивно, чем их сверстники из высокообеспеченных семей: дети из государственных школ (ГШ) в большей степени склонны воспринимать окружающий мир как доброжелательный и справедливый.

2. Ненадежная привязанность детей из частных школ (ЧШ) связана с недоверием к матери, отстраненностью от нее вследствие эмоционального отвержения со стороны родителей.

3. Ненадежная привязанность детей из ГШ чаще всего обусловлена недостатком общения с матерью. Доля детей с ненадежной привязанностью несколько выше в группе детей из ЧШ.

4. Доверительные, близкие отношения с матерью тесно связаны с положительным отношением подростков из ЧШ к самим себе.

5. В группе детей из ГШ доверительные отношения с матерью связаны с большей социальной компетентностью подростка и возможностью строить положительные отношения с другими людьми.

6. Ученики ЧШ более довольны собой и своими достижениями, чем ученики ГШ. Они в большей степени направлены на саморазвитие и считают себя везучими.

М. К. Рыбникова

Психосемантическое исследование личностных черт и компетенций: сходства и различия в факторных структурах

Научный руководитель — А. Г. Шмелев

Задачи исследования: 1. Проверка гипотезы о связи имплицитной структуры личности и структуры компетенций. 2. Разработка методического инструментария (а также пополнение словаря личностных черт). 3. Изучение влияния фактора лексической формы. 4. Изучение и элиминирование влияния фактора последовательности.

Методика. За основу взята методика КСП-393 (расширенная модификация методики А.Г. Шмелева «контрольный список прилагательных-240», дополненная современным лексическим материалом и списком компетенций). Каждый испытуемый оценивал себя по широкому кругу черт и компетенций. Использованы 4 версии методики КСП-393 с целью контроля эффектов последовательности и лексической формы (прилагательные или глагольные выражения). Данное исследование было проведено в качестве интернет-опроса в системе интернет-сервисов *HT-LINE*, разработанной в лаборатории «Гуманитарные технологии» (научный руководитель — А.Г. Шмелев).

Выборка: 1426 респондентов (1012 женщин и 414 мужчин). Средний возраст 31.4 года, стандартное отклонение по показателю «возраст» 11.27.

Результаты

Для проверки гипотезы о единстве имплицитной теории личности и структуры компетенций были проведены факторизации с целью выделения структуры компетенций и реконструкции имплицитной теории личности. Получено два решения — 5- и 10-факторное. Выделенная по формальному критерию 5-факторная структура демонстрировала менее высокую устойчивость (к варьированию

лексической формы и последовательности тестовых заданий), чем построенная 10-факторная структура, которая в дальнейшем показала устойчивость к влиянию факторов лексической формы и последовательности. По своему содержанию факторы, скорее, однородны и могут быть проинтерпретированы с точки зрения концепции Большой пятерки, что позволяет нам привести полученное решение как факт в пользу нашей гипотезы. Однако о полном тождестве черт и компетенций говорить тоже нельзя, так как были выделены и специфические факторы, содержащие преимущественно то черты, то компетенции.

Очевидно, что черты целесообразно связывать со сферой неформальных межличностных отношений, которые более характерны для семейно-бытового и дружеского общения человека, в то время как компетенции характерны для сферы производственных отношений. Таким образом, мы получили в исследовании сведения об универсальных факторах — таких, которые проявляются в равной мере и в той и в другой сфере, а также о специфических факторах — особенных для каждой из двух указанных сфер.

Перспектива дальнейших этапов исследования видится в применении кластерного анализа и структурного моделирования с целью выявления более устойчивых локальных подмножеств черт и компетенций.

Л. Р. Хазиахмедова

Особенности саморегуляции как фактор организации телесного и эмоционального опыта в младшем школьном возрасте

Научный руководитель — Г. А. Арина

Центральная линия развития в младшем школьном возрасте — становление опосредованности и произвольности высших психических функций. В возрасте 8—9 лет у ребенка начинает формироваться индивидуальный язык *телесного опыта* (ТО), он уже обладает способностью к рефлексии и дифференциации собственных эмоциональных состояний.

Цель работы — исследование особенностей саморегуляции как фактора организации ТО и *эмоционального опыта* (ЭО) в младшем школьном возрасте.

Задачи: 1. Исследовать особенности ТО у детей с разным уровнем развития функций программирования и контроля произвольных форм деятельности. 2. Исследовать особенности ЭО у детей с *дефицитом регуляторных функций* (детей с РД) и детей с *отсутствием*

указанного дефицита (детей с ОД). 3. Сравнить параметры ТО и ЭО с особенностями развития функций программирования и контроля произвольных форм деятельности у детей 8—9 лет.

Гипотеза: процесс развития представлений о собственном теле, ТО, ЭО и невербальное поведение зависят от навыков саморегуляции, в частности программирования и контроля произвольных форм деятельности.

Методики. 1. Анализ поведения и учебной деятельности учащихся; 2. Батарея тестов для обследования функций программирования и контроля произвольных действий (Т.В. Ахутиной, О.Б. Иншаковой); 3. «Классификация дескрипторов соматических ощущений» (Г.А. Ариной); 4. «Метод цветových выборов» (М. Люшера в адаптации Л.Н. Собчик); 5. Модификация методики «Цветовой тест отношений» (Г.А. Ариной); 6. Ценностная структура образа тела (С. Фишера в адаптации Е.Т. Соколовой.); 7. «Методика свободного описания поз и жестов» (Г.А. Ариной). 8. Статистические методы обработки.

Обследованы психически и психосоматически здоровые дети в возрасте 8—9 лет, успешно адаптированные к школе, в количестве 54 человек. По данным нейропсихологического исследования было выделено 40 детей. В дальнейшем группа была разделена на 2 подгруппы по 20 человек: дети с выраженным РД и дети с ОД (по 10 мальчиков и девочек в каждой).

Результаты

1. В организации и содержании ТО детей с РД и детей с ОД обнаружены различия. Для детей с РД характерен больший (по сравнению с детьми с ОД) объем знакомых болевых ощущений, они структурируют ТО и БО преимущественно на основе эмоционального компонента. Эти дети часто воспринимают ТО и БО как неподдающийся контролю с их стороны, ТО (и БО, связанный с головой) окрашен в большей степени отрицательными эмоциями. Дети с ОД опираются на эмоциональное отношение к телесным феноменам, выделяют в БО динамический аспект. При описании ТО дети с РД опираются на более раннюю категорию размера, тогда как дети с ОД используют более поздние категории, отражающие интенсивность и динамический аспект. У детей с РД отсутствуют приоритетные локусы болевых ощущений. 2. В эмоциональном отношении к телу и его частям также обнаружены различия. 3. Особенности эмоциональной сферы детей с РД является ощущение напряжения, вызванное лабильностью, неустойчивостью к воздействиям различного рода. Распознавание собственных эмоциональных проявлений и чувств другого человека у детей с ОД происходит в большей степени с опорой на личностные качества, чем у детей с РД. Способность к интерпретации поз и жестов другого человека снижена у детей с РД по сравнению с детьми с ОД.

Е. В. Чурилина

**Психофизиологический анализ восприятия
размеров зрительных объектов: векторный подход**

Научный руководитель — А. А. Кисельников

Детекция таких простых признаков объекта, как ориентация линий, яркость, цвет, в зрительной системе была изучена и описана сферической моделью различения академиком Е.Н. Соколовым и его учеником Ч.А. Измайловым. В данной работе проводится исследование последнего и до сих пор не изученного базового модуля зрительного кодирования — размера простых зрительных стимулов.

Гипотеза: различение размера зрительных стимула идет по классическому сферическому механизму, описанному Е.Н. Соколовым и Ч.А. Измайловым.

Методики. Экспериментальный дизайн состоял из трех серий — психофизической (многомерное шкалирование + прямое шкалирование), поведенческой (запись времени реакции на мгновенную замену), психофизиологической (запись вызванного потенциала на мгновенную замену).

Испытуемые — 19 студентов, аспирантов и выпускников МГУ имени М.В. Ломоносова в возрасте 18—30 лет.

Выводы

Можно предложить две альтернативные психофизиологические модели восприятия размера зрительных объектов — одноканальный модуль и двухканальный модуль.

1. Одноканальный модуль восприятия и различения размера зрительных объектов работает как «кусочно-линейный эстафетный канал», пропорциональный логарифму физической интенсивности стимуляции. Механизм работы этого модуля релевантен ранним идеям Е.Н. Соколова об «эстафете нейронов-преддетекторов», последовательно, по мере возрастания уровня стимуляции, включающихся в процесс ее обработки.

2. Двухканальный модуль восприятия и различения размера зрительных объектов релевантен более поздним идеям Е.Н. Соколова о глобальном сферическом механизме кодирования информации и теоретическому уточнению Ч.А. Измайлова о сферическом двухканальном модуле, лежащем в основе восприятия всех элементарных перцептивных признаков (яркость, хроматичность, ориентация и др.). Полученная нами экспериментальная конфигурация точек — полуокружность в двумерном пространстве — строго совпадает с теоретическим предсказанием, вытекающим из положения об элементарном сферическом двухканальном модуле.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н. В. Бордовская, Л. А. Даринская

«АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ-2012»: ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ

1 августа 2012 г. исполнилось 105 лет со дня рождения Бориса Герасимовича Ананьева, известного психолога, профессора, создателя концепции факультета психологии ЛГУ (СПбГУ). О нем написано немало теплых слов и в юбилейных сборниках, и в воспоминаниях его коллег, соратников, учеников. Данью памяти основателю ленинградской психологической школы является традиционная научно-практическая конференция «Ананьевские чтения», которая проводится на факультете психологии СПбГУ в течение более чем трех десятилетий и всегда осенью, в октябре. С каждым годом расширяется география и состав участников конференции, включаются новые формы взаимодействия (телеконференция, интерактивные мастер-классы).

Традиционно организацией конференции поочередно занимаются кафедры факультета психологии СПбГУ. Такой подход позволяет расширить тематику «Ананьевских чтений», рассмотреть результаты научных исследований с разных позиций и в то же время комплексно, представить развитие психологической науки в динамике. Заниматься подготовкой, организацией и проведением конференции всегда большая честь и ответственность. В этом году эстафету приняла кафедра психологии и педагогики личностного и профессионального развития (зав. кафедрой — действ. член РАО, профессор Н.В. Бордовская).

Основным направлением работы международной научно-практической конференции «Ананьевские чтения», проходившей 16—18 октября 2012 г., были проблемы современной психологии образования, которые широко обсуждались как на теоретико-методологическом, так и эмпирически-прикладном уровнях. В рамках «Ананьевских чтений-2012» проведены пленарное заседание, три симпозиума, мастер-класс,

Бордовская Нина Валентиновна — действ. член РАО, профессор, докт. пед. наук, зав. кафедрой психологии и педагогики личностного и профессионального развития ф-та психологии СПбГУ. *E-mail*: nina52@mail.ru

Даринская Лариса Александровна — докт. пед. наук, доцент кафедры психологии и педагогики личностного и профессионального развития ф-та психологии СПбГУ, зам. председателя организационного комитета конференции. *E-mail*: lars_2000@mail.ru

Конференция проводилась за счет средств федерального бюджета и гранта РГНФ №12-06-14114г.

два семинара, работали 10 секций и 8 круглых столов, выпущен сборник материалов конференции.

Торжественное открытие «Ананьевских чтений-2012» состоялось в актовом зале главного здания СПбГУ. С приветственным словом к гостям и участникам конференции обратились проректор по направлениям история, философия и психология *Л.А. Цветкова* и декан факультета психологии *А.В. Шаболтас*. Выступающие подчеркнули актуальность конференции, посвященной проблемам психологии образования, поиску новых идей и подходов, форм работы и методического инструментария практических психологов в условиях реформирования и коренного изменения всей отечественной системы образования.

На **планарном заседании** с докладами выступили ведущие ученые и специалисты в области психологии образования. Профессор *Л.А. Резуш* (РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург) осветила ряд ключевых моментов становления психологии образования, ее взаимосвязей с педагогической психологией. В частности, были проанализированы факты слабого влияния научных результатов в области педагогической психологии на образовательную практику, подчеркнута необходимость расширения предметного содержания педагогической психологии.

В докладе профессора, члена-корреспондента РАО *М.А. Лукацкого* (Институт теории и истории педагогики РАО, Москва) были затронуты проблемы интеграции философской и психологической антропологии в контексте образования современного человека. Поднимались вопросы трактовки феномена образования и интеллектуального развития человека в разных теориях психологической антропологии; специфики факторов, объединяющих психологов-антропологов; обогащения психологической антропологии новыми теоретическими концептами. Особое внимание было уделено анализу концептов «когнитивный стиль» и «сенсотип».

В пленарном докладе профессора, члена-корреспондента РАО *А.А. Реана* (Москва) рассматривались особенности подростковой и юношеской субкультур, связанных с социальным максимализмом; поднималась проблема отношений развивающейся личности и подростковой культуры с позиций рисков экстремизма. Приведенная в докладе статистика и конкретные факты «заигрывания» с молодежными группами и движениями экстремистской направленности подтвердила мнение о расширяющихся границах асоциального поведения молодежи. Докладчик обозначил круг новых задач психологов в работе с подростками и связанные с ними направления психолого-педагогических исследований исходя из социально-психологических проблем воспитания и духовного развития молодого поколения в российской действительности.

В выступлении *С.М. Шингаева* (Академия постдипломного педагогического образования, Санкт-Петербург) поднималась проблема изменения статуса службы практической психологии в образовании.

Опираясь на статистические данные, докладчик обозначил новые аспекты работы практических психологов в системе дошкольного и школьного образования. На конкретных примерах были показаны трудности, с которыми сталкиваются практические психологи и которые снижают эффективность их профессиональной деятельности. В их числе слабая материальная поддержка, сложное взаимодействие с администрацией и педагогами, нежелание родителей принимать помощь и советы психолога.

Уникальные результаты лонгитюдного исследования старшеклассников, представленные в форме социально-психологического портрета выпускника петербургской школы, продемонстрировал в своем пленарном докладе профессор *С.Г. Вершиловский* (Академия постдипломного педагогического образования, Санкт-Петербург). Докладчик охарактеризовал совокупность общих свойств, присущих данной социальной группе, и проанализировал их изменения за 20 лет на фоне социальной нестабильности и постоянного реформирования системы образования.

Психологические вопросы безопасности в образовании как отрасли человекопроизводства были рассмотрены в выступлении профессора, член-корреспондента РАО *И.А. Баевой* (РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург). По мнению автора, обеспечение психологической безопасности образовательной среды, охрану и поддержание психического здоровья ее участников следует принять как приоритетное направление деятельности служб психологического сопровождения в современной системе образования.

На *симпозиуме «Теоретические и методологические проблемы психологии образования»* обсуждался междисциплинарный и комплексный характер психолого-педагогических исследований. Множественность методологических позиций психологов в изучении проблем современного образования с опорой на экопсихологический, субъектно-деятельностный и другие подходы была представлена как полипарадигмальность. В центре активного обсуждения оказались вопросы изменения круга психологических явлений в сфере современного образования и появления новых объектов, подлежащих психологическому изучению и категоризации. Как особенно значимые для изучения были выделены проблемы субъектов образования и их психологического здоровья; психолого-педагогического сопровождения новаций в средней и высшей школе; гетерохронности и усложнения этнического состава современных школьников и студентов; обучения на протяжении всей жизни; мобильности студентов и преподавателей; обеспечения эффективности образовательного процесса на основе принципов индивидуальности и вариативности; качества образования; воспитания и социализации личности. Методологическими ориентирами психолого-педагогических исследований были названы междисциплинарный и интегративный подходы, категоризация новых объектов

психологии образования, психотехника. Обсуждались возможности кросс-культурных международных проектов и лонгитюдных исследований по проблемам психологии образования, методологического обеспечения психологии специального и инклюзивного образования.

На *симпозиуме «Интеллектуальная компетентность личности: когнитивный, культуральный, образовательный аспекты»* были представлены исследования когнитивной компетентности современных людей в разных видах их повседневной интеллектуальной деятельности. В докладах поднимались вопросы специфики конструирования человеком собственных жизненных смыслов; метакогнитивной регуляции; интеллектуальных привычек, связанных с чтением; влияния билингвизма на успешность решения наглядно-образных задач на креативность. Был сделан акцент на такие проблемы, как социализация интеллекта, формирование метакогнитивных навыков и разработка программ развития интеллектуальной компетентности.

На *симпозиуме «Вклад профессора Бориса Дмитриевича Парыгина в развитие социальной психологии»* выступающие высоко оценили участие профессора Б.Д. Парыгина в развитии социальной психологии, проанализировали его концепции общения, личности, деятельности, социально-психологических состояний личности и общности, социально-психологического климата; подчеркнули методологическое значение социально-психологической теории Б.Д. Парыгина для современной психологии; рассмотрели перспективы эмпирических и прикладных исследований на базе социально-психологической теории ученого. Наиболее значимыми для исследований были названы проблемы социально-психологических барьеров и социально-психологических состояний, а также развитие общей социально-психологической теории.

В работе *секции «Проблемы личностного и профессионального развития в образовании»* поднимались вопросы формирования психологической компетентности специалистов, работающих в сфере образования; неравенства психологических позиций во взаимодействии педагог—обучающийся; преподавания психологии в школе; психолого-педагогического сопровождения учащихся и учителей; формирования гуманистической направленности будущих специалистов-психологов и развития творческой деятельности педагога. В теоретическом плане предлагались к рассмотрению и обсуждению идеи педагогической антропологии и нового направления — когнитивной педагогики. Большую дискуссию вызвали проблемы психологической службы в школе, сотрудничества и противостояния психологов и педагогов, способов корректного внедрения психологических знаний в образовательный процесс. С интересом обсуждалась тема отношения к репетиторству детей, родителей и самих репетиторов. Участники отметили, что данная область в психологическом контексте практически не исследована, хотя репетиторство в нашей стране — давно существующая реальность.

В процессе работы *секции «Психология развития и дифференциальная психология»* отмечалось, что представленные доклады охватывают широкий круг проблем, таких, как соотношение образования и развития личности в период взрослости; этнокультурные особенности картины жизненного пути человека; временная транспектива; динамика социального интеллекта у младших школьников и подростков; кросс-культурные исследования психологических проблем современных подростков; становление личностной и профессиональной идентичности студентов вузов. Была отмечена актуальность исследования потенциалов раннего детства, развития социального интеллекта на разных этапах онтогенеза, психологических особенностей одаренных детей и подростков, личностной зрелости, психологической помощи детям, подросткам и взрослым в трудных и кризисных ситуациях.

На *секции «Развитие личности в культурном контексте»* рассматривались аспекты культурной детерминации психических феноменов, влияния языка на принятие решения у билингвов, анализа художественного текста для создания культурно-исторической типологии личности. Активно обсуждались вопросы отношения потребителей к брендовой одежде, роли художественной литературы в личностном и профессиональном развитии психологов. Общим стержнем дискуссий стала тема совести как регулятора поведения личности, которая обсуждалась и в культурно-историческом, и в кросс-культурном, и в педагогическом аспектах.

В центре внимания *секции «Психология профессионального здоровья и здоровьесберегающие технологии в организации»* находились прикладные вопросы психологии профессионального здоровья. В докладах обсуждались проблемы психологического обеспечения профессионального здоровья работников образовательной системы, а также результаты эмпирических исследований профессионального здоровья в педагогической деятельности. Участники пришли к выводу, что разработка и реализация организационных программ сохранения профессионального здоровья являются актуальным направлением для будущих исследований.

На *секции «Современные проблемы детской клинической психологии»* обсуждались вопросы о роли отношений и взаимодействия ребенка с матерью в развитии особенностей пищевого поведения детей, в том числе и ситуации, приводящие к психопатологии. Большая часть докладов содержала результаты лонгитюдных исследований, посвященных различным аспектам развития недоношенных детей, воспитывающихся в семьях и в домах ребенка, а также сравнительного анализа особенностей психологического взаимодействия близких взрослых и детей, имевших опыт проживания в домах ребенка и возвращенных в биологические семьи или переведенных в приемные.

На *секции «Формирование социальных умений и нравственности в семье»* были выявлены наиболее актуальные направления семейной

психологии, такие, как психология семейного гостеприимства, межпоколенные отношения в семье, применение нарративного подхода в семейной психологии. С точки зрения практики актуальной является работа по созданию новых методик, позволяющих оценить различные стороны семейного взаимодействия, — уклад семьи, доверие супругов друг другу, воспитанность и нравственное развитие детей школьного возраста.

На *секции «Социальная и этническая психология»* особый интерес вызвали проблемы межэтнических отношений, структуры и содержания компетентности, необходимой для жизни в мультикультурной среде, факторов *гармонии—напряжения* в межэтнических отношениях. Участники отметили, что новизна исследований связана с построением теоретически обоснованных моделей, которые могут быть апробированы в современной России для снижения межэтнической напряженности. Большой интерес вызвали темы исследования ценностей при помощи имплицитного теста; интернет-поведения; прогнозирования девиантного поведения в сфере социальной психологии здоровья; стратегий обращения личности со своим социальным капиталом; чтения социальной ситуации через работу с произведениями искусства.

На *секции «Психология развития и обучения персонала»* были подняты вопросы оптимизации деятельности работников в современных условиях. Выяснялись факторы, провоцирующие социально-психологическую дезадаптацию педагогов общеобразовательной школы, а также обучения персонала при помощи игровых техник. Активно обсуждались возможности подготовки лидеров, отличающихся от менеджеров по функциям и свойствам.

На *секции «Психофизиология»* участники отметили, что на данный момент упор в психофизиологических исследованиях делается на разработку новых методов диагностики и анализа психофизиологических данных, на создание новых подходов к интерпретации психофизиологических показателей через призму системного междисциплинарного подхода. Актуальными являются проблемы психофизиологии стресса и обучения. Основная исследовательская задача психофизиологических исследований состоит в том, чтобы объяснить поведение в целом и отдельные процессы в частности в терминах активности мозга с использованием современных научных данных из смежных областей — нейробиологии, нейрофизиологии, нейроиммуноэндокринологии.

В центре внимания участников *круглого стола «Психологическая зрелость личности»* находились теоретико-методологические вопросы психологической зрелости взрослого человека, динамики развития и трансформации характеристик, составляющих основу данного феномена. Возникшая дискуссия существенно расширила представления всех присутствующих о проблеме, а также выявила новые направления в изучении специфики развития психологической зрелости и ее формирования. Участники особенно подчеркнули взаимосвязь новизны

данного исследования с традициями петербургской психологической школы.

На *круглом столе «Антропологическая теория психического развития и ее перспективы в XXI веке (к 105-летию со дня рождения Б.Г. Ананьева)»* обсуждалась разработанная Б.Г. Ананьевым антропологическая теория развития. В рамках этой теории обсуждалась проблема соотношения психического развития и общего развития индивида и личности, т.е. процессов онтогенеза и социальной жизнедеятельности на жизненном пути в ту или иную историческую эпоху. Идея целостности развития, подкрепленная выводами, полученными в результате комплексных исследований, особенно ценна для педагогической антропологии и педагогики, поскольку указывает на новые возможности управления развитием воспитанников путем использования открытых наукой закономерностей. Участники подчеркнули, что идеи Б.Г. Ананьева крайне плодотворны и помогают дальнейшему развитию психологии. При этом отметили, что предстоит большая работа по систематизации сделанного психологами с тем, чтобы раскрыть новые возможности ее внедрения в практику.

Основная проблема *круглого стола «Проблемы и перспективы инклюзивного образования»* — разработка концепции инклюзивного образования в России, ее отличие от зарубежных моделей инклюзии в странах Европы и США. Рассматривались вопросы этических норм работы специалистов в контексте инклюзивного образования, важности комплексного подхода в решении задач обучения и воспитания детей с ограниченными возможностями, роли родителей в определении педагогического маршрута инклюзантов, здоровьесберегающих технологий повышения успешности обучения и социализации детей и подростков. Участники обострили проблему недостаточной психологической подготовленности общества к инклюзии детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательную среду со здоровыми сверстниками. В результате были сделаны выводы о недостаточности методологического обоснования концепции инклюзивного образования в России; о необходимости разработки психотехнологий для повышения эффективности обучения и воспитания детей в условиях инклюзии; об усилении роли психолога для оказания помощи субъектам инклюзивного образования.

На *круглом столе «Концепция обучения на протяжении всей жизни: человек в диалоге с окружающим миром»* участники обсуждали концепцию непрерывного образования (*life-long-learning*) с позиций психологии, социологии и философии. В настоящее время непрерывное образование рассматривается как система взглядов на практику обучения и образования, в которой учебная и познавательная деятельность человека представляется как неотъемлемая и естественная составляющая часть его образа жизни во все возрастные периоды. Докладчики подняли проблемы готовности взрослых людей к образованию и

обучению на протяжении всей жизни с позиции искусства, обсудили концепцию непрерывного образования как приоритетное направление Европейской образовательной политики. Участники пришли к выводу, что непрерывное образование — это целостный процесс, обеспечивающий поступательное развитие творческого потенциала личности и всестороннее обогащение ее духовного мира.

На **круглом столе «Политическая культура в современном образовании»** обсуждалось влияние реформы образования на стимулирование труда, мотивацию, профессиональные навыки и самочувствие школьных учителей. Серьезное внимание было уделено методологическим вопросам и обсуждению термина «культура». В выступлениях затрагивались такие важнейшие проблемы, как формирование политической культуры в студенческой среде и референтных группах, изменение ценностной сферы молодежи, авторитета школьного учителя. Участие в круглом столе студентов дополнило взгляд экспертов живыми примерами и новыми идеями.

В работе **круглого стола «Подготовка специалистов по работе с психической травмой и кризисными состояниями»** обсуждался широкий спектр проблем, связанных с оказанием психологической помощи в кризисных и экстремальных ситуациях, спецификой деятельности специалистов в данной области, подготовкой таких специалистов на опыте России, Германии и Израиля. Поднимались вопросы изучения особенностей аддиктивных состояний у лиц, перенесших боевое посттравматическое стрессовое расстройство; профилактики психических травм у сотрудников метрополитена; психологической подготовки врачей-онкологов, а также специалистов по работе с жертвами буллинга. Были затронуты темы кризиса семейных отношений в официальном и неофициальном браках, психологических ресурсов профессионализма, обсужден опыт помощи на Саяно-Шушенской ГЭС, подготовки-специалистов по организации ролевых игр живого действия при социализации подростков.

На **круглом столе «Современная семья: проблемы и социальные риски»** участники обсуждали такие вопросы, как высокий уровень рискованного поведения детей; усиление тенденции, связанной с насилием над детьми; разобщенность различных структур в работе с семьями (системы образования, МВД, здравоохранения и др.). Бурную дискуссию вызвали проблемы краткосрочности проектов и программ по работе с семьями, по завершении которых нельзя говорить о достижении какого-либо устойчивого эффекта. При этом участники отметили, что активно ведутся разработки новых программ и их внедрение, проводятся тренинги формирования модели осознанного родительства, поступают предложения воспользоваться опытом иностранных коллег (социальные инновации, отказ от детских домов и др.).

На **круглом столе «Психолого-педагогические проблемы в спорте»** обсуждалась специфика профессиональной деятельности психолога

в спорте. Важным с точки зрения психолого-педагогических проблем является вопрос поиска и развития спортивных способностей, а также совершенствование системы физического воспитания в стране как необходимой основы для взращивания талантов в спорте. Большое внимание было уделено вопросам личности тренера и тем профессиональным качествам, которые позитивно влияют на личностное формирование юного спортсмена. В процессе обсуждения была затронута значимая для современного спорта проблема выбора между дисциплинарными педагогическими воздействиями, адекватными поведению спортсмена, и необходимостью отказа от этих воздействий из-за гонки за спортивными результатами.

На **семинаре «Профилактика рискованного поведения в отношении здоровья в образовательных учреждениях»** обсуждались особенности субъект-субъектных и субъект-объектных отношений лиц с наркотической зависимостью, этические аспекты профилактики рискованного поведения в образовательных учреждениях. Участники отметили важность соблюдения принятых в мировой практике этических норм и принципов при проведении исследований рискованных форм поведения, привели примеры возможных этических дилемм, возникающих при осуществлении профилактической работы с несовершеннолетними.

Российско-американский семинар «Научно-обоснованные подходы к профилактике рискованного поведения в образовательной среде: опыт США и России» показал, что проблемы распространения и превенции инфекций, передаваемых в контексте близких отношений с другими людьми, входят в перечень наиболее обсуждаемых на ведущих мировых психологических форумах и страницах международных периодических изданий. Участники отметили, что для России данная проблематика является неразработанной в рамках лонгитюдных исследований, отсутствуют государственные программы и политика в превенции поведенческих рисков в области здоровья для детей и юношества. Одним из конкретных результатов семинара стала официальная договоренность о подаче совместной научной заявки Санкт-Петербургского и Йельского университетов для участия в конкурсе Национальных институтов здоровья США в области превенции ВИЧ/СПИД.

В ходе **мастер-класса «ProActive: проект развития креативности учителей с помощью Game Based Learning (обучения, основанного на игре)»** была продемонстрирована методика обучения с помощью компьютерных игр. Теоретическая основа обучения через игру представляет обобщение существующих в современной психологии образования техник обучения с помощью компьютерных технологий, дает новый взгляд на современные образовательные технологии. Участники мастер-класса смогли самостоятельно создать игру для образовательных целей, получить не только полезный опыт, но и про-

граммную оболочку для разработки подобных игр в практических и научных целях.

На **торжественном закрытии** конференции «Ананьевские чтения-2012» был сделан доклад *С.Н. Костроминой* (СПбГУ) «Место психологии образования в системе психологического знания», в котором был представлен анализ диссертационных исследований в области педагогической психологии за 15-летний период. Результаты анализа показали, что бо́льшая часть исследований посвящена социальным и организационным проблемам образования. Отмечено усиление интереса психологов к социальной проблематике изучения личности детей и взрослых в контексте образовательной среды. Исследования, посвященные изучению психологических закономерностей эффективных систем обучения, воспитания и развития способностей, самой педагогической деятельности и взаимодействия субъектов педагогической и учебной деятельности на различных уровнях и ступенях образовательного процесса, стали занимать лишь часть проблемного поля. Так, с конца 1990-х гг. доминировали исследования, посвященные проблемам менеджмента образования, реализации психологических услуг и психолого-педагогическому обеспечению непсихологических областей знаний. С 2000 по 2005 г. в фокусе внимания исследователей — проблемы психологической помощи, сопровождения детей и взрослых в системе образования. С 2006 г. по настоящее время — психологические проблемы обучения и развития его субъектов в соответствии с целями образовательного процесса, психологический климат и межличностные отношения субъектов образовательной деятельности. Ключевым вопросом для современной психологии образования является поиск ее ресурсов, что предполагает нахождение новых способов интеграции междисциплинарного знания в едином психологическом знании о сфере образования.

В качестве перспектив развития психологии образования были обозначены экспериментальные исследования нейропсихологических основ обучения, воспитания и развития человека; непрерывное личностное и профессиональное развитие человека в пространстве образования; психологическая экспертиза образовательной среды и ее социальный, организационный и когнитивный аспекты.

Подводя итоги, следует отметить, что конференция привлекла внимание более 400 участников, среди которых были представители как отечественной, так и зарубежной психологической и педагогической науки. Все выразили заинтересованность в развитии психологии образования на российском и мировом уровнях и, по результатам опроса, планируют участие в «Ананьевских чтениях-2013».

Поступила в редакцию
03.12.12